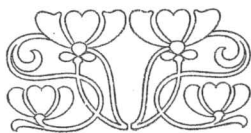

ЗАПИСКИ =
ИВАНА ИВАНОВИЧА
МАЗАЕВА. == ==
1897 г. == == ==

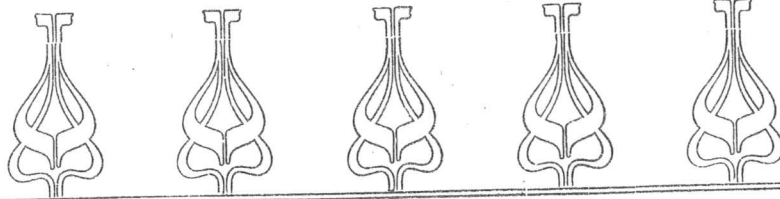

ВОСПОМИНАНІЕ ДѢТСТВА, ОТРОЧЕСТВА И
БОЛѢ ПОЗДНЯГО ВРЕМЕНИ. == ==

ИЗДАНИЕ П. А. МАЗАЕВА.

ТАГАНРОГЪ.
ТИПОГРАФІЯ К. Д. ЧУМАЧЕНКО.
1911. 11247

ЗАПИСКИ.

Тысяча лѣтъ—какъ одинъ день, и одинъ день—какъ тысяча лѣтъ.

16-го Января 1897 г.

Утро. Тихо. Туманъ и легкій иней на деревьяхъ. Морозить. Выглянуло солнце и освѣтило все свсими лучами. Туманъ, поднявшійся, сформовалъ группы облаковъ. Кажется, вотъ вотъ изъ нихъ сверкнетъ молнія и загремитъ грсмъ. Трудно представить, что это—зима; все напоминало восхитительную и художественную весну: свѣтило солнце, радостно летали голуби и, описавъ кругъ, садились на голубятникъ, какъ-бы одѣвъ его въ бѣлый саванъ (всѣ голуби были бѣлые; если появлялись голуби какого-либо другого цвѣта, то Константинъ пристрѣливалъ ихъ, и намъ приходилось иногда ѣсть ихъ зажаренными); дружно захлопавъ крыльями, они снова взлетали на воздухъ и, полетавъ нѣкоторое время, бѣлѣя на солнцѣ, снова садились, но уже на землѣ; поклевавъ зеренъ, они опять вдругъ, какъ по командѣ, взлетали вверхъ и кружась въ воздухѣ, бѣлѣли на фонѣ голубого неба; весело имъ—день ужъ очень хорошъ!

Ко двору тянулись колымаги со льдомъ, который блестялъ, отражая солнечные лучи; за ними весело шли рабочіе, радуясь солнцу; верблюды, лѣниво переступая, везли колымаги, до верху наполненныя чистымъ и блестящимъ льдомъ. Какъ солнечно, какъ отъ этого весело!

Но вотъ закачались деревья, подулъ восточный свѣжій вѣтерокъ, постепенно усиливаясь. Стало холодно. Облака растянулись, соединились въ общую массу и закрыли ласковое и пріятное солнышко. Сдѣлалось темно, пасмурно, и на лицахъ людей показалась

скука и суровость, и голубей болѣе не было—попрятались.

Вѣтеръ уже гудѣлъ, и нельзя было опредѣлить, спряталось-ли солнце или его вовсе нѣтъ; но вотъ раздвинулись облака, и опять показалось солнце, какъ будто желая увѣрить, что есть оно; опять все озарилось солнечнымъ блескомъ. Но тучи вновь соединились, и солнце какъ будто неохотно пряталось за облака, не желая разстаться съ обитателями земли. И опять сдѣлалось пасмурно и скучно, и вѣтеръ гудѣлъ, какъ прежде.

Я съ Паней (мой сынъ) ѣздилъ къ „Кошарѣ“, находившейся въ 3-хъ верстахъ отъ дома, посмотрѣть овецъ; онѣ пошли пастись. Въ полѣ грязно; кое-гдѣ остался небольшими участками снѣгъ, вырисовывая на полѣ какія-то уродливыя изображенія.

17-го Января.

Вечеръ. Тихо. Небо чистое. Я, было, потушилъ свѣчу и хотѣлъ идти въ мастерскую—тамъ дѣлаютъ болванчика для Аарона, но не пошелъ. Звѣзда свѣтлая, бѣлая, свѣтитъ прямо сюда черезъ окно, слабо освѣщая конторку: это полуденная звѣзда; а то на востокъ есть другая звѣзда, голубая, съ мерцающимъ свѣтомъ, покровительствующая дѣтямъ.

22-го Января.

Ночь. Темно. Идетъ небольшой дождичекъ. Пошелъ я въ депо (мастерская, гдѣ изготовлялись фигуры); ноги не вытащишь изъ грязи; и я вспомнилъ давно минувшее.

Когда я былъ молодымъ, шелъ однажды въ Астраханкѣ по улицѣ—ступню, а калоша скинется и останется въ грязи; вытащу ее—другая увязнетъ. Во дворѣ Колоскова кто-то громко смѣялся, какой то его рабочій татаринъ, и видимо, надо мною. У своего дома, на улицѣ, сидѣлъ на прилавочкѣ самъ Колосковъ и глядѣлъ на меня. Я поравнялся съ нимъ и нарочно во всеуслышанье сказалъ:

— Какъ узнать дураковъ? Вотъ надѣнь калоши и иди по грязи, а дуракъ-то и будетъ хохотать!

Колосковъ засмѣялся; а тотъ, что хохоталъ, услышалъ и сразу замолчалъ. Кто-то еще хотѣлъ смѣяться, но сейчасъ-же остановился. Услышалъ объ этомъ Родіонъ Тимоѣевичъ и говоритъ мнѣ:

-- Какъ это ты выдумалъ ихъ одурачить?

— Въ другой разъ не будутъ насмѣхаться!

Пришелъ я въ депо. Паня дѣлалъ крючки для кожи, а Костя—жертвенникъ.

Въ ноябрѣ 1896 года были мы въ Астраханкѣ.

Я проснулся рано, немного походилъ по комнатѣ и опять легъ. Въ сосѣдней комнатѣ спали двѣ свояченицы. Свѣтало. Лишь только я задремалъ, какъ какая-то женщина растворила изъ кухни мою дверь и, просунувъ голову, крикнула:

— Иванъ Ивановичъ!

— Что?—вскочивъ, крикнулъ я. Мнѣ показалось, что я проспалъ; надо было идти въ собраніе, такъ какъ въ Астраханкѣ народъ собирался рано и дружно. Я такъ громко отозвался, что даже одна изъ свояченицъ услышала. Я опечалился, такъ какъ это было плохое предзнаменованіе: говорятъ, что если кто откликнется во снѣ на зовъ, то это—къ болѣзни.

Но, слава Богу, обошлось благополучно—теперь уже около трехъ мѣсяцевъ прошло съ того времени, и я не боленъ.

Одѣвшись, пошли мы на собраніе. На улицахъ еще никого не было видно, но, спустя нѣкоторое время, народъ началъ выходить изъ домовъ и быстро заполнялъ улицу; всѣ двигались по направленію къ собранію и цѣлыми толпами входили туда. По

окончаніи собранія, мы возвратились домой, гдѣ напились чаю; потомъ пошли къ Василю Тимоѣевичу на похороны.

Народу очень много и во дворѣ и около двора; здѣсь были мужчины, женщины и дѣти; на крыльцѣ стоялъ гробъ; около него толпились люди, больше женщины. Я протискался чрезъ толпу и вошелъ въ комнату; здѣсь пѣли псалмы, потомъ проповѣдывали и молились; мнѣ также пришлось сказать проповѣдь. Потомъ всѣ вышли изъ комнатъ; поставили гробъ посреди двора и, окруживъ его, снова молились. Затѣмъ подняли гробъ и понесли; за нимъ слѣдовали родственники покойнаго: сестра—невѣста, которая сильно плакала, что-то приговаривала и падала; ее поддерживалъ, ведя подъ руку, дядя ея, Степанъ Тимоѣевичъ. Позади родственниковъ шли пѣвцы и пѣли; голоса разносились далеко по селу. Всѣ мы, безъ шапокъ, шли слѣдомъ. Народомъ запружена вся улица; женщины подбирали юбки, чтобы не наступали на нихъ. Вся эта печальная процессія направилась къ сѣверу.

Народу было такъ много, что мы то-и-дѣло наступали на каблуки идущихъ впереди, находящіеся же позади въ свою очередь били насъ по каблукамъ; женщины въ своихъ пестрыхъ нарядахъ напоминали цвѣты, разсѣянные въ полѣ. Всѣ шли уныло и пѣли псаломъ, несмотря на то, что пѣніе на улицахъ запрещалось начальствомъ; но мы на это не смотрѣли; насъ, бывало, штрафовали, мы платили штрафъ и все-таки пѣли.

Было холодновато. Показался погостъ, обсаженный маслиной; тамъ было много народу, поджидавшего насъ; когда мы приблизились, всѣ снимали шапки. Покойника зарыли; сопровождавшіе его разбрелись по погосту; нѣкоторые отыскивали могилы своихъ родныхъ; двѣ дѣвочки плакали надъ свѣжей могилкой: вѣрно, недавно кого-нибудь близкаго похоронили. Пошелъ и я разыскивать могилу свей тещи, но не зналъ, гдѣ она; слышалъ только, что вокругъ нея—ограда. Обошелъ всѣ сгороженные могилы, но не нашелъ; пошелъ искать тестя, пришедшаго сюда со мною, но за многолюдствомъ долго не могъ найти и его; наконецъ, когда

народу поубавилось, я увидѣлъ его. Онъ указалъ мнѣ на свалившуюся отъ времени ограду на могилѣ тещи; на еще стоявшемъ одномъ столбикѣ едва можно было разобрать надпись: „Елена Кузьминична Кругова“; могила заросла полынью; а вотъ рядомъ—могила Евдокии Павловны съ мужемъ Савельичемъ; и эти могилы также заросли полынью.

Я постоялъ надъ ними, мысленно пожелавъ, чтобы Богъ простилъ имъ грѣхи ихъ, вздохнулъ и пошелъ домой, вспоминая всѣ ихъ прежніе, прожитые дни. Бывало, теща всегда радовалась, когда мы приѣзжали съ Машей еще молодыми къ нимъ. Только приѣдемъ, а въ сѣняхъ уже слышался голосъ тетеньки Дуни; услышитъ она отъ кого-нибудь о нашемъ приѣздѣ и бѣжитъ скорѣе увидеть насъ и порадоваться вмѣстѣ со своею ненаглядною подругой Еленю: «пойду—говорить,—скорѣе къ Еленѣ подѣлиться новостью!» Ей теперь радость—зять приѣхалъ, и Маша приѣхала! Однажды я написалъ ей письмо отъ Маши: ...«бывало, когда я была дѣвушкой, часто бѣгала къ тебѣ, тетенька! А теперь всѣ мои стежки заросли, и паукъ безпрепятственно ткеть свои паутины; теперь его никто не беспокоитъ». Получивъ это письмо, она все плакала: жаль было свою племянницу; потомъ, придя къ намъ, заговорила про письмо и, заплакавъ, кинулась насъ цѣловать.

— Да,—проговорилъ тесть:—какъ при жизни Дуня дружила съ Еленой, такъ и теперь пришлось неразлучно рядомъ лежать, могила съ могилой.

Сейчасъ я пишу о давно минувшемъ, а все же слеза пробивается: они вѣдь жили, и у нихъ былъ предметъ любви и сожалѣнія, предметъ, который составлялъ радость и для нихъ, и для насъ.

Пришли съ погоста, пообѣдали у Василия Тимоѣевича Кругова. Послѣ обѣда я вышелъ на улицу. Ко мнѣ подошелъ Алексѣй Дмитріевичъ Колосковъ, братъ, и пригласилъ меня въ гости:

— Пойдемъ ко мнѣ, пройдемся! Сдѣлаемъ моціонъ! А то затомишься въ народѣ, въ духотѣ!

— Можетъ быть, ты живешь далеко?—спросилъ я.

— Хотя и не близко, но это будетъ вмѣсто прогулки.

Мы пошли на востокъ по широкой улицѣ. Когда мы пришли къ нему, самоваръ уже былъ поданъ. Я отправился посмотреть у него русскихъ овецъ (сейчасъ пришла не вѣстка и говоритъ: «громъ загремѣлъ и такъ сильно, что я испугалась»); это—рѣдкость зимою). Алексѣй Дмитріевичъ послѣдовалъ за мною. Потомъ пошли въ садъ, что за балкой. Онъ расхваливалъ мнѣ сливы; я попросилъ нѣсколько корней себѣ для посадки, онъ обѣщавъ. Оттуда направились домой. Лишь только вошли въ комнату и присѣли, какъ вдругъ приѣхала тачанка, въ которую запряжены были хорошія лошади; въ домъ вошелъ молодой человекъ и обратился ко мнѣ:

— Просятъ васъ непременно, безъ отлагательства, приѣхать къ Ивану Малаѣевичу Кругову; тамъ собрались люди и желаютъ васъ видѣть!

— Ну, что-же, надо ѣхать,—говорю я, а Колосковъ не пускаетъ. Тогда я обратился къ молодому человѣку:

— Послѣ чаю приѣдемъ.

— Нѣтъ, мнѣ приказано безъ васъ не ѣхать.

— Ну, поѣдемъ вмѣстѣ!—предложилъ я Колоскову.

Онъ согласился.

Приѣхали къ Кругову; тамъ собрана вся знакомая компанія: двое Камбаровыхъ, староста Морозовъ и много другихъ. И началась бесѣда; поднимался вопросъ за вопросомъ о духовности. Теперь я забылъ, о чемъ говорили, но, можетъ быть, вспомню и тогда запишу въ дневникъ.

Вечеромъ опять было собраніе у В. Т. Кругова. Все мнѣ предлагали проповѣдывать. Я, было, сталъ отказываться, но ко мнѣ приставали все настойчивѣй и настойчивѣй: кто былъ подальше отъ меня—кивали, а кто поближе—толкали, чтобы я бралъ скорѣе Библию. Всѣ взгляды устремились на меня. Я сказалъ одну проповѣдь, потомъ другую—о благословеніи Веніамина. Опять предлагаютъ. Я снова взялъ Библию и, прочитавъ объ исшествіи израильтянъ изъ Египта, разъяснилъ значе-

ніе этого событія, именно: это означало, что израильтяне примуть христіанство и придуть въ ту изъ христіанскихъ церквей, которая бѣжала также отъ непріятели, вооруженная, но не по прежнему, а щитомъ вѣры и мечомъ духовнымъ, неся свою пасху, завернутую въ одежды, какъ и евреи несли завернутое въ одежду пасхальное тѣсто. А теперь пасха наша—«Христось въ насъ», и мы Его закрываемъ одеждой.

А Ханинь, отлученный баптистъ, утратившій вѣру въ баптизмъ, смотрѣлъ на меня, выдвинувшись впередъ, выставя свою широкую бороду, и, казалось, хотѣлъ улетѣть.

* * *

Мы выѣхали изъ Астраханки. Тестъ былъ за кучера. Пріѣхали въ г. Мелитополь, родной городъ: всегда о чемъ-нибудь прошломъ вспомнишь.

Онъ прежде былъ небольшимъ городишкой, похожимъ на большое селеніе, очень грязнымъ; цѣлая болота по улицамъ; на площади стояли сплошными рядами столѣтнія лавочки, еврейскія и караимскія; здѣсь продавали деготь, скипидаръ, уголь, яблоки, виноградъ, арбузы, булки, бублики, пряники, «коники» и т. п.

Наша экономія находилась въ 25 верстахъ къ западу отъ города. Бывало, отецъ и мать собираются ѣхать въ селеніе или въ городъ и насъ, дѣтей, берутъ съ собою (насъ тогда было только двое—я и Маня, сестра, старше меня на полтора года). Оба мы были еще маленькими, и большей радости не было у насъ, чѣмъ когда намъ скажутъ: «ѣхать въ селеніе, или въ городъ».

Сборы были особенные; подмазывалась бричка, а на ней придѣлывалось сидѣніе (колыска), въ самую-же бричку клали сѣна, овса, арбузовъ на дорогу; впрягались вороныя большія лошади.

На сидѣнье обыкновенно садились отецъ и мать (тогда мы называли ихъ батенькой и мамушкой).

Я все боялся, какъ бы не раздумали ѣхать или взять меня съ собой. Наконецъ, усаживали и насъ въ ногахъ, спиною къ кучеру, и мы трогались. Бричка звучала колесами, забавляла насъ, а радости было—полная ду-

ша! Доѣзжали до глубокой песчанной балки; песокъ сдутъ съ дороги вѣтрами, копыта коней стучать о дорогу. Я засматривался на копыта лошадей, и мнѣ казалось, что лошади не наступаютъ прямо всей ногой, а просто лишь дотрагиваются до дороги концами копытъ. На балкѣ—крикъ галокъ, грачей; я засматривался и на нихъ.

Наконецъ, подѣзжали къ Мелитополю, (тогда называли его Кизіяръ).

Почти у самаго города приходилось спускаться съ кручи,—страшно было намъ. И вотъ мы въ желанномъ городѣ. Народу много; говоръ, шумъ; пахло всякой всячиной—то яблоками, то дегтемъ. Вопросъ о томъ, какъ это люди могутъ запомнить, гдѣ и какъ нужно ѣхать, не мало причинялъ мнѣ заботы. Тутъ, вѣдь, можно ѣздить, ѣздить, и—кто его знаетъ—куда заѣхать: улицы запримѣтить никакъ невозможно, и я приходилъ къ заключенію, что нужно поставить на углахъ, гдѣ повороты, столбы; и мнѣ тогда дѣлалось легче. Заѣзжали на постоянный дворъ; здѣсь полно извозчиковъ, грязь невылазная, вонь; кое-какъ протискивались среди двора, выбирали мѣсто, гдѣ посуше, и отпрягали лошадей; кучеръ выводилъ ихъ на улицу. Насъ забирали и уносили въ домъ къ дворнику Ларіону Ивановичу; здѣсь дворничиха разспрашивала насъ обо всѣхъ, такъ какъ ей были знакомы всѣ изъ нашей стороны; потомъ рѣчь шла о насъ.

Побывъ въ городѣ часа три, мы выѣзжали изъ Мелитополя. Меня опять занимала мысль: а какъ-же можно найти постоянный дворъ? Онъ въ сторонѣ; ну, на этой улицѣ нужно поставить отдѣльную примѣту... Или, пожалуй, не нужно, такъ какъ черезъ улицу, противъ двора, стоитъ двухъ-этажная гостиница, а лѣвѣй ея—рядъ кузницъ (тогда здѣсь была только одна гостиница и казалась очень большимъ зданіемъ). Выѣзжали изъ Кизіяра. Копыта и колеса застучали по мосту; это, думаю, далеко, должно быть, слышно.

А что, ежели завалится мостъ и мы упадемъ?... И меня охватывало чувство страха; но мы благополучно переѣзжали черезъ мостъ, и ко мнѣ снова возвращалось хорошее, радостное настроеніе. Мы ѣли купленные въ

городѣ жамки, коники, бублики, виноградъ, яблоки; ѣли и радовались, что по дорогѣ въ экономію заѣдемъ еще въ селеніе. Подъѣзжали къ Ново-Васильевкѣ уже ночью; кругомъ темно, и вдругъ, въѣхавъ на бугоръ, мы замѣчали блестящія со стороны селенія огоньки. Сестра Маня увидитъ и крикнетъ: „Ахъ, анухала!“ Такъ называла она огонь.

Въѣзжая въ селеніе, я тоже удивлялся, какъ это можно найти, да еще ночью, чей-нибудь дворъ. Должно быть, будутъ спрашивать у встрѣчныхъ... Наконецъ, въѣзжали во дворъ; въ немъ стоялъ новый домъ. Меня ссаживали и ставили на крылечкѣ. Я боялся ступнуть далѣе, чтобы куда-нибудь не упасть. Слышались радостные голоса; къ намъ выбѣгали изъ дому. Выходила бабушка Лаврентьевна и чему-то радовалась, обо всемъ расспрашивая, потомъ кидалась ко мнѣ, снимала капоты; насъ вносили въ комнату. Здѣсь дѣдушка начиналъ расспрашивать батюшку о домашнихъ, и Боже упаси, если чего не знаетъ или скажетъ: не знаю,—онъ очень тогда сердился. Потомъ бралъ меня на руки, ласкалъ и тоже кое-о-чемъ расспрашивалъ, я отвѣчалъ свое; тутъ начинали смѣяться надо мною, а бабушка приносила конфетъ или чего-нибудь другого и, смотря мнѣ въ глаза, тоже спрашивала о чемъ-нибудь и смѣялась; я рассказывалъ про свои ужасы, про высокій мостъ въ Кизіярѣ и пр.

Потомъ я подросъ лѣтъ на десять. Явился телеграфъ; много о немъ тогда толковали; все больше приходили къ заключенію, что это дѣйствуетъ нечистая сила, такъ какъ въ грозу, говорятъ, не дѣйствуетъ, а нечистый духъ боится грозы. А одинъ цуканъ убѣжденно говорилъ:

— Тамъ шайтанъ (по-татарски—сатана) дѣйствуетъ, непременно шайтанъ!—Мы-же всѣ понимали по-татарски

Я возилъ всегда верхомъ въ Кизіярѣ телеграммы подавать, и жадно смотрѣлъ на вертящіяся колеса въ аппаратной. Приѣзжая домой, я рассказывалъ о томъ, что видѣлъ: какъ колеса крутятся и лента разматывается. Всѣ, разинувъ рты, слушали меня.

Потомъ ѣздилъ за кучера съ отцомъ. Донимали-же меня вороные жеребцы: какъ поведу ихъ поить, они и повыврываются; кто-

нибудь поймаешь и приведетъ ихъ ко мнѣ. Одно время приходилось самому заѣзжать на постоянный дворъ; я безъ труда его разыскивалъ. Выпрягалъ лошадей, вываживалъ, клалъ сѣна и овса. Батюшка уходилъ по цѣлымъ днямъ, до ночи не было его—онъ все по начальству ходилъ: судился почти десять лѣтъ. А я сидѣлъ голодный, ожидая его. Приходилъ отецъ и даже не спрашивалъ, ѣлъ-ли я; а я не смѣлъ просить: боялся.

Однажды мы въѣхали изъ города въ ночь; темъ невозможная; дороги не видно; лошади почти сами бѣжали по дорогѣ, находила туча. Я боялся грозы; тучи все болѣе сдвигались, молнія кругомъ сверкала все чаще и чаще и, наконецъ, стала освѣщать непрерывно. Я просилъ Бога, хоть бы скорѣе доѣхать до дому. Наконецъ-то, приѣхали; отецъ соскочилъ съ брички и ушелъ въ домъ, а я торопливо выпрягъ лошадей. Кучеръ, татаринъ, по прозвищу чупрынъ, услышалъ, проснулся (была полночь, и всѣ спали), подошелъ ко мнѣ и взялъ у меня лошадей; я, было, сталъ убирать возжи, а онъ говорить:

— Я самъ уберу. Иди скорѣе!

Онъ показался мнѣ такимъ добрякомъ. Я посматривалъ на блестящую молнію, нѣтъ-нѣтъ и вздыхалъ; тучи сдвинулись и навѣяли на меня какое-то уныніе: наши кучера и чаю напьются, и обѣды только подавай имъ, а я до сихъ поръ голодень...

Утромъ рано въѣзжали мы въ поле къ косарямъ; я опять былъ за кучера. Подъѣзжали къ артели косарей, и начинался съ ними длинный, нескончаемый разговоръ: отецъ бранилъ ихъ за то, что не туда косили, а они оправдывались тѣмъ, что имъ такъ указано; потомъ ладили цѣны на другую недѣлю, и дѣло доходило до того, что изъ-за четвертака никакъ не придуть къ соглашенію: отецъ не прибавлялъ, а тѣ не уступали, и начинали снова торговаться.

— Размякните, камушки, растайте, — уговаривалъ отецъ; но «камушки» не дѣлались мягче.

— Ну и камушки! Настоящіе кремни! — недовольно восклицалъ онъ.

Я слушалъ, слушалъ, и меня постепенно охватывала дремота. Увидѣвъ, что я дрем-

лю, батюшка сердился: такой-де интересный разговоръ, а онъ дремлетъ,—и болѣе досадоваль на то, что сынъ не учится его при емамъ, какъ нужно торговаться. Я на мину-ту развлекался и усаживался: «добро,—думаю; ну, теперь не задремлю». Вдругъ,—и не знаю, какъ это случилось,—такъ покачнулся, что картузь упалъ на землю, на траву. Одинъ косарь, улыбаясь, поднялъ мою фуражку и подаль мнѣ. Отецъ косо посмотрѣлъ на меня.

Потомъ поѣхали къ другой артели, къ третьей. Иногда приѣзжали на то мѣсто, гдѣ когда то я нашель дудаченка; здѣсь мнѣ вспомнилось, какъ я за нимъ бѣжалъ, какъ отнесъ его домой, какъ плакалъ по немъ... «Теперь,—думаю,—я не возьму болѣе дудаченка».

Наступила суббота. Выѣзжали мѣрить участки косарямъ. Мѣрили такъ: или я правиль лошадыми по межкамъ, или отецъ, указывая мнѣ на какую-нибудь копну, велѣлъ ѣхать прямо на нее.

— Ъзжай прямо, не виляй!

А самъ въ это время считаетъ, сколько разъ колесо обернется; колесо мѣрю полтора сажня; на немъ привязанъ пучекъ травы; какъ только колесо обернется, пучекъ этотъ мелькнетъ, а батюшка скажетъ: разъ, два, три и т. д. Потомъ толкнетъ меня въ спину,—я остановлю лошадей; если колесо не вымѣряетъ послѣдней сажени, отецъ скажетъ:

— Еще немного. Ну, довольно—годится!

Мѣра была трудная, такъ какъ косари косили, какъ хотѣли, и оставляли кривыя межи. Отецъ оглянется назадъ, какъ я поѣхалъ—прямо, или вилялъ: по кошенной травѣ оставался слѣдъ.

Однажды случилось на грѣхъ, на межкѣ—курганчикъ; я и думаю: черезъ него ѣхать—будетъ лишнее, и объѣхалъ его, повернувъ мимо; тутъ же, за этимъ курганчикомъ, оканчивалась линія. Но отецъ не посмотрѣлъ на это, взялъ кнутовище и давай бить меня имъ по спинѣ, приговаривая:

— Держи вѣрнѣе, не сворачивай!...

Къ счастью, кнутовище сломалось. Я и говорю:

— Я боялся,—черезъ курганъ лишнее будетъ.

Онъ и слышать ничего не хочетъ, кричить мнѣ:

— Назадъ! Опять по этой межѣ!

Проѣхали черезъ курганъ; повидимому, разницы не было. А онъ все меня упрекалъ:

— По-твоему, какъ нужно мѣрить? Ну ежели бы я тебя послалъ, какъ бы ты смѣрилъ? Ты бы здѣсь намѣрилъ, кто его знаетъ, сколько лишняго!.. Да и не могъ-бы, пожалуй, совсѣмъ смѣрить!

Отецъ гордился тѣмъ, что онъ можетъ измѣрить какую угодно кривую косьбу.

Подходили косари; начинался споръ. Косари говорили отцу:

— Ты не тамъ ѣхалъ и мѣрилъ. Ты напрямикъ мѣрилъ, а не по межѣ!

— Межа идетъ вкось,—возражалъ отецъ.

— А мы ее косили,—говорили задорливые Егорки (такъ называли косарей). И они, и мы хорошо понимали, что они говорили неправду; но они хотѣли артелью сбить отца, выпорить. Отецъ-же обѣщаль потребовать землемѣра на счетъ виновныхъ. Да, отецъ, гордясь своимъ умѣньемъ, ни за что избилъ сынишку. А ежели-бы онъ спросилъ добромъ, какъ тутъ нужно сдѣлать, чтобы было правильно, то я тогда, хотя и затруднялся, но все-таки сказалъ-бы, какъ уладить и устранить скандалы; быть можетъ меня надоумилъ-бы тогда Богъ, и я указалъ-бы отцу, что тутъ знанія не требуется, а вотъ какъ нужно... И планы у меня создались, и я ихъ долго тайлъ, хотѣлъ осуществить, но боялся отца.

Наконецъ, мы переѣхали въ Черноморье. И здѣсь я продолжалъ обдумывать, какъ лучше измѣрить поле, но не высказывался передъ отцомъ изъ боязни, что онъ мнѣ запретить, помѣшаетъ осуществить свои планы, какъ это и бывало: онъ не хотѣлъ слушать негодяевъ (такъ называлъ онъ всѣхъ, кромѣ себя).

Однажды дѣдушка Ворожищевъ говорить мнѣ:

— Я выдумалъ насчетъ покосу кой-что.

— И я давно выдумалъ, но не знаю, какъ...

Поговорили съ нимъ; оказалось, мысль одна.

Онъ пошелъ сейчасъ-же домой, сдѣлалъ

небольшой квадратный столикъ на одной ножкѣ, по угламъ вбилъ 4 гвоздя. Нанято было много косарей.

Я выѣхаль, взявъ съ собою этотъ столикъ, и поставилъ его въ чистомъ полѣ. Потомъ разставилъ тутъ и тамъ косарей. Одинъ косилъ тропу впереди, другой позади насъ, затѣмъ поперекъ, и планъ былъ готовъ. Для артели въ 100 человекъ я отмѣрилъ участокъ въ 100 сажень ширины, а въ длину коси, сколько успеешь. Въ другую сторону послалъ 50 человекъ, отмѣривъ имъ участокъ шириною въ 50 сажень. Здѣсь была такая трава, что по ней нельзя было ѣхать: буркунъ путалъ колеса. Это было на Бѣловой балкѣ, противъ Макухина кургана. Съ тѣхъ поръ этотъ способъ вошелъ въ моду, былъ введенъ и въ другихъ экономіяхъ. Способъ очень простъ, можетъ измѣрить даже мальчикъ.

Однажды какъ то пришлось говорить объ удобной мѣрѣ.

Я сказалъ:

— Когда-то насъ били за это и говорили: «какъ-же вы будете мѣрить, когда вырастете?»—А нашъ вѣкъ,—говорю,—насталъ. У насъ это—пустяки.

Отецъ тогда на меня косо глянулъ и ничего не сказалъ: видѣлъ, что я правъ. И меня, вѣдь, били за то, что—де въ будущемъ я этого не сдюмю сдѣлать; а я, тогдашній мальчуганъ, оказался мудрецомъ этого дѣла—изобрѣлъ новый способъ измѣренія полей посредствомъ угольника. Прежде этого способа не знали и били того, кто могъ бы по новому способу вымѣрить участки, били только потому, что имѣли отцовское право и сами не знали того, что знали дѣти. Такъ и теперь: незнаніе наказываетъ знаніе и тьма господствуетъ надъ свѣтомъ, потому что у незнанія и тьмы—право силы и насилія, а ежели-бы не было права насилія, то свѣтъ всегда былъ-бы свѣтомъ, и тьма бѣжала-бы въ стыдъ отъ свѣта, потому что свѣтъ—сила, сила свѣтлая, сама истина, и свѣтъ всегда изобличитъ тьму въ невѣжествѣ. Ежели отецъ думаетъ, что сынъ его будетъ негодяемъ, то это преждевременно: можетъ ошибиться, и смѣло скажу, что ошибется, потому что ты самъ не знаешь, что нужно

знать, а помни прежде всего, что ты—отецъ, и поступай, какъ отецъ; ибо «щедритъ отецъ сына, и Господь ущедритъ боящихся Его»; значить, отецъ прежде добромъ скажи, ласково и милостиво, а о томъ не думай, что сынъ твой не будетъ такимъ хорошимъ, какъ полагаешь ты въ своемъ заблужденіи.

Какъ-то разъ мы вечеромъ, сидя на крыльцѣ, любовались художественно рисующимися за мельницей тучками; внизу двигались то верблюды, то колесницы, то люди. Мы смѣялись и говорили другъ другу:

— Смотри! Какъ чисто животное!

По горницѣ ходили отецъ и дядя Тимошей. Они вздумали везти соль молотъ на свою мельницу, что стояла на западѣ и была намъ видна. Дядя все спрашивалъ:

— Ну, такъ что-же? Везти соль молотъ, или нѣтъ?

— Я не знаю, что дѣлать. Какъ-бы не пспертить! А какъ ты думаешь? по твоему, не будетъ порчи?—говорилъ отецъ.

— Я не знаю, твое дѣло. Какъ скажешь везти—будемъ везти, а нѣтъ—такъ нѣтъ!

Я тутъ-же бѣгалъ и слышалъ, о чемъ говорятъ, и сказалъ:

— Да, смѣлите соль на мельницѣ, тогда она передъ дождемъ будетъ валять макароны, вмѣсто муки!

— Это правда,—сказалъ отецъ.—Вотъ и знай, кто можетъ отвѣтить! Это правда: соль отпачиваетъ *) передъ дождемъ.

— Ну, такъ что же скажешь?—спросилъ дядя и глянулъ черезъ плечо на меня, какъ будто размышляя: откуда взялась и гдѣ помѣстилась такая мудрость?

— Да вотъ говорить, что не хорошо! И правда, не годится,—отвѣтилъ отецъ.

— Такъ не везти?—спросилъ дядя.

— Нѣтъ!

Часто ѣздили съ отцомъ по ногайскимъ ауламъ.

Разъ пріѣхали въ одинъ аулъ, Караджи, отпрягли лошадей на улицѣ, недалеко отъ дома знакомаго ногайца, по имени Ильясъ. Онъ, хотя и черный, какъ другіе, но круглолицъ, пригожъ и добръ. Отецъ куда-то ушелъ на цѣлый день, вѣроятно, съ Ильясомъ къ старикамъ, чтобы раньше столкнуться, какъ

*) Отпачивать—втягивать въ себя влагу.

на сходѣ говорить,—вѣдь они, эти арбузообразные головы—чистые министры! Отецъ умѣлъ хорошо говорить на ихъ языкѣ. И вотъ этотъ агаларъ (такъ называли десятниковъ), начнетъ приказывать.

— Смотри, Иванъ: мы назначимъ цѣну высокую и будемъ кричать, всячески обзывать тебя, а ты знай свое—молчи!

Отецъ снималъ у нихъ въ аренду землю подъ попасъ или просто куть отъ кургана до кургана, и по ложину и дорогу.

Ногайцы говорили:

— Наша дѣсятына—мѣсятына нэ знай! —и увѣряли, что тутъ земли—«копъ, ай хай копъ», т. е. много, очень много.

Собралась сходка; дѣло дошло чуть-ли не до драки: двухъ молодыхъ ногайцевъ все разнимали. А старики сидѣли, поджавъ ноги калачикомъ, сидѣли прямо на землѣ; угрюмо, не пророня ни слова; потомъ нѣсколько чело­вѣкъ встали и обратились къ молодымъ, тряся своими съдыми бородами:

— Смотри! это развѣ курай или ковыло? Это вѣдь сѣдая борода, а ты тутъ, молоко­сось, лѣзешь!

Всѣ умолкли. Одинъ молодой ногаецъ подбѣжалъ къ старикамъ и сталъ ихъ въ чемъ-то укорять, а они раздвинулись и, указывая на промежутокъ, предложили ему сѣсть рядомъ со стариками.

— Огуръ (садись)! И ты старикъ?

А онъ скорѣе бѣжать отъ нихъ. Тогда сошлись старики. У всѣхъ почти головы умотаны бѣлой чалмой, и у cadaго трубка съ длиннымъ чубукомъ. Нѣкоторые накладывали трубки свѣжимъ табакомъ и, вдавливая въ нихъ большимъ пальцемъ табакъ, говорили непрерывно; потомъ доставали изъ за кушака кисеты, вынимали оттуда кресало и кремень, накладывали на кремень трутъ изъ губки и начинали кресать огонь, т. е. кресаломъ бить о кремень; потомъ посмотрятъ, загорѣлся-ли трутъ, или нѣтъ; если нѣтъ, то снова начинали кресать. Въ то время когда руки занимались своимъ дѣломъ, языкъ дѣлалъ свое. Наконецъ, сыпался искрами огонь, и трутъ загорался; они начинали махать имъ въ воздухъ, чтобы лучше разгорѣлся, или просто дули ртомъ, выпяча губы и устремивъ на огонь глаза; потомъ клали его

въ трубку и, придерживая большимъ пальцемъ, начинали усиленно хлопать губами, тянуть дымъ, раскуривать; въ это время переставали говорить, но все-же очень внимательно вслушивались въ разговоръ. Потомъ, послѣ переговоровъ, они замахали отцу руками и закричали:

— Эй, Иванъ, кель (иди)! Вотъ тебѣ агалары отказываютъ на отрѣзъ и болѣе не хотятъ говорить!

Наконецъ, смягчаются, и дѣло улаживается; да иначе и быть не можетъ, такъ какъ съ ними уже ранѣе покончено.

Потомъ всѣ шли гурьбой на постоянный дворъ къ еврею; онъ содержалъ кабакъ; жена у него, удалая женщина, умѣла говорить по ногайски лучше, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ!—Звали ее Марьей, а ногайцы кричали ей:

— Марьешь! Марьешь!

Одни просили чаю, другіе—водки, а иные—пива. Ильясъ тутъ же фигурировалъ; все хлопоталъ: кому—что, подбѣгалъ, говорилъ:

— Еще надо, потому что еще старики пришли.

Нѣкоторые говорили громко:—Ильясъ, Ильясъ. Поднималась толкотня. Трутъ и губку они дѣлали слѣдующимъ образомъ: нажгутъ сорной травы, или просяной соломы, натрутъ этой золой, или порохомъ тряпки и тотчасъ же пробуютъ: какъ удался ихъ трутъ? Если бы вы посмотрѣли, съ какимъ наслажденіемъ дѣлаетъ онъ трутъ! Все равно какъ какой-нибудь охотникъ до чая: увидитъ самоваръ кипящій и радъ, что скоро пить чай; будетъ, что выбралъ время; такъ вотъ и онъ радъ, что у него теперь будетъ много новаго труту, а то ему приходилось выпрашивать у другіхъ.

Когда мы распрягли лошадей около Илья­са, папаша ушелъ на цѣлый день, а ко мнѣ собралось много ногайчатъ; нѣкоторые были полуголые, а лица и тѣла у нихъ черныя, какъ голенище. Тутъ же была рытвина, дождь наполнилъ ее водою; такъ вотъ мы и давай въ ней купаться. Съ ногайчатами я подружилъ. Въ это время, кажется, сынъ Ильяса, добрый, бѣлый лицомъ, не говоря ни слова, ушелъ куда-то въ поле и принесъ два арбуза; потъ съ него, бѣдняги, такъ и лилъ по

щекамъ. Разбили одинъ арбузь, а онъ зеленый и теплый: ѣсть почти не годится; потомъ другой разбили—и тотъ такой же. Сынъ Ильяса жалѣлъ, что не удалось услужить, и мнѣ стало жаль его. У ногайчатъ есть луки и стрѣлы, концы которыхъ обл'плены смолой, чтобы дальше летѣли. Я набралъ у нихъ—и въ бричку. Потомъ они стали бороться, такъ какъ ужъ очень любятъ бороться: на праздникъ байрамъ у нихъ всѣ борются, и кто выйдетъ побѣдителемъ, тому даютъ подарокъ: полотенце или явлюкъ (платокъ). Я тоже умѣлъ искусно бороться, хотя на видъ былъ блѣденъ и очень худъ, потому что была у меня лихорадка и трясла меня съ годъ. Я ихъ всѣхъ переборолъ. Тогда они о чемъ то толковали, нѣкоторые убѣждали и привели ногайченка, небольшого росту, плотнаго, грудистаго, на губахъ и груди кислое молоко, видно что не успѣлъ еще утереть: сидѣлъ за чашкой. И вотъ привели; должно быть ему рассказали, что изъ нихъ никто меня не поборолъ. Онъ и прибѣжалъ, и сталъ близко около меня, а другіе смѣялись и указывали на молоко, приговаривая:

— Катыкъ, катыкъ! (т. е. молоко).

Онъ же чуть только глянулъ на грудь и отнесся къ этому безъ вниманія, ибо сознавалъ, что дѣло тутъ серьезное: нужно бороться, а не думать о молокѣ! Я же посмотрѣлъ на него и подумалъ: равный мнѣ и хочетъ меня побороть! Вѣдь не только мои ровесники не побарывали, но даже и немного старше! Бывало дядя Тимоѣей—онъ очень любилъ смотрѣть какъ ребяташки борются—непремѣнно стравить, и кричитъ сейчасъ-же:

— А гдѣ же Ванюшка? Сейчасъ позвать его.

Меня позовутъ, и начну я ребяташекъ бороть одного за другимъ. И вотъ, однажды поборолъ меня одинъ ровесникъ, потому что не далъ мнѣ взяться. Я снова вызвалъ его на борьбу, а онъ отказался, не надѣясь на себя. Это случай былъ; вотъ когда я поборю, то и три раза могу перебороться, ибо знаю, что поборолъ. А однажды вотъ что случилось. Привезъ я телеграмму въ Мелитополь, подалъ и долженъ былъ ожидать отвѣта. Зашелъ я въ лавку, въ которой продавались булки—лавка была недалеко отъ цер-

кви—стою, булочникъ немного былъ знакомъ, а одинъ парень расхвастался о томъ, что всѣхъ боретъ, что никто его никогда не поборолъ, называлъ всѣхъ по имени, указывалъ рукой ростъ выше себя:

— Такой! Но я его тоже побарываю.

Заинтересовалъ онъ меня; онъ борець и, кажется, повыше меня. Вотъ я и говорю булочнику:

— Я съ нимъ буду бороться.

Булочникъ сейчасъ же крикнулъ парню:

— Вотъ съ этимъ поборись, онъ хочетъ.

Парень тотчасъ же подлетѣлъ ко мнѣ и тоже удивился, какъ и я надъ ногайченкомъ, т. е. ровесникъ и хочетъ побороть. Сначала я сробѣлъ, но онъ уже требовалъ:

— Давай!—говорить.

И мы схватились. Давай возиться и валять одинъ другого. Наконецъ, я его такъ махнулъ, что онъ тотчасъ же упалъ на одно колѣно; я надавилъ и свалилъ его, а самъ и думаю: это, можетъ быть, оплошность съ его стороны; а ну-ка, онъ „еще разъ“ скажетъ? Онъ же разсердился, пришелъ въ бѣшенство и напрашивался на кулаки. Я молчалъ и думалъ, что вотъ-вотъ налѣзетъ снова бороться, но онъ болѣе не просился, чему я былъ радъ. Въ полдень, смотрю, на то мѣсто собралось много учениковъ: большіе, очень рослые и маленькіе. Пришелъ и я туда. Нѣкоторые указывали на меня:

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! Онъ самый, что нашего борца поборолъ.

Всѣ ко мнѣ подбѣгали, смотрѣли въ лицо, потомъ на руки, на ноги, даже стоявшіе около маленькіе и тѣ подбѣгали ко мнѣ близко, смотрѣли. Это имъ было удивительно, что ихняго драчуна осилилъ; меня считали чуть ли не за богатыря. Такъ и теперь—увидѣлъ меня ногайченокъ и говорилъ, показывая руками:

— Кряшейкъ (бороться иди)!

Схватились. Я приложилъ его. Онъ въ другой разъ, и снова я его положилъ. То же повторилось и въ третій разъ. Всѣ ногайчата что-то усиленно ему доказывали: что я не такъ боролъ, или онъ не такъ.

Пришелъ отецъ; ему кто-то рассказалъ, что я купался. Затѣмъ мы уѣхали.

Когда выѣзжали изъ Караджей, на ве-

черней зарѣ горѣли два красныхъ столба: это предвѣщало выходъ ногойцевъ за границу, на западъ. Отецъ все смотрѣлъ на это явленіе и вздыхалъ, что и повторялось нѣсколько разъ.

Ногойцы хлѣба почти не сѣяли; такъ, сажень пять шириной и на 200 или 300 длины посѣютъ просо, баштановъ изъ всего аула одинъ или два; а у одного ажея былъ хорошій садъ. Однажды ѣдемъ по улицѣ,—а онѣ у нихъ кривыя, жили ногойцы бѣдно, грязно, насѣкомыхъ въ изобиліи,—такъ вотъ ѣдемъ по улицѣ, а они сидятъ группами возлѣ домовъ на солнцѣ, всё въ одной одеждѣ и зиму и лѣто —въ шапкахъ и шубахъ. Сидятъ и всё курятъ и охотничаютъ на насѣкомыми безъ всякаго стѣсненія; нѣкоторые знакомые увидятъ и крикнуть:

— Эй, токта (постой)!

Я останавливаю лошадей, они всё подбѣгутъ и сейчасъ же—это первое у всѣхъ,—даже и Ильясъ, заглянуть въ бричку, подъ сидѣлку, давнуть и сѣно въ бричкѣ, все ищутъ хлѣба; когда-же не найдутъ, то начинаютъ прямо говорить:

— Атьмякъ баръ (хлѣбъ ѣсть)? Карбузъ баръ (арбузъ есть)?

И если имѣешь, то сейчасъ же запросто раздѣлять по кусочку; это у нихъ выше всякого гостинца.

Потомъ мы ѣхали далѣе по улицѣ и далеко еще я видѣлъ, что сидѣлъ маленькій ногойченокъ, такъ съ годъ, а влѣво ногоецъ съ марушкой, ногойкой, рѣшетомъ вѣяли просо, красное просо, цѣлый курганчикъ. Отецъ заглядѣлся, заглядѣлся и я туда лишь минутку, не болѣе, кажется; когда я оторвался отъ проса,—глядь на лошадей, а ногойченокъ уже между лошадьми стоитъ и переступаетъ подъ колеса; помочь ему не было времени; отецъ увидѣлъ, крикнулъ что то, но къ счастью ногойченокъ головой толкнулся или его толкнуло баркой, и онѣ упалъ къ лошадямъ, а не подъ колеса. Я остановилъ лошадей, оглянулся назадъ а ногойченокъ сидитъ и кричитъ. Отецъ соскочилъ и подбѣжалъ къ нему, а старый ногоецъ бросилъ вѣять, схватилъ его на руки, прижимая къ себѣ. И татарка или ногойка бѣжала внѣ себя, лишь вѣялся убрусъ, оба кри-

чали «ай вай, ай вай!» Ногоецъ поздравилъ отца съ большимъ счастьемъ и себя тутъ же, что „Алла сакладе“ (Богъ сохранилъ). У нихъ дѣти очень дороги, ибо женятся они возмужалыми или престарѣлыми. Невѣсты—рѣдкость: лишь родится, еѣ сватаютъ и пока она вырастетъ, то женихъ за нее платитъ.

Однажды я прихожу въ конюшню, а у кучера Чуприна былъ помощникъ, ногоецъ, здоровый, лѣтъ 30. Смотрю, а онѣ плачетъ, и плачъ то у нихъ былъ свой, особенный, такъ вотъ плачетъ: увий, увий-й-й-й...

— Что ты плачешь, Измаиль?

— Вотъ наши пріѣхали и говорили, что невѣста 7 лѣтъ умерла.

Онѣ ее сосваталъ, когда она еще въ люлькѣ качалась и семь лѣтъ платилъ отцу. Если, предположимъ, ему 25 лѣтъ и еще ждать бы лѣтъ 10, то ему будетъ 35—40 лѣтъ. Случалось и такъ: у одного ногойца дочь и сынъ, онѣ беретъ за дочь, такъ называемый, калымъ, и уплачиваетъ за сына другому ногойцу. Они очень любятъ, даже падки до жирной баранины и когда, бывало, совершится сдѣлка обществомъ за извѣстный куть земли, то они назначаютъ объѣздчика, чтобъ онѣ указалъ этотъ куть и тутъ же знаютъ его слабость: уже арба чабанская стояла и тамъ въ котлѣ кипѣла вода—варилась жирная баранина. Къ этому же времени пріѣзжали съ объѣздчикомъ, и онѣ сейчасъ же садится на цыпочки (на корточки) около котла къ огню, вынимаетъ кисетъ и смотритъ въ казанъ, а самъ внѣ себя! Съ нимъ начинается горованье, туженіе, какъ быть: надо ѣсть маханъ и надо узнать, гдѣ ихъ межа. Онѣ начинаетъ говорить, что—де надо ашайкъ (поѣвши), и спрашиваетъ чабана, готова или нѣтъ. Ему отвѣчаютъ, что немного не готова и что успѣютъ еще объѣхать, а ему ни за что не хочется оторваться отъ казана. Наконецъ, онѣ скорѣй садится на лошадь и кричитъ:

— Шалтъ, шалтъ! (скорѣй, скорѣй).

Какъ пріѣдетъ на близлежащій курганъ, начинаетъ скоро говорить, указывать, чтобы скорѣе отдѣлаться. Но дѣло зятягивается, его толкованій не понимаютъ, они не вмѣщаются въ голову, онѣ повторяетъ указанія, а самъ снова скорѣе къ котлу. Но и тутъ

горе: его снова не понимаютъ, просятъ перетолковать, пояснить, и, между тѣмъ, начинаютъ тужить о томъ, какъ бы маханъ не переварился. Наконецъ, онъ выходитъ изъ терпѣнія и начинаетъ указывать просто:

— Туда, ступай, сколько угодно и туда, сколько угодно! Только сюда, къ аулу, не надо: тамъ своя скотина, свой туварь!—и снова начинаетъ уходить, садиться на лошадь.

Но дѣло все же рѣшено. Возникло сомнѣніе въ томъ, что общество можетъ обвинить.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошлое,—увѣряетъ онъ: —если застанутъ, то скажу имъ, что это только въ первый разъ.

Наконецъ, дѣло кончено. Онъ снова около казана; сейчасъ же накладывается полная чашка махану, баранины, и онъ блаженствуетъ; ужъ очень они ѣдоки—послѣ себя и крошки не оставляютъ.

Степи у нихъ очень много. Днемъ они сами почти ее не косили, а косили вечеромъ и по утрамъ. Говорили, что днемъ жарко. Когда же наступала зима, то у ногойца корму не было. Приѣзжалъ къ намъ. На дворѣ снѣгъ, а онъ говорилъ, что надо косить, косить надо! Надъ ногойцемъ смѣялись. Косить зимой, а то лѣтомъ жарко! Потомъ просилъ хоть охапку сѣна. Снова усаживался на свою двухколесную арбу; лошадь безъ хомута, все кое-какъ, что-нибудь обмотаетъ кругомъ шеи, да и за оглобли и поѣхалъ, только голова или шапка качается; и лошадь то у нихъ бѣжить какъ то неровно: дергъ, дергъ.. Но была у нихъ характерная неощенная черта: они не злопамятны. Побьешь, а при встрѣчѣ онъ первый другъ: все забылъ и доволенъ тѣмъ, что знаютъ другъ друга, а о побояхъ и помину нѣтъ! Однажды отецъ одного ногойца здорово побилъ. Сѣлъ онъ на лошадь и, уѣзжая, все грозилъ. «Ну,—говорю я,—послѣ посмотримъ». И вотъ пришлось отцу заѣхать въ незнакомый аулъ. Онъ думаетъ: заѣхать, или нѣтъ? Что дѣлать? Знакомыхъ нѣтъ! Смотритъ, а побитый имъ ногоецъ идетъ, узналъ, здороваётся и зоветъ къ себѣ ночевать: спрашиваетъ, что нужно, зачѣмъ приѣхалъ? Отецъ и говоритъ ему:

— Я боюсь тебя:

— Насла (за что)?—спрашиваетъ онъ испуганно.

— А помнишь? Я побилъ тебя и ты грозилъ мнѣ?

— А я тогда же и забылъ—отвѣтилъ онъ. И вотъ такой знакомецъ черезъ плетъ былъ вѣрнымъ и нужнымъ другомъ. Вотъ такъ-то читатель! что скажешь? Вѣдь и ты похвалишь незлобливость? Но если и ты, читатель, такъ можешь поступить, то это будетъ очень хорошо, высоко, подумай!

Рядомъ съ Караджами былъ аулъ Кильчикъ; тамъ была волость и туда всѣ сходились. Тамъ то, недалеко отъ волости, еврей Абрамка и Марьешъ сняли ногойскую землю на 12 лѣтъ (кажется, у ногойцевъ или у казны—забылъ). Приѣхали мы туда и что меня поразило, такъ это травы: буркуны, везель, и горошекъ выше колѣна; степи конца и краю не видно; вода стоитъ озерами неглубокими, которыя лѣтомъ пересыхаютъ, а на ихъ мѣстѣ образуется покось, называемый «пады». Когда мы ѣхали, то вылетали стаи утокъ, кричали: крякъ—крякъ! и неподалеку садились; надъ головой вились чибисы, чайки и кричали: чьи вы, чьи-вы, выкъ-выкъ! длинноносые кулики тоже кружились надъ головами и кричали: гдѣ-тау, гдѣ-тау, гдѣ-тау! иногда же цѣплялись за голову, думалось мнѣ, что у нихъ, должно быть, тутъ были дѣти. А тамъ выскочила журавлиха, притворилась хромой и не могла итти: падала, хлопала крыльями, стараясь отманить отъ гнѣзда. Еще какая-то птица, куропатка или стрелетка, вылетѣвъ, тутъ-же падала и трепыхалась въ травѣ, какъ будто не будучи въ состояніи летать... Казалось мнѣ, что Богъ только что сотворилъ свѣтъ и, если пройти нѣсколько шаговъ, то вотъ, вотъ увидишь Адама и Еву... Это забвеніе и упоеніе! Тамъ же была землянка въ два отдѣленія. Тамъ-то мы и помѣстились, ѣздили нанимать косарей, покупали или привозили изъ экономіи (верстъ 50 было) муку. Отецъ все сердился на меня за то, что я запрягаю обѣихъ лошадей разомъ, а не по одной; я же не слушалъ его, ибо боялся упустить лошадей: одному неудобно. Будиль отецъ меня по ночамъ и посылалъ намѣсить ѣды лошадямъ. Одинъ изъ коней былъ молодой, ди-

кѣй и мнѣ приходили помогать, приносили воду; я замѣшивалъ изъ сѣна, такъ какъ соломы и половы не было. Зажигать ночью свѣчу было долго и я отправлялся въ темнотѣ къ лошадамъ и останавливался около нихъ, боясь молодой. Въ темнотѣ онѣ сейчасъ же даютъ знать: оба всхлипываютъ ласково, видятъ и не тронуть, сейчасъ же расходились: одинъ налѣво, а другой направо. Я проходилъ, замѣшивалъ, снова ходилъ то за водой, то за мукой, задѣвалъ молодую ведромъ, а она ѣжилась, но терпѣла и не трогала меня. Я удивлялся, что и молодая лошадь, а не трогаетъ, знаетъ своего покровителя. Стряпуха подавала воду и говорила:

— Какъ онъ не боится?

Но я боялся подойти близко; мнѣ казалось, что лошади насъ видятъ, а мы ихъ не видимъ!

На утро я уже болѣе боялся отца, ибо думалъ запрячь, какъ онъ сказалъ, а я лошадей раньше привязалъ за задокъ брички— и не знаю, для чего! Потомъ повелъ одного запрягать, а въ задней части брички былъ хлѣбъ, лошади его ѣли, а затѣмъ постоянно поворачивали головы назадъ. Я впрягъ немного одного, такъ какъ невозможно одного совсѣмъ впрягать; оставилъ его и пошелъ за другимъ, а оставленный началъ поворачивать голову назадъ, бричка загремѣла около него; никого не было; и вотъ онъ какъ дернетъ—и пошелъ съ бричкой...

Услышалъ отецъ, выскочилъ, догналъ, сѣлъ; ему кто-то забѣжалъ впередъ и помогъ удержать. Тутъ ужъ не знаю, что у него было въ рукахъ: кнутъ или возжа, такъ онъ меня билъ, прямо сѣкъ не на милость... Я кричалъ и говорилъ, что не виноватъ: всегда запрягалъ и было хорошо, а теперь по его сталъ впрягать... онъ всегда вмѣшивается, но онъ и правъ, какъ отецъ, хотя и вреда ни на грошъ не сдѣлано. Сынъ виноватъ! А въ чемъ? А по его сталъ запрягать, пошелъ за другимъ конемъ, тотъ-же хлѣбъ ѣлъ, ну и бросился снова туда же! Отецъ и не слушалъ, все сынъ виноватъ, потому что *сынъ*; у отца права! Теперь кто же колебалъ правило любви: сынъ или отецъ? Отецъ имѣлъ многое, но не дѣлалъ одолженій сыну, не оказывалъ сожалѣннй, прощенія. А гдѣ же

онъ? Сынъ виноватъ! Отецъ поступилъ, какъ *отецъ*? Вѣдь нѣтъ же! Бить нужно того; кто виноватъ, а здѣсь былъ ли я виноватъ?

Мы не уѣхали, потому что пріѣхалъ Антонъ Яковлевичъ Мамснтовъ. Онъ имѣлъ даръ слова, умѣлъ увѣщевать, указывать резоны; его всѣ слушались и даже за счастье считали слушать его. Тогда же пріѣхалъ Ѳеодоръ Ларіоновичъ Круговъ. Мнѣ казалось, что Антонъ Яковлевичъ видѣлъ, какъ билъ меня отецъ, и онъ не пошелъ въ домъ, а, наоборотъ, удерживалъ отца на дворѣ, ходилъ съ нимъ. Казалось, что онъ ему выговаривалъ за это. Мнѣ даже послышалось, что онъ говорилъ:

— Вѣдь твое дитя!... и такъ поступать нельзя!...

Къ нимъ подошелъ Федоръ Ларіоновичъ и тоже ходилъ съ ними. Онъ рассказывалъ, что Антонъ Яковлевичъ убѣждалъ и увѣщевалъ такъ, что лучше и нельзя. Послѣ того мы куда-то ѣздили; я запрягалъ уже по своему; куда то пріѣхали. Былъ заказанъ самоваръ; пили чай; и я выпилъ два стакана и сталъ уходить, а отецъ и говоритъ:

— Что мало пилъ? Пей еще,—а самъ улыбается:—пей еще!

Я подумалъ о томъ, что отецъ, вѣроятно, жалѣлъ меня и сожалѣетъ о происшедшемъ. Положеніе же колебалось! Снова куда то пріѣхали, и опять я выпилъ чай, а онъ меня спрашивалъ:

— Что скоро? Пей еще!

Тутъ то я уже подумалъ, что Антонъ Яковлевичъ указалъ ему, кто виноватъ. А если и виноватъ я, то не настолько, чтобы сѣчь. Вѣдь, разобравши дѣло, и выговора дѣлать не стоитъ. Уходилъ я изъ-за стола, а слезы навертывались еще болѣе: болятъ бока, а тутъ еще самъ сознаешь и стараешься приласкаться. О, отцы! Вы пользуетесь своимъ правомъ чрезъ мѣру и даже право это употребляете во зло! Сынъ не виноватъ, плачетъ подъ ударами, а все остается втунѣ!

Когда же пріѣхали въ третье мѣсто, то помнится мнѣ, какъ папаша самъ положилъ мнѣ сахару въ стаканъ чаю, хотѣлъ даже извиниться, а мнѣ становилось горько и еще болѣе обдавало какимъ то огнемъ въ душѣ,

кипѣли слезы. Вотъ что подрываетъ полсженіе! Прощеніе же соединяетъ вмѣстѣ, и зароается любовь!

Впослѣдствіи что случилось съ этимъ Кильчицкимъ участкомъ? Воды озерами не было, вмѣсто буркуна и горошка, росъ лишь одинъ ковыль. Снять былъ, кажется, раньше Акимовскій, отъ Кильчика на юго-востокъ. Тамъ рѣка, было много рыбы; отецъ убивалъ утокъ, варили и ѣли; вкусно было! Рабочіе что-то дѣлали тамъ, ибо новыхъ построекъ не было. Постоянно брали съ собою ружье, оно всегда лежало прикладомъ въ бричкѣ, а дуломъ къ сидѣнью. Чуть только отецъ увидитъ дудака, сейчасъ же говоритъ мнѣ:

— Кругомъ ѣзжай! Ближе! Еще ближе!

Наконецъ, мы подѣзжали, отецъ вскакивалъ и убивалъ; дудака варили рабочіе, а мы не ѣли. Послѣ того тамъ жилъ дядя Тимоѣей еще молодымъ съ тетушкой Варей. Мы приѣзжали принимать хлѣбъ изъ копы и молотить. Сѣяли Акимовцы, молотѣбы было много; я гонялъ табунъ лошадей на току, на арманѣ, какъ ворокъ; ихъ было два и еще одинъ маленькій, куда спускали табунъ, пока сдвинуть ворохъ и настелютъ другой посадъ. Наступила ночь, а работа продолжалась.

Послѣ настилки посадки, пускали табунъ снова на токъ; я садился на коня, выѣзжалъ на токъ. За мной слѣдомъ задвигалась доска. Рабочіе стояли недалеко отъ вороха, чтобы табунъ бѣгалъ ближе къ доскамъ и молотилъ. Края потомъ быстро подвертывали; пока табунъ обѣжитъ кругомъ, каждый успѣвалъ свое мѣсто подвернуть. На ворохъ лѣзъ съ длиннымъ кнутомъ дядя Тимоѣей или отецъ, а рабочіе уходили стрясать края. Табунъ бѣгалъ около вороха и отаптывалъ его; лошади совали свои морды въ него и ѣли зерно, а стоящіе тутъ-же отгоняли ихъ кнутами. Нѣкоторые лошади привыкали во время молотѣбы оставаться сзади; вертятся, стоятъ и пасутся, пока табунъ обѣжитъ. Однажды гоняю я лошадей; подходитъ къ току ловкій парень, кучерявый, въ картузѣ, въ бѣлой рубахѣ изъ ситца. Остановился около тока съ кнутомъ въ рукахъ. Дядя Тимоѣей подошелъ къ нему узнать, что ему нужно. Онъ спрашивалъ куда-то дорогу. Татары смотрѣли на него и переговаривались:

нинди кюркле (какой хорошій)! И вотъ разспрашивалъ парень, а потомъ закатывался со смѣху. Дядя смотрѣлъ на него серьезно, снова разспрашивалъ, а тотъ все смѣялся. Я гонялъ табунъ, обращивался въ ту сторону и тоже удивлялся. Дядя снова серьезно обращался къ нему и самъ недоумѣвалъ, почему смѣется парень, ибо смѣшного ничего не было. Потомъ какъ плюнетъ и разразится смѣхомъ и крикнуетъ:

— Да вѣдь это ты, Аниська, сестра?— (теперь она за Петромъ Ал. Сергѣевымъ, ужъ давно бабушка и скоро будетъ прабабушка). Тутъ и татары всѣ покатились со смѣху:

— Ай да Аниська, ай да Аниська!

Такъ никто и не узналъ бы, если бы не смѣялась она.

Вскорости послѣ того случилось необыкновенное, непонятное, почти стоившее жизни, оставшееся на всю жизнь памятнымъ событіе. Если кому послѣ разсказывалъ, то и не вѣрятъ, что дѣло такъ было.

Солнечное утро, какъ весной, и не холодно. Бѣло, какъ и прежде: до завтрака была роса. Рабочіе движками оттягивали солому отъ току и складывали въ скирды, такъ какъ за день образовалась кругомъ цѣлая батарея: человѣка не видать; рабочаго, который постоянно откидывалъ солому дальше и накидывалъ на движку, не было видно снаружи; только мелькала солома, сброшенная съ вилъ кверху на валъ. Прибрали солому, оттянули, а часть все же осталась на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ рабочіе съ раннего утра сейчасъ же принимаются за работу. Пока запрягутъ воловъ, а ихъ иногда не бываетъ подъ рукой и рабочимъ гулять въ это время нельзя. Какъ только вся солома была отодвинута, на току завозились мажары съ пшеницей, 3, а иногда и 4, я водилъ воловъ за налыгачъ кругомъ по току, а рабочіе въ перегонку сваливали: кто свое скорѣе. Вотъ былъ одинъ хохоль коренастый и плечистый; его звали Гладкій Петро, а по прозвищу—«хлопецъ»: ужъ начнетъ что-нибудь просить, увидитъ-ли яблоко у хозяйки—и ну хныкать, а послѣ и расплачется: «яблоко хлопцу, яблоко хлопцу! Дайте яблоко хлопцу (парню)!» и начнетъ еще болѣе пла-

каты; всѣ надъ нимъ такъ и покатываются со смѣху; бывало идутъ—всѣ знали—рабочіе завтракать и онъ въ ихъ числѣ, а тетушка Варя, жена дяди Тимоѳея, кричитъ ему:

— Хлопецъ! мы огурцовъ привезли съ баштану!

Онъ сейчасъ же подбѣжить, руки къ глазамъ, третъ ихъ и ну хныкать, потомъ плакать, ревѣть такъ начинается, что, кажется, и земля дрожить; языкъ высунетъ и повторяетъ: «ягурчика хлопцу, ягурчика». Всѣ надъ нимъ такъ и смѣются. Набравъ полныя руки огурцовъ, онъ начиналъ ѣсть ихъ; ѣлъ очень комично: прежде глянетъ, то на тотъ конецъ, то на другой и сразу откусывалъ и начиналъ смѣяться, и всѣ за нимъ покатывались со смѣху. Рабочіе прерывали работу и смотрѣли всѣ, и завидно нѣкоторымъ становилось, что онъ такой счастливый, что всѣ хозяйева его любятъ: и старые, и молодые, и даже хозяйки. Огурцовъ еще никто не видалъ, а онъ уже ѣстъ ихъ; потомъ у него нѣкоторые просили:

— Эй, хлопецъ, дай мнѣ хоть покушать! А онъ еще сильнѣе и сильнѣе кусалъ огурецъ, начиналъ смѣяться до того, что, казалось, подъ нимъ все дрожить. Потомъ прыгнетъ и говоритъ:

— Ага! у хлопца огурчикъ!

Вотъ этотъ-то хлопецъ забирался на мажару сваливать. Кромѣ его, никто не могъ такъ ловко и быстро это дѣлать; татары такіе силачи, а не могли съ нимъ сравняться, и даже сердились на него и собирались поколотить. Вотъ увидали, что гладкій полѣзъ на мажару, а съ другого бока вороха, занимъ не видно, вмѣсто одного, скорѣе двое вскочутъ на другую мажару и давай сваливать, чтобы быстрѣе хлопца свалить. Отберутся два здоровыхъ татарчука и начинаютъ быстро сваливать, одинъ изъ нихъ послѣ незамѣтно соскочитъ и убѣжитъ. Пока гладкій копался на своей мажарѣ, они уже полмажары свалили на токъ и на полъ. Гладкій же началъ дѣлать канаву поперекъ мажары и только успѣлъ прокопать канаву, а у нихъ уже немного остается сваливать, у Гладкаго же еще нетронутый возъ стоялъ; онъ поддѣлъ вилами и плечемъ изъ канавы и двинулъ назадъ, и сразу упало полъ воза; потомъ обернулся сюда,

поддѣлъ передомъ подъ низъ, не спѣша, посунулъ и завалилъ воловъ и меня. Самъ хоталъ, я же оттуда карабкался, а волю этого не любили, почуявъ на спинахъ тяжесть, рвались и я едва держался за налыгачъ, ибо и я, и волю бѣжали, хлѣбъ со спинъ рухалъ между нихъ и съ боковъ. Мажара же съ Гладкимъ поднималась высоко черезъ кучу сваленнаго хлѣба; одно колесо провалилось, и мажара готовилась опрокинуться; Гладкій же по привычкѣ стоялъ и скидывалъ послѣдніе кслосья, стряхивалъ доску снизу, ибо на ней лежали натертая отъ сваливанья зерна. Вотъ въ эту то пору я съ разъяренными быками подвѣзжалъ къ той мажарѣ, гдѣ двое работали; они еще не кончили и сваливали послѣднее. Гладкій же какъ бы про себя замѣтилъ: «да це васъ тутъ двое?» А ихъ то бѣсило, что онъ, хохоль, смѣется надъ удалыми казанцами; татары, когда нанимаются, то говорятъ, что «мы, вѣдь, не хохлы», т. е. лучше ихъ. Дѣйствительно, татары отличались: приходили изъ Россіи бритые, гололобые, неаккуратные, ноги были обуты въ корзинки (лапти); когда же поживетъ здѣсь,—отпустить волосы, скинетъ корзинки и надѣнетъ щегольскіе сапоги. Въ праздникъ получали чаю отъ хозяевъ за услуги, или водки; съ нихъ и потъ валить, веселы, поютъ по татарски пѣсни, а русскія дѣвки, которыя находились тутъ же,—по русски: онѣ, то подгребаютъ, то воловъ всдятъ, то мажары гоняютъ въ поле за хлѣбомъ. Разные Марфушки, Аришки принадлежали татарамъ. Разъ случилась исторія съ дѣвками и татарами. Жеребенокъ на току сломалъ ногу; было приказано его дорѣзать и отдать татарамъ, дать и особый казанъ: пусть ѣдятъ сколько имъ угодно. Удивительно! если телка, то скорѣе сѣдаютъ, но жеребенка, сколько случилось, ѣдятъ дольше, даже нѣкоторые заболѣваютъ, потому что переѣдаютъ; должно быть, у жеребенка больше мяса. Смотрю разъ, дѣвки пришли къ крыльцу; отецъ стоялъ на приступкѣ, онѣ его окружили и жаловались, что татары ѣдятъ кобылу и лѣзутъ ихъ цѣловать. Онъ улыбнулся, а мы всѣ смѣялись. Тутъ же стали гурьбой подходить татары (вѣроятно были созданы). Среди нихъ былъ одинъ, красивенькій и шустрый;

кажется, его звали Ханзя, или Хяйбу, хотя татары не любили, когда их называли татарскими именами и просили звать себя по-русски: кто Василій, кто Петръ, а нѣкоторые и по отчеству: Василій Васильевичъ или Петръ Васильевичъ. Разъ наняли кухарку—татарку, звать ее: Ханышъ. Мать спрашиваетъ:

— Какъ тебя звать?

— Меня? Аннушка!

Мать и мы всё не любили называть ихъ чужими именами и русскими. Вотъ мать и настаивала на татарскомъ имени, она же не охотно и не сразу сказала, и потомъ говорила, что тамъ, гдѣ она жила раньше, ее звали Аннушкой. Ихъ какъ назовешь по русски, они такъ и растутъ, такъ и дѣлаются величавѣе.

Мать снова спросила:

— Какъ же звать тебя?

— Ханышъ—отвѣтила она

Вотъ, напримѣръ, потребуется воды или кизяку подать, а она недалеко что-нибудь дѣлаетъ, копаются; мать и кричитъ: «Ханышъ! Ханышъ!», а она не отзывается, молчитъ; тогда мать крикнетъ: «Аннушка!» и еще не договорить, какъ она отзовется: «ая» и такъ нѣжно. И потомъ мать крикнетъ: Аннушка, и засмѣется; успѣетъ только сказать: Аннуш..., а она уже «я»; мать всегда потомъ ...«шка» и договаривать не успѣвала. И вотъ эта татарва гуляла въ праздникъ, были веселы; пѣли больше русскія пѣсни. Тутъ былъ и Шаряпъ лысый, и съ нимъ тоже была курьезная исторія. Этотъ Шаряпъ пѣлъ пѣсню: «ты, Маша, не жги, да не жги сальныя свѣчи». Потомъ почти мальчуганъ татарченокъ, его звали по-русски Иванъ Степановичъ, былъ заливаха (запѣвало); заведетъ, бывало, а ему помогаютъ взрослые, онъ нѣкоторые слова называлъ неправильно: *„идетъ атечерикъ (офицерикъ) маладой, подъ нимъ хоръ (конь) вараной“*. Нѣкоторые, различивъ слова, смѣялись. Разъ кто-то хвалился, что онъ *хоря* убилъ, а ему смѣясь замѣтили: «напрасно»; надо было живымъ взять!—«Почему?»—«Да онъ годился-бы подъ какого-нибудь *овецера* подвѣхъ!» Тотъ сразу не понялъ. «Что, какъ? Развѣ офицеръ ѣздитъ на хорѣ?» А ему отвѣчаютъ: «а какъ-же! Иванъ

Степановичъ говорить: подъ нимъ хоръ во-роной!» Тутъ всё и засмѣялись.

Подобные праздники не обходились безъ „рукоположенія на голову или ланиты“. Очень любили двое драться. Ахметъ какъ напьется, такъ и отправляется на кухню, найдетъ тамъ русаченка, или хохленка и придерется:

— Ты что сидишь? Небось, тамъ у тебя волю ушли?

— Я не воловникъ—отвѣчаетъ тотъ съ усмѣшкой.

— А-а-а, я не знаю!—и сейчасъ его колотить, а другой смотритъ, сидитъ; а потомъ и до того доберется:—А ты что смѣешься? Ты думаешь, я пьянь?—и этому на-сыпетъ.

Однажды подошелъ Семень Курганскій, чабанъ старикъ, онъ давай его поить водкой. Семень напился и Ахметъ съ нимъ; а потомъ Ахметъ вскочилъ, сгрѣбъ за волосы Семена, и только лишь кулаки отзывались отъ спины, какъ отъ бочки бухали. Вырветъ волосы, броситъ на воздухъ. Тутъ я закричалъ:

— Что ты, Ахметъ! Болерь (будеть)!

Онъ его бросилъ, такъ какъ къ нему подошелъ помогать его товарищъ. Ахметъ бросилъ Курганскаго и началъ драться съ товарищемъ Мяжитомъ, здоровымъ татаринномъ. Пошла возня и удары руками одинъ другою. Курганскій же ходилъ согнувшись съ всклокоченными волосами, приговаривая.

— Хоть побилы, за то напоили, хоть напоили, за то побилы!

Народу отовсюду набралось много, но не подходили близко, боясь бѣшеннаго Ахмета. Курганскій, видя, что на него смотрятъ и смѣются еще больше, все повторялъ:

— Хоть побилы, за то напоили...—самъ же испуганно оглядывался по сторонамъ; какъ бы не бросили драться Ахметъ съ Мяжитомъ: тогда снова на очереди онъ.

Бахитъ—второй «драчунъ», такъ его звали, здоровенный, горбоносый, черный, какъ цыганъ, задорный татаринъ. Онъ былъ за старшаго и все ходитъ, какъ бы кого вызвать на драку, толкаетъ, кричитъ:

— Ну што ты ко мнѣ пріязуясси, ну што ты ко мнѣ пріязуясси?

На силу и кулакъ надѣялся, ни съ кѣмъ не велъ компани, безъ товарищей шелъ хоть

на кого угодно, но къ вечеру кончалось дѣло тѣмъ, что онъ былъ до безобразія избитъ. Его сестра была кухаркой, звали её «Смирная Сяйда». Если кого удавалось раззадорить драться, то Бахитъ, бывало, такъ ударить его своимъ кулакомъ, что у того верхній конецъ очутится тамъ, гдѣ былъ нижній, а нижній на аршинъ кверху подпрыгивалъ. А Бахитъ ждалъ другого; и такъ по одному хоть цѣлый день онъ будетъ смазывать своимъ кулачищемъ, злорадно улыбаясь отъ того, что ему еще никто не ударилъ по физиономіи: татарва знала его хорошо. Вотъ однажды онъ сталъ задираться на Комаря татарина, тутъ подошли другіе, какъ будто интересуясь, въ чемъ дѣло, и толкали подъ бокъ Комаря, давая знать, что они заступятся, какъ и было не разъ. Тогда Комарь какъ вскочить—да на Бахита. Бахита и радъ: ему это и нужно! Но тутъ-то было дѣло не такъ, какъ думалъ онъ. Онъ даже рассчиталъ, какъ можно будетъ худенькаго небольшого Комаря побить и гдѣ послѣ «смазки» должна очутиться его голова. Вотъ онъ замахнулъ руку далеко назадъ за спину, чтобы ужъ «утереть» такъ, какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ сзади двое выросли изъ земли, схватили за руки Бахита, ударили ногами подъ его ноги, сшибли на землю, и тутъ ужъ Бахиту намяли бока «на бѣдность». Утромъ его сестра Сяйда говорить матери:

— Ну чарась (вчера) маево Бахитку избилъ, ашъ зачернѣлся (почернѣлъ)!

Мы всѣ засмѣялись, говоря:

— Какъ же чугуны могъ еще болѣе почернѣть?

Послѣ того часто повторялось: «ну ты зачернѣлся?!»; увидятъ человѣка смуглаго, сейчасъ поговорка: «человѣкъ то зачернѣлся!»

А вотъ и исторія съ лысымъ Шаряпомъ, что я хотѣлъ рассказать.

Когда кончали молотьбу, всѣ рабочіе и мы уѣзжали въ главную экономію. Недалеко, версты за 2 съ половиною, была другая наша же экономія; въ ней жилъ дядя Павелъ. Вотъ Шаряпъ часто по вечерамъ путешествовалъ. Туда была тропа, пробитая тамошними рабочими. Перестала нравиться Шаряпова ходьба, рабочіе поймали его и вымазали ему дегтемъ голову. Онъ ее вымылъ кое-

какъ и явился на рабочую кухню, называвшуюся тогда ногайской хатой; еще со времени ногайцевъ осталось это названіе, и мы постоянно находились тамъ, чтобы посмѣяться чему-нибудь и просто поглазѣть; народу въ эту хату набиралось очень много. Туда-то и явился лысый Шаряпъ. Сразу всѣ всполошились, что дегтемъ воняетъ; сначала одинъ, потомъ другой, а тамъ и всѣ заговорили:

— Да это гдѣ-то тутъ недалеко!—и стали доискиваться. Видитъ Шаряпъ, что дѣло до него доходить,—а онъ хитрый!—и что дальше нельзя скрываться, вскочилъ и началъ объяснять:

— Послушайте! Это отъ меня воняетъ. Дѣло было такъ: пошелъ я въ экономію къ Павлу Гавриловичу Мазаеву, тамъ случилась драка, вотъ я и пспаль ногой въ казанъ съ дегтемъ, который тамъ стоялъ для смазыванія хомутовъ.

Всѣ успокоились. Потомъ же, когда дѣло было узвано, потому что часто люди ходили въ экономію и обратно, вошло въ поговорку и даже дѣлали ему любезности:

— Ну ты, Шаряпъ, не попади опять ногой въ казанъ съ дегтемъ!

Онъ посмѣивается, что даже лысина блеститъ.

Мы часто въ этотъ домъ ходили. Иногда начинимъ порохомъ кому-нибудь трубку или цыгарку, она лопнетъ, курильщикъ испугается, а всѣ остальные вволю насмѣются. Послѣ того рабочіе стали осторожны, и было трудно устроить еще разъ тоже. Вотъ мы что однажды выдумали. Позвали троихъ и дали имъ начиненные порохомъ цыгарки и говоримъ:

— Какъ вы закурите, то мы васъ позовемъ, а вы раздайте кому хотите цыгарки и идите.

Такъ все и вышло. Только закурили, я пошелъ и говорю:

— Тебя, Гришка, тебя и тебя скорѣе зовутъ!

Они кинулись, но какъ тутъ быть, только закурили и вдругъ къ хозяину надо итти.

— Давай мнѣ, братъ!

— На, кури, пока явимся.

Мы же едва сдерживаемся отъ смѣха;

кто чтонибудь смѣшное скажетъ, мы такъ надъ нимъ со смѣху и покатымся: рады, что есть къ чему придраться и смѣяться. Прямо не удержимся отъ смѣху! Наконецъ, одна цыгарка разорвалась, а мы всѣ покатылись со смѣху. Какъ же онъ испугался! Еще чуднѣе стало, когда и тѣ два смѣялись надъ товарищемъ, не подозрѣвая, что и съ ними будетъ то же.

— Что, курнулъ чужого табаку!—говорилъ одинъ—вотъ такъ тебѣ и надо!

А мы заливаемся отъ смѣха уже не надъ тѣмъ, у котораго разорвалась цыгарка, а надъ этимъ. Онъ же, думая, что намъ чудно его замѣчаніе, давай еще больше смѣяться надъ товарищемъ И вотъ, какъ пыхнетъ у него, тогда и тотъ, у котораго разорвалась раньше, сталъ смѣяться.

— Вотъ оказія! Я думалъ, что вѣдь только у тебя, а за себя и *бай-оуже*, а оно *ажно-лече* (не легче) и у меня!—говорилъ второй потерпѣвшій.

Третій же началъ смѣяться надъ товарищами, а послѣ вдругъ опомнился:

— Нѣтъ ли у меня? Вѣдь тоже чужая цыгарка!

Мы же никакъ не отдохнемъ отъ смѣха: намъ же извѣстно, а онъ не знаетъ. Это такъ чудно, что на ногахъ нельзя держаться. Третій же, важно прислонясь къ столбу, который посрединѣ хаты подпиралъ потолокъ, и какъ то небрежно локоть руки положивъ на другую руку, стоя курилъ. Этого та же участь постигла, даже хуже. Онъ испугался, ударился головою о столбъ, а мы всѣ смѣялись доупаду.

Вотъ почему мы часто ходили туда!

Итакъ, дѣвки обступили отца и жаловались на татаръ, что они только-что ѣли кобылятину а послѣ кидались ихъ цѣловать. Отецъ смѣялся и говорилъ:

— Ну это еще ничего, что они ѣдятъ кобылятину и цѣлуютъ! А вотъ если бы они не ѣли ея и цѣловали бы, то это можно?

Дѣвки одна за другую прятались, хихикали и поясняли, что жалуются не на то, что пристають, а на то, что ѣдятъ кобылятину.

Тутъ выступилъ татаринъ, сталъ оправдываться, махнулъ рукой, повернулся спиной

къ дѣвкамъ и говорить:

— Мы ѣдимъ кобылятину, она нигдѣ не виситъ, во рту ея нѣтъ, что же тогда ею брезговать? Вѣдь ея нѣтъ! Если бы мы принуждали васъ ѣсть ее, тогда бы и жаловались!

Татары торжествовали, что среди нихъ нашелся такой дѣлецъ, и, стоя, улыбались. Бахитъ хохоталъ. Послѣ того ихъ адвокатъ еще добавилъ, глядя на дѣвокъ:

— А вы сами вѣдь ѣдите свиней, и мы не брезгуемъ, цѣлуя васъ! Не идемъ же жаловаться къ хозяину. Свинья, вѣдь, хуже кобылицы: жретъ что попало, даже падаль, а лошадь все ѣстъ чистое; слѣдовательно, лошадь чище!

Всѣ смѣялись, даже и дѣвушки. Татары же чуть не поднимались на воздухъ; если бы кто приладилъ сзади перышко,—только бы и видѣли ихъ!

Кончилъ ораторъ, повернулся къ своимъ собратьямъ и торжествовалъ, Дѣло и кончилось на этомъ. Татарамъ было сказано, что бы на нихъ болѣе жалобъ не было.

Когда послѣ дневной жары захладеваетъ, молотить вечеромъ нельзя, на току бываетъ чисто, зерна сдвинуты, ворохъ оправленъ на случай ночного дождя, хозяева уходятъ; а мы, хозяйчата, почти всякій день вечеромъ остаемся и еще что-нибудь дѣлаемъ. Табунъ пустили, а онъ и радъ, побѣжалъ на пастбище. Начинаютъ дѣвчаты ловить, падать на солому, раздается визгъ дѣвчатъ, ругаютъ какъ поприличнѣе: „и чтобы тебя демоны задушили! Родимецъ тебя забралъ! Холера ты нехалюзная“!, а сами рады, закатываются. Ребята же не боялись этихъ проклятій, Потомъ шли и собирались въ одну группу дѣвки, въ другую рабочіе; одна ватага посылала по адресу другой непечатныя словечки; рабочіе кричали на нихъ:

— Эхъ вы, нехалюзы! Кто, на васъ глядя, позавидуетъ? Куда вы гожи?

— Они же отвѣчали:—Эхъ вы, неумои! Кто нуждается въ васъ? Хоть бы васъ родимецъ забралъ, и мы о васъ еще свѣчу поставимъ!

— А если бы васъ, то я вотъ какую поставилъ бы,—съ кочергу!

Однажды слышу, какъ дѣвки между со-

бой толкуютъ. Одна обиженно говоритъ другимъ:

— Васъ любятъ всѣ, съ вами играютъ, а со мной ни одинъ.

Она, дѣйствительно, какъ то похуже была. Другія и отвѣчаютъ ей:

— Ну что же дѣлать? Мы ихъ не можемъ къ тебѣ послать!

— Я не прошу, чтобы вы посылали. А вотъ только все васъ да васъ, а я какъ дурочка!

Я же и думаю: а вѣдь проклянуть то какъ, кто ущипнетъ! Вотъ этой бы и нужно радоваться, а она печалится.

И вотъ, какъ только Гладкій и татары опорожняютъ мажару, то нужно гнать ее въ поле за хлѣбомъ верстъ за 7 или 8. Вотъ тутъ-то и не нравилось мнѣ, если дядя крикнетъ:

— Ванюшка! гони въ степь мажары!

Гнать не трудно, еще легче, чѣмъ гонять верхомъ табунъ: всѣ ляжки сотрешь и булдыжки, икры понатрешь, понапухнешь, и нѣсколько слѣзетъ кожа. Дѣло все въ томъ, что всѣ пойдутъ завтракать, пить чай, а ты ступай! Бываетъ такъ, что встрѣчаешься съ полными возами; тогда возьмешь полные, а отдашь порожніе и назадъ поѣдешь; потомъ скорѣе отпряжешь быковъ и бѣгомъпустишь мимо дома къ колодцу, а самъ сядешь за чай. Но мнѣ всегда думалось, что дядѣ это не нравится, и хотѣлось ему, чтобы я оставался безъ чаю. Потомъ будетъ говорить другимъ, въ особенности Бахиту:

— Ну мы сегодня Ванюшку проманежили, на сухую обошелся!

Такъ же и Бахитъ будетъ смѣяться, позубоскалитъ съ нимъ. Потомъ и мнѣ скажетъ:

— Ну дядя твой Тимошка *усалъ*, т. е. плохой. Все хочеть тебя безъ чаю оставить, а Бахитъ табунъ пасеть, не работаетъ.

А раньше Бахитъ то пасъ табунъ, то дѣлалъ то, что его заставляютъ. Это лѣто онъ все пасъ табунъ и былъ свободенъ. Немного утромъ соснетъ, а потомъ является о чемънибудь балагурить, лѣзетъ на ворохъ къ дядѣ, и начинается смѣхъ. Онъ зналъ ночныя приключенія и рассказывалъ, что случилось за прошлую ночь. Бахитъ всегда казался добрымъ, сострадательнымъ, иногда гуляючи онъ мнѣ помогалъ въ чемънибудь. Однажды онъ

выручилъ меня изъ бѣды (объ этомъ разскажу послѣ). Свозили мы съ току порожнія мажары. Дядя крикнулъ:

— Ванюшка, гони!

Я погналъ мажары, а люди пошли завтракать и чай пить. Какъ же мнѣ было завидно! Я немного отѣхалъ и оглянулся, какъ партія рабочихъ и дѣвокъ, краснѣя, отходили весело на завтракъ, а я поѣхалъ! Это было рсковое. Думалъ я что кто-нибудь со мной встрѣтится, но нѣтъ и нѣтъ. Никто не встрѣчался. Волы потихоньку везли мажары, а я торчалъ на нихъ. Одни волы имѣли по одному рогу, а иные и совсѣмъ безъ нихъ. Помню, я ѣхалъ съ братишкой Дѣйкой (Дѣемъ Иван. Мазаевымъ); повстрѣчался намъ чабанъ на парѣ воловъ. У нихъ было по одному рогу, а одинъ изъ быковъ даже безъ хвоста. Я и говорю:

— Два быка, два рога, одинъ хвостъ!

Дѣйка смѣялся-смѣялся. Послѣ того эти слова повторялись всегда. Когда папаша услышалъ, то разсмѣялся и добавилъ:

— Это еще хорошо, что два быка и два рога, а то два быка и ни одного рога, ни одного хвоста!

Одинъ быкъ, вовсе безъ рога (оторваны), такой чудакъ: захочетъ—везетъ, захочетъ—не везетъ: потянется назадъ и ярмо долой. Особенно когда случается ѣхать на баштанъ за арбузами: если увидитъ арбузъ вблизи, сейчасъ же ярмо долой, и побѣжитъ шемаромъ къ нему и начнетъ хамать, пожирать. И вотъ почему: возка хлѣба далеко, 8 верстъ, а быки весьма продувная скотина! Погонщику иногда нацѣпляють мажарь 5 или 6, онъ и гонитъ. Волы идутъ, медленно переступая съ ноги на ногу. Солнце припскаеть. Начинаетъ клонить ко сну. Задніе быки привязаны за рога и за мажару. Быки хорошо знаютъ, когда человекъ начинаетъ дремать и они идутъ все тише и тише. Потомъ погонщикъ ложится, но прислушивается, какъ гремитъ мажара. Быки же—все тише и тише. Для дремлющаго же пріятно, когда она идетъ плавно. Наконецъ, погонщикъ совсѣмъ засыпаетъ, а волы идутъ еще тише, тише, и, наконецъ, останавливаются, а послѣ и ложатся. Случается, что погонщикъ самъ проснется и скорѣе—погонять быковъ. Перед-

не вскочили и пошли, а задние лежатъ. Вотъ тутъ-то налыгачъ, который связываетъ рога и мажару, лопается или отламываются рога. Погонщикъ всегда боится заснуть, ибо часто случается, что кто-нибудь изъ хозяевъ вслѣдъ ѣдетъ, и опояшетъ хорошимъ кнутомъ. Хотя кнутъ и былъ хорошо сдѣланъ, но онъ погонщикамъ не нравился!

Вотъ я такъ и ѣхалъ, ѣхалъ, а встрѣчнаго никого нѣтъ и до самаго почти мѣста. Долго это, солнце высоко, а когда обмѣнялся или на мѣстѣ взялъ—ужь не помню!—то назадъ пріѣхалъ въ обѣдъ. Дядя кричитъ:

— Скорѣй пой воловъ, бери и запрягай порожнія мажары и поѣзжай!

— Сегодня еще я ничего не ѣлъ, пусть кто-нибудь другой погонитъ поить и запряжетъ, а я закушу въ это время.—отвѣчалъ я.

Такъ вѣдь оно и должно было быть. Въ особенности дядя долженъ былъ или Степкѣ, или Бахиту приказать; да, наконецъ, и самъ бы нашель, кому передать это дѣло, кто бы могъ меня замѣнить; но дядя закричалъ:

— Ты всегда огрызаешься! Я буду отцу жаловаться, пусть, куда знаетъ, дѣнетъ тебя, лишь бы отъ меня долой!

Что-то ужь очень ему хотѣлось доказать братьямъ, что и отецъ на все для него готовъ. Да и при томъ, неособенно милостивъ ко мнѣ былъ. Я выпрягъ воловъ, погналъ поить, а на душѣ было скорбно. Скорбно ужь за то, что дядя говоритъ: ты всегда огрызаешься, а на самомъ дѣлѣ я никогда не говорю, всегда молчу. Но, если я сказалъ, что не ѣлъ, такъ онъ и самъ долженъ былъ знать, а то: «какъ же! мы тебя сейчасъ замѣнимъ другимъ!» Поить воловъ погналъ босой. Я всегда такъ ходилъ. Вотъ однажды сказалъ дядѣ:

— Дядя Тимоша! у меня *коты* избились, купи новые!

Онъ же наотрѣзъ и говорить:

— У тебя есть отецъ—пускай и купитъ—и отвернулся усмѣхаясь, что ужь больно умно отдѣлался! Какъ думаешь, читатель, это былъ справедливый-ли отвѣтъ?

Папаша бывалъ рѣдко—онъ былъ старшиной,—да я бы и не посмѣлъ его спросить. Какая это причина, что дитя родное боится спросить у отца насущное! Такъ я

всегда и ходилъ босой. Ноги накалывалъ, искололъ такъ, что потомъ уже и не чувствовалъ уколовъ; колючки, загнанныя въ ноги, пообтерлись до того, что блестяли. Рабочіе удивлялись; одинъ татаринъ даже говорилъ:

— Развѣ бы я ходилъ босой по жнивьямъ и бурьяну сухому, колючему, какъ ходить онъ! У него и ноги не колются и прямо ступаетъ на колючки.

Вотъ я гналъ воловъ мимо крыльца до колодца, а послѣ пустилъ ихъ къ нему, потому что они знаютъ по привычкѣ, гдѣ онъ, а самъ забѣгу въ кухню и съѣмъ, что попадется, пока волы напьются. И удивительно, какъ все скоро случилось, кажется, въ минуту или двѣ, не болѣе! Я бросился въ кухню, тамъ никого не было; я кое-что нашель и почти что ничего не успѣлъ покушать. Какой-то рокъ меня торопилъ: куснулъ хлѣба—бросилъ; кинулся до молока—не хлебнулъ; кинулся къ баранинѣ—не поѣлъ и ея; потомъ снова бросился къ молоку, къ хлѣбу, къ баранинѣ, и все мнѣ казалось, что что-то надо мной ужасное, и только я оглянулся—и что же? О Боже, сохрани и помилуй! Весь, какъ иглами, я былъ пронизанъ! На порогѣ стоялъ отецъ сумрачный, какъ ночь. Онъ схватилъ меня за волосы и сталъ трепать. Я думалъ—голову отъ туловища оторветъ. Когда онъ бѣѣтъ, то въ этомъ сытости не находить: все ему казалось мало. Не думалъ я живымъ остаться и началъ уже, кажется, перехватываться. Дернулъ я, вырвался и побѣжалъ. Выбѣжалъ на дворъ. Волы напились и шли назадъ. Я подхватилъ ихъ и погналъ. Потомъ оглянулся: мнѣ казалось, что отецъ спяť идетъ за слѣдомъ и, навѣрно, добавитъ хочеть. Болѣе я не оглядывался, запрягъ воловъ и уѣхалъ, желая никогда не пріѣзжать и не видѣться съ роднымъ отцомъ, а также и съ роднымъ дяденкой. Отецъ билъ меня, да и какъ же не бить, коли сынъ сдѣлалъ такое большое преступленіе! А въ сущности, вѣдь никакого. Кто же сдѣлалъ преступленіе? Конечно, тѣ, у кого сила и у кого нѣтъ сожалѣнія. Тотъ дядя могъ «предстать въ полночь на судъ предъ старѣйшимъ града»: вотъ дядя, и его оскорбилъ племянникъ, да еще какой?—родной племянникъ! Судъ наказалъ бы и поступилъ бы справедливо, что

наказаль негоднаго племянника. Но я бы сказалъ на судѣ притчу:

— Одинъ человекъ поступалъ со мной безчеловѣчно. Онъ гонялъ меня босымъ по колюшкамъ, не тревожило его, когда я голодалъ. Онъ уязвлялъ меня упреками. Кто онъ, Господа Судьи? Они отвѣтили бы:—это твой недоброжелатель. А я еще спросилъ бы судей: а можетъ быть это мой родственникъ близкій?—Они бы всѣ закричали, что и дальній родственникъ не можетъ быть такимъ. Тутъ бы я имъ сказалъ: живу я только съ роднымъ дядей и кромѣ него, никого нѣтъ; и судьи произнесли бы, что это не родственникъ и не доброжелатель! Да, не оскорбляй, дядя! Скажи, что въ тебѣ достойно дяди? Ничего, т. е. хоть и дядя, но не дядина повелительность! Ея болѣе, чѣмъ у дяди! А сожаленія и любви, которыя должны быть у дяди,—ихъ нѣтъ!

И мальчуганъ-крошка попалъ между скаль или гигантовъ и сталъ ихъ игрушкой. А это легко сказать? Я думаю что нелегко даже прочитать написанное, а какъ же это въ натурѣ вынести? Такъ же и отецъ: скажетъ, что онъ отецъ, и хочетъ, чтобы его слушали. А я скажу: «что въ тебѣ отеческаго? Докажи! Въ Св. Писаніи говорится: *ущедритъ Господь боящихся его, яко щедритъ отецъ сына*, т. е. какъ милуетъ отецъ сына. Ну, теперь скажи: что ты со мной, какъ съ сыномъ, поступилъ милостиво? Наконецъ, отвѣтьте мнѣ: какой хозяинъ жалѣетъ рабочаго? Такого нѣтъ, не найдешь! Да, только и гордятся силой: есть сила,—значить, все можно. И ты, безсильный, не говори: «онъ таковъ». Съ безсильнымъ можно все сдѣлать—у тебя сила! Ты сказалъ на хорошаго: «онъ негодяй»; слѣдовательно, негодяй! А чтобы такъ сдѣлать: поощрить, дать совѣтъ, и всегда бы было хорошо и не за что даже было бы упрекнуть, не то, что считать негодяемъ. Сильному кажется даже остроуміемъ, если онъ кого-либо выставилъ дуракомъ или негодяемъ. А пусть тебя, сильнаго, считают негодяемъ, и тогда узнаешь вкусъ этого киселя, да еще если напрасно. А какъ это неприятно! Я отъ тебя хочу чести, а ты думаешь: «ежели человекъ назвать хоршимъ, то тутъ нѣтъ ничего умнаго. Пожалуй, обо

мнѣ подумаютъ, что я не могу распознавать людей». Вотъ этотъ самообольщенный и душиить окружающихъ людей: этотъ негодный, а тотъ еще больше! А ежели ты спросишь, читатель, почему и для чего я такъ пишу даже объ отцѣ, а тѣмъ болѣе, если ты слышалъ, что я ему все простилъ, я отвѣчу: во-первыхъ, это—событіе или исторія, не исключающая никого и описывающая, что и какъ было, а во-вторыхъ, быть можетъ, ты, читатель, тоже безжалостный человекъ и дѣтей своихъ считаешь за ничто, и въ этомъ случаѣ правильнѣе было бы думать, что ты—ничто. И ты прочтешь мою исторію и пожалѣешь меня и потомъ своихъ дѣтей, и Богъ поможетъ тебѣ, и ты постепенно станешь хоршимъ человекомъ. А хоршихъ людей Богъ любитъ. И вотъ придетъ время—ты предстанешь предъ престоломъ Божиимъ и пожелаешь тамъ увидѣть и меня, потому что моя исторія помогла тебѣ; и я тамъ узнаю, что я дѣйствительно помогъ тебѣ. И мы встрѣтимся тамъ, обнимемъ, и радости нашей не будетъ конца!

Разъ какъ-то Маня, сестра, или проще сказать—сестренка, говоритъ мнѣ:

— Вы въ аулѣ отпрягали лошадей?

— Отпрягали,—отвѣчаю я.

А она близко подошла, и на лицѣ ея была выражена грусть. Надо сказать, что она любила и жалѣла своего братишку, меня; и братишка платилъ ей тѣмъ же. Мы выросли, никогда, кажется, не ссорились и не упрекали другъ друга. А ежели что и случалось мнѣ сказать неприятное ей, то она, жалючи и любя, предостерегала меня. Она была любимицей моего отца: онъ часто говаривалъ: «ежели бы у меня Маня (или просто Машка, а чаще звалъ Маней), ежели бы Маня была у меня сыномъ, мнѣ бы ничего болѣе и не нужно было желать! «Да, она была мнѣ настоящей сестрой, а я былъ ея настоящимъ братомъ, даже когда я женился. Маша, супруга, говорила, мнѣ: «вы, должно быть, мирно съ Маріей Ивановной живете?»—Да,—отвѣчалъ я. «И никогда не ссорились?»—«Да почему это ты такъ думаешь и спрашиваешь?»—задалъ я въ свою очередь вопросъ. «Да это же ясно, я думаю—отвѣчаетъ она:—никто и нигдѣ такъ дружно не живетъ,

какъ вы! О другихъ слышишь—ссорятся, бранятся, обижаются, а вы никогда!» Хотя я и моложе сестры, но годомъ раньше женился; а она ждала своего жениха одинъ годъ послѣ моей женитьбы, и мнѣ было ее жаль: мнѣ казалось, что я будто ее этимъ обидѣлъ.

И вотъ сестра Маня со скорбью и почти съ мукой снова спрашиваетъ меня, а сама будто заплакать хочетъ:

— И ты оставилъ тамъ лошадей, а самъ пошелъ купаться? Да?

— Да, отвѣчаю я.—Ну, такъ что-же? Я лошадей не бросалъ, онѣ тутъ-же были, и ихъ видно было, было видно и бричку.

— А я слыхала,—говоритъ она,—бабушка рассказывалъ Антону Яковлевичу вонъ тамъ, въ горницѣ за столомъ. Онъ говорилъ: нѣтъ, не будетъ у меня толку въ этомъ сынѣ (это про тебя). Какъ же? Я ушелъ, а онъ бросилъ лошадей и пошелъ съ ногойчатами купаться!»

И на меня такъ скорбно смотреть: ей жаль было, что братишка, милый ея братишка, на такомъ счету у отца. Ей бы радостно было слышать похвалу ея братишкѣ. Давно это было. Вотъ ужъ болѣе 15 лѣтъ минуло, и сестры нѣтъ на свѣтѣ, а все же, когда я писалъ объ этомъ, то слезы скатились: какое несносное, колючее прошлое!

Услышалъ я отъ сестры скорбную вѣсть, и душу, казалось, кто-то въ тиски зажалъ. Горько-прегорько стало мнѣ, что я у отца на такомъ дурномъ счету. А тутъ еще горе и моей сестрѣ, обидно ей за братишку; и, кажется, я въ это время отдалъ бы все, чтобы только обрадовать свою сестру.

— Ну-у,—говорю я,—что же! Лошади были тутъ, недалеко. Ежели бы я взаправду бросилъ ихъ и ушелъ!

Видю, она немного повеселѣла и говорить:

— Развѣ лошади недалеко были?

— Да тутъ-же, около!—отвѣчалъ я.

И началъ рассказывать ей о своихъ геройскихъ подвигахъ, о томъ, что я тамъ всѣхъ ногойчатъ переборолъ и лучки у нихъ поотнималъ.

— А гдѣ же лучки?—спросила она.

— Тутъ же, я ихъ привезъ.

Она очень внимательно слушала мои

рассказы и помогала мнѣ и головой, и бровями, какъ будто торопила меня скорѣе рассказать про эти страхи.

— А какъ же, тебя тамъ никто не обидѣлъ, не ушибъ?—прерываетъ она мои рассказы.

— Нѣтъ, а я ихъ ушибъ!—говорю я.

— А какъ же? Ну-ка, они гуртомъ бы собрались, они тебя, пожалуй, побили бы.

— Нѣтъ—похвастался я.

На этомъ разговорѣ нашъ былъ поконченъ, и это осталось у меня навѣки въ памяти. Да, навсегда осталось въ памяти, какъ братишка и сестренка сокрушались и заботились одинъ о другомъ. Все это какъ будто и сейчасъ стоитъ передъ моими глазами: представляется мнѣ, будто я стою, а сестра Маня рассказываетъ мнѣ и смотреть въ мои глаза, а у самой душа полна скорби.

Пишу объ этихъ воспоминаніяхъ и расплакался; слезы такъ и катятся изъ глазъ. Боюсь, чтобы кто-нибудь ко мнѣ въ комнату не зашелъ и не могъ бы подумать обо мнѣ, Богъ знаетъ, что. Это было въ 1892 году, 25 января, въ субботу. И сегодняшній день совпалъ какъ разъ съ тѣмъ днемъ и числомъ. Это былъ день горя, скорби и слезъ: померла Алена, милая дочка, потомъ вечеромъ Матрюшекъ; а остальные четверо дѣтей лежали безнадежно больными. Да, вспомнилъ давнопрошедшее, но какое оно тяжелое, колючее. Одному случаю прошло 5 лѣтъ, другому событію—болѣе 35 лѣтъ, а колючка не переломилась, не перервалась нить тяжелого воспоминанія: тянется оттуда сюда, черезъ десятки лѣтъ, и достааетъ, и такъ концомъ глубоко беспокоитъ, что дѣлается больно. Рана остается, да какая! Просто зіяющая рана! Отецъ, жаловался Антону Яковлевичу, что сынъ его не будетъ хорошимъ человѣкомъ. И это, кажется, говорилось не потому, что сынъ не хорошъ, а потому, что онъ—сынъ, его дитя, а дѣти другими не бываютъ. И заставилъ бы ты меня въ лужѣ барахтаться, въ которой не столько вымоешься, сколько вымажешься. А такъ пріятно! Новые товарищи купаются, и мнѣ нужно, непременно нужно имъ составить компанію, а то имъ непріятно, что я не раздѣляю ихъ

удовольствія и радости. Но дѣло въ томъ, что отецъ тутъ очень дальновиденъ—онъ вонъ еще что можетъ замѣчать и вонъ еще съ какихъ лѣтъ! Сынишка не такъ поступилъ, какъ ему, отцу, хочется! Да вѣдь онъ мальчуганъ! А ты, отецъ, пришелъ-ли, позаботился-ли о сынѣ, чтобы онъ ѣлъ? Вѣдь тебѣ хорошо извѣстно, что онъ день цѣлый ничего не ѣлъ и находился на жарѣ. Но сынишка забывался, и цѣлый день незамѣтно проходилъ. Отецъ предвидѣлъ за десятки лѣтъ, а не замѣчалъ событія одного дня и подъ носомъ. Своимъ проицаніемъ онъ нанесъ рану своему семейству. Ему хотѣлось добиться славы и почитанія, наступая и раздавливая свое семейство, а ты терпи. Развѣ кому бы то ни было не хочется быть хорошимъ? А тутъ видишь, что напрасно стараешься. Что-то, да когда-то, а ты уже выстрадалъ. А вотъ, если бы отецъ спросилъ Антона Яковлевича, когда жаловался ему на сына: „а что, любишь-ли ты моего сына?“—то, навѣрно, услышалъ бы: „очень даже люблю, просто не нагляжусь“. И если спросилъ: „а дурное что-либо видишь въ немъ?“—то онъ отвѣтилъ бы: „не только дурного не вижу и не предвижу, но много хорошаго“. И что же? Отецъ, въ силу того только, что онъ—отецъ, коритъ и долженъ многое умалчивать, а чужой человекъ любить, и очень любить. И вотъ нелюбящій жаловался любящему, а этимъ послѣднимъ жалоба не воспринималась вслѣдствіе любви его къ чужому мальчугану. Надо сказать, что Антонъ Яковлевичъ меня почти съ дѣтства любилъ, и это мнѣ часто приходилось слышать отъ другихъ.

Разъ Алешка, портной, приходитъ ко мнѣ и сообщаетъ грустную вѣсть. Онъ былъ помощникомъ извѣстнаго Василия Егоровича. Этотъ Василій Егоровичъ ѣздилъ часто къ намъ и мимо насъ въ Кишиневъ; онъ старикъ, съ сѣдой бородой. Всѣ вездѣ его знали и любили. Во время своей работы, когда онъ шилъ, онъ всегда пѣлъ, а въ свободное время читалъ. Онъ, можно сказать, сдѣлался моимъ учителемъ. Я его всегда заслушивался, въ особенности, когда онъ читалъ Евангеліе и Откровеніе и толковалъ ихъ. Я съ разинутымъ ртомъ слушалъ чтеніе и объясненіе его: вѣдь это для меня впервые. Я

просто превращался въ слухъ. Когда онъ шилъ, то Евангеліе всегда лежало тутъ же на столѣ. Будучи еще совсѣмъ маленькимъ, я звалъ его «вареніемъ», и иначе мнѣ не могли растолковать, ежели не называли его такъ. Однажды я игралъ на дворѣ. Вижу, пріѣхалъ этотъ Василій Егоровичъ и отпрягаетъ лошадь около база. Я побѣжалъ къ матери и говорю:

— «Вареніе» пріѣхалъ!

— А гдѣ же онъ?

— Да тамъ, лошадь отпрягаетъ!

Немного погодя, вошелъ Василій Егоровичъ. Моя мать и говоритъ ему:

— Ваня ужъ приѣгаль. Говорилъ, что «вареніе» пріѣхалъ.

Онъ давно зналъ, что я его такъ зову. Онъ разсмѣялся.

— Вѣдь какъ выдумалъ звать: «вареніе»!

И всѣ знали и иногда называли его въ шутку «вареніемъ».

Когда я игралъ съ товарищами, и заходилъ у насъ, у малютокъ, тоже разговоръ о Василии Егоровичѣ, то мнѣ называли его «вареніемъ». Приходили изъ-за балки дядиной и другія дѣти, мы ихъ звали къ себѣ поиграть. И они говорили:

— Говорятъ, что «вареніе» отъ васъ къ намъ скоро придетъ шить.

Вотъ у него-то былъ помощникъ Алешка, парень лѣтъ 20, котораго онъ, какъ только завечерѣетъ, отпускалъ погулять, провѣтриться, пока свѣчи зажгутъ. Онъ меня найдеть, бывало, а найти было легко, хуторъ—не селеніе, и мы чѣмъ-нибудь забавлялись, или я сяду въ санки, а онъ возить—ему это пріятно послѣ долгаго сидѣнья за работой. Вотъ этотъ Алешка разъ и сообщаетъ мнѣ свою скорбную вѣсть:

— Ты знаешь? Мы скоро отъ васъ уѣдемъ. А я какъ вспомню, что съ тобой разставаться надо, то слеза пробивается! Вѣдь какъ я тебя люблю! Никого такъ не любилъ. Возьми—говорить—палку и ударь меня хорошенько, да нѣсколько разъ ударь, и ни чуть не жалѣй! Вправду бей! Мнѣ, можетъ, легче будетъ съ тобой разстаться!...

Потомъ заигрались. Онъ упалъ просто нарочно, такъ какъ я былъ маленькій, а онъ

большой; я какъ будто хочу его удержать, сѣлъ ему на руки и давай ихъ распинать на снѣгу, а онъ подбадриваетъ:

— Тяни! Тяни! Дюжей тяни, не жалѣй! Пусть мнѣ больно, пусть больно будетъ!

Я натянулъ руку и сѣлъ на нее, а онъ говоритъ:

— Нѣтъ, ты стань на нее ногами и прыгай по ней, просто вправду прыгай по ней—не жалѣй меня!

А потомъ онъ такъ это охнулъ, что, казалось, цѣлая туча скорби вылетѣла изъ груди его.

— Какъ мнѣ забыть, какъ разстаться съ тобой!...

Какъ сейчасъ помню этого бѣлолицаго браваго парня. Далѣе не помню, какъ было. Кажется, когда они уѣхали, у меня подобныхъ случаевъ не было. Впрочемъ, были, и объ одномъ я сейчасъ расскажу. Еще ранѣе я рассказывалъ про Кильчикъ, гдѣ была ногойская сходка, гдѣ дрались два ногойца, и ихъ все разнимали; и тутъ же сидѣли, составляя полукругъ, старики съ обернутыми полотенцами головами; на нихъ были широкія ластиковые или нанковые шаровары, подпоясанныя въ нѣсколько рядовъ кушакомъ или полотенцемъ; старики сидѣли на землѣ, сложивъ ноги калачикомъ, курили трубки съ длинными чубуками и относились совершенно равнодушно къ ссорамъ и дракамъ молодежи; казалось, это ихъ нисколько не касалось и что дерущіеся люди—не ихъ даже, а чужіе. Теперь ногойцевъ здѣсь не было: они ушли куда-то, когда мы видѣли на западѣ красные ворота, красные столбы. Теперь этотъ Кильчикъ населяли уже русскіе, преимущественно курскіе. Мы стояли на дворѣ той же Марьешъ, еврейки. На улицѣ былъ колодезь, куда я водилъ поить воронихъ лошадей, которыя часто у меня вырывались и бѣгали по селу. Разъ я хотѣлъ удержать ихъ, а одна изъ нихъ какъ брыкнетъ, да по мнѣ не попала, а по рукѣ—вкось руку содрала и осушила такъ, что я ничего не могъ поднять и бороться нельзя было—больна была, плохо владѣлъ ею. Вышелъ я на улицу къ колодцу налить въ корыто воды, а потомъ надо было привести лошадей и напоить ихъ. За мной побѣжалъ такой же мальчуганъ, какъ

я самъ, изъ этого же селенія. Мы подружились. Конечно, что я дѣлалъ—нравилось ему, а что онъ дѣлалъ—нравилось мнѣ. Налилъ я въ корыто воды, а онъ на меня какъ брызнетъ водой. Я подбѣжалъ къ корыту, зачерпнулъ горстью воды и въ него пустил. И намъ очень хорошо, чудно такъ, потому что лучше этой выдумки и не выдумать, намъ она очень нравится. Я разыгрался со своимъ новымъ товарищемъ, какъ слѣдуетъ. Только одна мысль беспокоила меня: какъ бы отецъ не увидаль—выругаетъ, и тутъ же утѣшалъ себя: да онъ въ хатѣ вмѣстѣ съ дядей Федотомъ. Въ это время проходили два мужика. Одинъ остановился и засмотрѣлся на меня, а другой, не замѣтивъ этого, пошелъ дальше, но спохватился и тоже остановился.

— Ну, что сталь? Иди!—позвалъ онъ перваго мужика.

— Постой! Тутъ мальчикъ очень хорошенькій. Иди сюда, я такихъ и не видалъ!

Тотъ путемъ не глянулъ и все тащилъ его:

— Ну, пойдѣмъ!

— Нѣтъ постой немного. Вправду, хорошъ! Я еще посмотрю.

Но тотъ тянулъ его. Немного отошли, а тотъ опять остановился, обернулся и продолжалъ смотрѣть на меня. Его не красота моя тянула, я не былъ красивъ, но нѣкоторымъ былъ привлекателенъ, и этой привлекательностью тянулъ къ себѣ. Такимъ же былъ и мой Петруня. Даже Григорій Григорьевичъ говорилъ мнѣ:

— Ну, твой Петроватый такъ и тянетъ къ себѣ. Въ немъ какая то сила.

А одинъ ростовскій привязался къ нему всей душой. Теперь прошло 5 лѣтъ, но какъ увижу его въ Ростовѣ, поговоримъ о томъ, о семъ и подъ конецъ непременно вспомнимъ о немъ.

—Ну, конечно, Петра Ивановича вашего теперь нѣтъ,—говорилъ онъ.—Онъ мнѣ все представляется... передъ глазами.

И сколько разъ, какъ увижу его, онъ въ концѣ разговора съ грустью скажетъ:

— Ну, теперь, конечно, Петра Ивановича у васъ нѣтъ.

Съ годъ тому назадъ, я былъ въ гостяхъ у Никифора Антоновича, сына Антона Яковле-

вича, за Леушковской, въ экономіи. Туда же пріѣхалъ, кажется, со мной и Григорій Григорьевичъ, внукъ Антона Яковлевича. Григорій Григорьевичъ говоритъ:

— А любилъ то Антонъ Яковлевичъ тебя—хой, хой—чрезмѣрно!

Я какъ будто не вѣрю; мнѣ хотѣлось, чтобы онъ увѣрялъ—это у меня таки замѣчено. Я это такъ часто говорилъ:

— Да неужели?

Тутъ подхватилъ Никифоръ Антоновичъ:

— Такъ любилъ, ну, просто до страсти! Ежели, бывало, о тебѣ зговорить, такъ милѣе этого разговора у него не было. Ну такъ любилъ—болѣе некуда!

Началъ увѣрять и Григорій Григорьевичъ:

— Даромъ, что ты ему накуралесилъ, но все же это не заглушило дѣда, не помѣшало любить тебя и послѣ...

Что я накуралесилъ лѣтъ 20 тому назадъ, теперь я только коснусь этого, а когда-нибудь подробно расскажу. Объ этомъ разное и много людей толковали; теперь менѣе толкуютъ, но все же приходится слышать споры объ этомъ: одинъ говоритъ одно—другой другое.

— Вѣдь хватить у человѣка: завести людей въ училище, поставить тамъ диванъ на диванъ и на верхъ столъ и туда посадить стариковъ!—удивлялись всѣ.

Изъ окружавшихъ въ то время меня я помню только двухъ, а остальныхъ забылъ: Харитона Даниловича, которому я плюнулъ въ лицо, когда былъ связанъ, и Антона Яковлевича, котораго тогда же я Евангелиемъ ударилъ по лбу, конечно, не очень сильно, а слегка—а онъ такъ и присѣлъ, какъ будто я его дубиной ударилъ. Помню, что я имъ тогда говорилъ что-то непонятное, и, между прочимъ, кое-гдѣ были словечки обличеній, касавшіяся ихъ церковей, и которыхъ никто не могъ опровергнуть. Они считали, что они пріемлемы отъ Бога и у мѣста. Конечно, я упрекнулъ Антона Яковлевича тѣмъ, что у нихъ въ собраніи принято цѣлованіе, которое осталось отъ предковъ, какъ привѣтствіе.

— Это,—говорилъ онъ,—осталось у насъ еще съ того времени, когда мы и наши дѣды были гонимы и собирались такъ,

къ кому-нибудь. Съѣхались, и тутъ у насъ на свиданіи цѣлованіе, здорованіе. Это у насъ—говорить—не считается преступнымъ. И теперь, ежели пріѣзжаетъ гость, то все семейство встрѣчаетъ его цѣлованіемъ и имъ же прощаясь провожаетъ. Это—горячая любовь одного къ другому, это—требованіе любви.

А ежели любовь требуетъ чего, то какіе угодно ставьте законы и преграды, а она возьметъ свое. Ежели любовь настоящая, то и все мило: хоть женщина, хоть мужчина. Эта любовь чистая, безвинная.

Этотъ обычай остался до того времени только въ собраніяхъ Антона Яковлевича, а другія собранія давно отмѣнили его, вслѣдствіе схлажденія-ли любви другъ къ другу, или къ этому обычаю—не знаю. Я въ присутствіи старцевъ обличилъ Антона Яковлевича за этотъ обычай, а Харитона Даниловича за баптистское ученіе. Среди непонятнаго для многихъ, беспорядочнаго разговора объ этомъ я, между прочимъ, сказалъ слѣдующее:

— А что, ежели кланяться паровику, который движется непонятной силой, то это не идолопоклонство-ли?

— Идолопоклонство,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же? Паровикъ, вѣдь, не идолъ, а паровикъ! Но ты дѣлаешься идолопоклонникомъ потому, что есть у тебя обожаемый предметъ, и ты иначе не желаешь, какъ кланяться ему и не мимо. А ежели поставить чашку воды и ни туда, ни сюда, а въ чашку кланяться? Не будетъ ли это тоже поклоненіемъ водѣ?

И много было страннаго сказано мною, я даже самъ не знаю, почему и для чего я такъ говорилъ, но все-таки говорилъ. И былъ „кто то“, который внушалъ мнѣ это, и есть «онъ» сейчасъ, „онъ“ живетъ иногда высоко, а иногда близко, даже въ сердцѣ. Объ этомъ то и былъ разговоръ. Одинъ говоритъ, что это просто насмѣшка, а другой возражалъ ему:

— Нѣтъ, сдѣлай-ка ты это! Тебя никто и не послушаетъ. А то вѣдь приказываетъ: станови столъ на диванъ,—и становятся; потомъ говоритъ: лѣзьте туда,—и лѣзутъ чуть не подъ потолокъ. Нѣтъ, нѣтъ, это самимъ собой нельзя!... Никто не послушаетъ!

Когда было все поставлено, я говорю Антону Яковлевичу и Харитону Даниловичу: — Лѣзьте!

Они, было, на минуту задумались, потомъ Харитонъ Даниловичъ вдругъ сказалъ:

— Ну, полѣземъ!

И какъ-то сразу вскочилъ, полѣзъ наверхъ и сѣлъ; хотѣлъ выпрямиться, а тамъ потолокъ. Онъ опять согнулся и говоритъ:

— Ты, можетъ, скажешь еще: на горнице (чердакъ) полѣзай?

— Ежели скажу, полѣзешь,—сказалъ я смѣло.

И всѣ удивлялись необыкновенной моей силѣ, а я, сказать правду, вѣрилъ, что никто не можетъ и не смѣетъ отказаться исполнить мою волю, а долженъ дѣлать что бы я ни приказалъ. Потомъ я три дня смѣялся безъ перерыву при воспоминаніи о томъ, какъ Харитонъ Даниловичъ хотѣлъ выпрямиться, а некуда, и опять согнулся. Пошелъ я за хату и катаюсь тамъ со смѣху, не иду въ хату. И вдругъ изъ-за угла ко мнѣ—Ларіонъ Павловичъ, тотъ самый Ларіонъ Павловичъ, который приходилъ ко мнѣ раза три, когда я былъ связанъ. Въ то время его приходу я всегда былъ очень радъ, потому что вѣрилъ, что онъ имѣетъ право развязать меня. Какъ только, бывало, увижу его, то умоляю:

— Ты имѣешь право меня развязать. Скажи, чтобы развязали! Вѣдь я знаю, знаю тебя, Ларіошка! Не скроешься отъ меня!... Прикажи освободить.

Онъ отказывался, и мнѣ очень больно было, когда онъ уходилъ, не говоря никому ни слова, оглядываясь на меня и улыбаясь. Наконецъ, пришелъ онъ однажды и потихоньку сообщилъ мнѣ:

— Теперь тебя развяжутъ.

Я такъ былъ радъ! Уже считалъ, что это непременно будетъ и прислушивался, что онъ будетъ тамъ говорить. И только онъ о чемъ-то поговорилъ, какъ сейчасъ же отворились двери, и всѣ вошли турьбой и уже смѣло—не боялись меня. И я свободенъ! И радъ несказанно! Это было уже на третій день послѣ того, какъ я заболѣлъ, а что было въ первый день, я расскажу потомъ. Лар. Павл. улыбнулся, увидя меня катающимся. И то, что я тогда надѣлалъ, теперь самому ка-

жется смѣшнымъ. Не знаю, какъ это случилось, что, когда изъ училища вышелъ народъ, мы всѣ вечеромъ собрались въ домъ гдѣ-то, тамъ тоже было собраніе. И вотъ Захаровы услышали, что я тамъ, и, зная хорошо, что я чело-вѣкъ степовой, неначитанный, окружили меня и хотѣли забить, закидать своимъ красно-рѣчиемъ, но не тутъ-то было: что бы они ни сказали, я почти въ пяти словахъ сбивалъ ихъ съ ихъ позиціи. Но вдругъ послышался на дворѣ и на улицѣ крикъ, скандалъ, каждый по своему говорилъ. Кто-то сказалъ что кого-то убили. Мы выбѣжали. Оказалось, поймали какого-то воришку и били его. Тестъ тоже услышалъ и подумалъ, что «водные», на меня сердитые, бьютъ меня. Прибѣжалъ онъ, видитъ—свалка... Онъ одного въ грудь, другого. Тутъ разобрались, что люди всѣ знакомые,—и тестю не стали мстить, такъ какъ во-время разобрали, въ чемъ дѣло. Тутъ и мы подошли. Народъ весь на улицѣ, забылъ о приключеніи и толковалъ о собраніи, что въ училищѣ было. Всѣ недоумѣвали, какъ это и что сдѣлалось, какъ будто какой-то сонъ. За меня почти никто не стоялъ, не оправдывалъ, а нѣкоторые говорили:

— Человѣкъ, поглядѣть, умный, а надѣлалъ, Богъ знаетъ, что!...

Я поникъ головой, какая-то тоска навалилась на сердце.

Всю эту ночь почти никто не спалъ. Въ одномъ мѣстѣ пѣвцы, собравшись, толковали.

— Что-бы это значило?—говорили одни.—Когда онъ насъ заставилъ пѣть и говорилъ: «въ послѣдніе дни будетъ Богъ,»—то мы пѣли необыкновенно, многіе даже плакали. Такъ мы никогда еще не пѣли!...

— Это правда!—подтверждали другіе.— Мы тоже не слыхали никогда такого пѣнія...

А я съ поникшей головой, задумавшись, шелъ и рассуждалъ: «вѣдь чуялъ я и вѣрилъ, что все это мнѣ отъ Бога, и говорилъ раньше, что я стариковъ загоню въ училище и что они сначала не пойдутъ, но отказаться не посмѣютъ и должны будутъ пойти. Такъ все и случилось. А почему же—думалъ я,—не сказалъ я и половины того, что мнѣ было внушено? Куда-то все отошло и улетучилось, а сказалъ то, чего вовсе не нужно было говорить».

И опечаленный, я вернулся домой. Мнѣ постлали не тамъ, въ залѣ на диванѣ, гдѣ я спалъ. Тамъ и окно у меня было открыто, и я ничего не боялся: тамъ я всегда любовался свѣтлой, бѣлой, блестящей, величиной съ ладонь звѣздой, которая смотрѣла въ окно на меня, и такъ я засыпалъ; когда я просыпался, эта свѣтлая звѣзда заходила, опускалась за горизонтъ; бывало тихо, и дышало прохладой, и звѣзда, сверкнувъ въ окно разъ-два, еще ниже опускалась, и я засыпалъ снова; черезъ нѣкоторое время опять просыпался, и мнѣ казалось, что звѣзда какъ-будто замедляетъ свой путь, какъ-будто посылаетъ мнѣ свои послѣдніе лучи; сверкнувъ нѣсколько разъ, она совершенно скрывалась за горизонтомъ; и думалось мнѣ, что это она мнѣ посылаетъ привѣтствіе; на душѣ у меня становилось пріятно; наблюдая ее, я засыпалъ; на душѣ чисто, думы роились въ головѣ: чувствовалось, что надъ всѣмъ простирался какой-то невинный міръ, невѣдомый никому, неизвѣстный, это какая-то долина покоя, и я уходилъ весь въ созерцаніе, весь отдавался мысли о новой долинѣ міра.

И вотъ, когда я пришелъ домой, кажется, теща сказала мнѣ:

— Тебѣ постлали тамъ, въ той комнатѣ.

Я на это ничего не сказалъ, пошелъ; вижу—на полу постлано; легъ и не помню, какъ и заснулъ: тоска давила, и кто-то внушалъ: «смотри,—комната темная, ставни закрыты, и ты на землѣ лежишь и занимаешь у людей такое же мѣсто»... Я вполне сознавалъ это и думалъ: «я этого достоинъ и никого не обвиняю»...

Утро. Народъ валить въ степь Богу молиться. Была Троица и всѣ три слободы собирались въ степи къ мѣсту, занимающему среднее положеніе по отношенію къ этимъ слободамъ.

Марія Павловна и говоритъ мнѣ:

— Я боялась вчера, какъ бы ты на себя руки не наложилъ.

Вышли и мы за село. Запѣли. Народъ стекался и спѣшилъ, чтобы не отстать, и примыкалъ къ намъ. Выходило солнце и мы пѣшкомъ тронулись къ тому мѣсту въ степи, гдѣ стоялъ столъ, окруженный скамейками. Мужчины, женщины и дѣти подходили со

стороны Нсво-Васильевки изъ Шавкая и даже изъ Темрюджи, гдѣ жили турецкіе молукане. Старики сѣли за столъ, а мы, что помоложе, посадились на травкѣ. Солнце жгло сильно.

Народъ говорилъ:

— На что принимать къ себѣ этихъ водныхъ! Лучше бы одни молукане, а они пускай особо. А то какъ стали съ ними вмѣстѣ ходить, то Богъ не сталъ дождя давать. Прежде то было единодушіе, одни молукане ходили,—и всегда въ этотъ день проливной дождь былъ.

— Вонъ Трофимъ Мамонтовъ былъ перовой пѣвецъ,—говорили иные,—и также молились, и такой проливной дождь былъ, что шли по водѣ. А Трофимъ даже пѣлъ, усердно, и потѣлъ, а тутъ дождь лилъ, и такъ его однажды прохватило, потревожило, что началъ труситься и пѣть пересталъ,—простудился.

И такихъ случаевъ много рассказывали.

— А вотъ какъ стали съ водными ходить вмѣстѣ, то дождя не было ни разу.

Разъ, я помню, дядя Тимошей пріѣхалъ изъ слободы и говорилъ:

— Мы только вернулись съ богомолья со степи, посмотримъ: на закатѣ тучка, небольшой ключокъ, закружилась и разошлась; потомъ показалась другая тучка, тамъ третья поплыла, то сжимаясь, то растягиваясь, и сразу образовалась туча черная. Грянулъ громъ, полилъ дождь, да какой дождь! Водой все понесло, балки зашумѣли!

Я сѣлъ почти около стола и слышалъ, какъ старики перешептывались: «надо его посадить за столъ». А Захаровы и еще нѣкоторые говорили, наклонившись къ нимъ: «не стоитъ молодежь баловать—за столъ сажать. Тамъ вонъ старики, ихъ бы слѣдовало, но мѣста нѣтъ». А тѣ опять имъ говорятъ: „нѣтъ, намъ бы хотѣлось посадить его—онъ тоже ревнуетъ о словѣ Божиемъ“. Такъ шелъ разговоръ обо мнѣ, а я продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ. Тоска удручала меня. Одинъ за другимъ читали Евангеліе, и, наконецъ, началъ читать Трофимъ Андреевичъ, старикъ, въ бородѣ до глазъ, съ нависшими бровями; онъ—попъ (въ его собраніи послѣ лѣтъ 12 собиралъ съѣзды отецъ), простякъ. Я такихъ старичковъ все-

гда боялся: думалъ, они говорятъ отъ простоты, а Богъ тутъ можетъ имъ свои слова внушать. Такъ разъ и было. Объ этомъ рассказывать—цѣлая исторія. А дѣло было такъ. Отецъ разсорился со своимъ любимцемъ сватомъ, Абр. Астаф. Левашевымъ, который долженъ былъ ему денегъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Левашевъ не хотѣлъ платить. Отецъ собралъ съѣздъ стариковъ въ Ново-Васильезкѣ, чтобы разсудили, разобрали. Туда пріѣхалъ и Абрамъ Астаф. Левашевъ. И я тамъ былъ. Левашевъ въ свое оправданіе приготовилъ разныя небылицы. Говору было много. Старики ничего не могли сообразить. Одинъ старикъ такъ даже заявилъ:

— Ваше дѣло даже въ нашу голову не помѣщается, оно велико. Нашъ разумъ не въ состояніи обнять его.

А Левашевъ просто закидалъ ихъ небылицами, сбиль съ толку.

Не выдержалъ я, вступился, придрался къ Левашеву; но онъ не отвѣчалъ, а лишь смотрѣлъ на меня, да ему и отвѣтить нечего было.

— Ты только скажи, долженъ или нѣтъ? бралъ или нѣтъ? А тамъ разберутъ старики, нужно ли тебѣ за какую услугу, или нѣтъ.

Онъ раньше все считалъ, что ему за то-то слѣдуетъ, за то-то. А когда я прямо налегъ на него, онъ ничего—пересталъ считать. Старики стали расходиться. Подошелъ этотъ самый Трофимъ Андреевичъ и началъ говорить отцу, который ставилъ его ни во что, про многострадальнаго Іова и закончилъ словами:

— Такъ и ты. Смотри, Иванъ Гавріиловичъ, у тебя отнимаютъ деньги, имѣніе. Врагъ, вѣдь, силенъ; можетъ коснуться и до души. А обидѣлъ онъ тебя, мы все это знаемъ. Ну, Богъ съ нимъ! А тебя Богъ можетъ вознаградить.

Такъ оно и было.

У Левашева ничего не осталось, а отцу Богъ далъ много. А я такъ тогда и заключилъ: это Богъ чрезъ Троф. Андр. сказалъ. И тогда уже я боялся этихъ простачковъ. У него въ собраніи былъ свой особый толкъ, признававшій, что царства болѣе никакого не будетъ, ни тысячелѣтняго, никакого другого, а уже есть царство Христово, царство Благодати.

Такъ вотъ, когда онъ началъ читать въ степи Евангеліе и толковать слова пророчества: *«такъ Богъ говоритъ Сиону Своему возлюбленному: прежде прошенія твоего, Я услышу тебя, и прежде, чѣмъ воззовешь ты, Я отозвусь»*,—съ меня будто камень свалился, мнѣ стало легко, я просто сдѣлался другимъ—сидѣлъ веселымъ, и на душѣ легко, и какъ-будто ничего печальнаго не было. Дождя не было. Солнце всѣхъ испекло, лица красныя, какъ обожженныя. У Як. Поликар. Кругова лобъ покраснѣлъ, носъ слупился. Помолвившись, мы всѣ разбрелись по домамъ.

Пришли и мы домой. Не помню: кажется, чай пили, такъ какъ ничего почти весь день не ѣли. На ночь мнѣ опять постлали по-прежнему, въ залѣ на диванѣ около окна, откуда я опять могъ видѣть свѣтлую звѣзду. Не помню, видалъ ли я ее или нѣтъ. Улегшись, я разсуждалъ: „значить, люди опять стали толковать обо мнѣ съ хорошей стороны“.

На другой день, куда бы я ни пошелъ, вижу—все толпы людей, все толкуютъ о томъ, что случилось въ училищѣ. Я подошелъ къ одной толпѣ. Тамъ говорили:

— Нѣтъ, онъ правду сказалъ. Всѣ стали склоняться на его сторону, что Антону Яковл. давно надо бы бросить цѣлованіе.

Нѣкоторые даже собирались уже нарочно пойти къ нему и поговорить, чтобы это упразднить. Лишь усиленно опровергаль одинъ Петръ Кондр. Щербаковъ: онъ настаивалъ на томъ, что это просто насмѣшка надъ стариками.

Я и говорю:

— Вѣдь сказано, что судъ Божій изъ дома Божія начнется.

— Ну, такъ что же изъ этого?—говорить онъ.

— А это—не дома Божіи, Антона Яковлевича и Захарова,—отвѣчаю я.

Онъ замолчалъ, даже испугался. А ему говорятъ:

— А развѣ узнаешь, какъ это Богъ сдѣлаетъ? Можетъ и такъ—почему знать! Вѣдь иные пророки одежды снимали съ себя и ходили голыми. Люди думали это зря, а это было отъ Бога!...

А въ другой толпѣ водные говорили:

— Что онъ сказалъ путнаго? Ничего. Просто зря!

А наши защищали:

— Что же вамъ болѣе нужно? Вѣдь цѣловаться не слѣдуетъ—это и вы скажете.

— Ну, это, положимъ, онъ дѣльно сказалъ—соглашались тѣ.

— Ну, а еще что? Ну, а это развѣ не дѣльно,—приставали наши,—что ничему не слѣдуетъ предпочтенія давать, кромѣ Бога, ни паровику, ни водѣ? Вѣдь это также не хорошо—предпочитать тварь и ожидать отъ нея спасенія, а не отъ Творца.

Тѣ молчали, не отвѣчали.

Ант. Яковл. любилъ меня, и Алешка портной, помощникъ «варенія», и самъ «вареніе» тоже любилъ меня до страсти сызмальства. А отецъ ему жаловался на меня; того не зналъ, что онъ меня любитъ. Чужой любитъ меня, а отецъ не любитъ и жалуется ему на меня!

Да, было два человѣка, самыхъ властныхъ надо мною и съ неограниченнымъ правомъ на меня: отецъ и дядя. Оба почему-то хотѣли всему свѣту доказать, что у нихъ есть мальчикъ—страшный негодяй. У обоихъ, куда бы они ни поѣхали, вездѣ я былъ главнымъ предметомъ разговора. Однажды отецъ пожаловался даже моей бабушкѣ, своей матери, на то, что у него такой сынишка, котораго никуда нельзя послать.

— Пошлешь, — говорилъ онъ, — проѣздить, вмѣсто часа, полдня!

Бабушка загорюнилась, пришла ко мнѣ и съ грустью говоритъ:

— Какъ же ты, Ванятка, такой, что и отецъ на тебя жалуется? Такъ, дескать, и такъ. Не то, что бы самому догадаться, куда съѣздить, а пошлетъ—ты проѣздишь долго.

Мнѣ было очень больно слышать это, да, къ тому же, упреки несправедливы. И отъ кого же! Отъ отца!

— Бабушка!—говорю я.—Вѣдь куда я поѣду и въ чемъ? Ты сама знаешь, у меня никакой одежки нѣтъ, кромѣ этого капотишка, ноги постоянно босы. И халатишка не сошьютъ! А я въ каждый слѣдъ. Дождь меня насквозь промачиваетъ, потомъ вѣтромъ холоднымъ обдаетъ.

Больно очень мнѣ, что меня всюду и вездѣ ругаютъ, а пожалѣть никто не хочетъ. И обидно мнѣ было за то, что меня, безотвѣтнаго, посылали, куда и когда хотѣли. А на мнѣ капотъ былъ—рукава отрепаны и мотались клочьями и вата, выбившись, трепалась, какъ бахрома.

— А пошлютъ куда,—продолжалъ я изливать бабушкѣ свое горе,—все верхомъ и безъ сѣдла! Я сколько говорилъ матери, чтобы она поговорила съ батюшкой о томъ, чтобы сѣдло купить. А то у меня никогда почти междубугорье не заживало!—

Чуть что—„Ванюшка, ѣзжай!“ А какъ ѣхать безъ сѣдла! Какъ на грядушкѣ, на краю доски. Больно и неудобно, а ѣхать надо или шагомъ или проскакать версту и болѣе, что есть духу, или напрыгомъ, вскачъ, галопомъ. А трускомъ никакъ нельзя — и больно, и трусить очень. Проскачешь галопомъ, потомъ станешь останавливать, но конь не сразу остановится, а бѣжитъ еще нѣкоторое время трускомъ, и въ это время подпрыгиваешь на немъ на полъ-аршина отъ хребта, едва-едва держишься. Больно—и говорить нечего! А въ особенности междубугорье такъ болитъ, что даже зубы стиснешь отъ боли. Потомъ шагомъ ѣдешь и все стараешься сидѣть бокомъ, свѣшиваясь то на ту сторону, то на другую, чтобы не прямо сидѣть на спинѣ. А спина то у лошади жесткая, и попадешь на нее больнымъ междубугорьемъ—ну просто медъ сладкій! А подостлать нельзя: поѣдешь все и повыскакиваетъ—и тогда еще хуже: надо слѣзть за упавшимъ, а безъ сѣдла не взлѣзешь. Ежели и приходилось слѣзть, то потомъ взлѣзаешь, взлѣзаешь, такъ и бросишь и приведешь коня въ поводу, т. е. за поводъ. А лошади у насъ были высокія, шеи длинныя; захочешь взнуздать, не достанешь—подыметъ, задеретъ голову выше версты.

Однажды отецъ говоритъ: «поѣзжай, Ванятка, къ косарямъ, что просо косятъ!» Нужно было имъ что-то передать—забылъ. А самъ отецъ стоитъ на току на ворохѣ съ длиннымъ кнутомъ и гоняетъ лошадей отъ вороха. Тутъ же табунъ бѣгаетъ, кругомъ молотить. Отецъ покрикиваетъ на рабочихъ: «ну-ка, дѣти, живѣй, живѣй! Отецъ богатъ».

еть! Я отъ него побѣждалъ въ конюшню, вывелъ большого бѣлаго коня, сѣлъ на него, конечно, безъ сѣдла и поѣхалъ по направленію къ востоку на бугоръ по дорогѣ, по которой мажары возили хлѣбъ со степи на токъ. Ъхать нужно было версты за восемь. Сначала конь немного трюхикалъ, но что-то неохотно. Я и думаю: всегда, бывало, и погонять не надо, а теперь вотъ нужно, а я не взялъ даже палки какойнибудь. Видите: даже плетки не было и безъ сѣдла. Конь пересталъ повиноваться. Я началъ хлестать его поводомъ, онъ немного пробѣжить и опять остановится и только шагомъ шель. Я вынулъ изъ кармана ножикъ и давай имъ бить, стукать по немъ; онъ немного затрюхикалъ, потомъ опять пошелъ шагомъ. Я подумалъ: должно быть, заболѣлъ, иначе бы и погонять не надо было. Спряталъ я свой ножикъ въ карманъ, и ѣду уже шагомъ. Хотѣлъ даже слѣзть и вести въ рукахъ. А то, думаю, онъ захворалъ, ему и такъ больно. А назадъ все—нѣтъ-нѣтъ и оглянусь: сюда все было видно; какъ лошади бѣгали вокругъ вороха и какъ отецъ махалъ длиннымъ кнутомъ. Потомъ все скрылось: и экономія, и сады, и даже на ворохѣ отца не было видно. Заѣхалъ я за бугоръ, никого нигдѣ не видно, все степь и степь. Отѣхалъ версты 4, а ѣхать еще столько же надо. Вижу: мой конь совсѣмъ тихо сталъ идти и потомъ повернулъ съ дороги вправо. Я почему-то ему ужъ не препятствовалъ. Потомъ сталъ ложиться и, наконецъ, упалъ. Я едва успѣлъ соскочить и подумалъ: еще немного, и ногу отдалъ бы. Что бы я тогда дѣлалъ одинъ въ степи? Конь глянулъ на меня, вѣроятно, потому, что я отскочилъ, потомъ вытянулся и началъ дышать съ хрипомъ. Я вижу, что онъ издыхаетъ, похожу вокругъ него и остановлюсь надъ головой. А онъ все тяжелѣе дышитъ, животъ то вздуется, то опустится. Потомъ сталъ искать глазами, гдѣ я; глянулъ черезъ лобъ, увидѣлъ меня и долго смотрѣлъ на меня, и взоръ у него сталъ не какъ у лошади, а какъ у человѣка; онъ прямо смотрѣлъ мнѣ въ глаза и не моргалъ. Мнѣ казалось, что онъ понималъ, что онъ расстаётся со свѣтомъ, а я остаюсь и долженъ идти пѣшкомъ,—и ему это

жалъ, и какъ будто онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но не можетъ—это ему не дано, но онъ все понимаетъ (пишу объ этомъ, и слезы выступаютъ, а когда-то въ этотъ день я плакалъ о дѣтяхъ. Многие случаи изъ моей жизни сопряжены съ горемъ). Всѣ знали, что меня преслѣдуютъ, преслѣдуетъ отецъ: ругалъ, не стѣсняясь никого. Знали это всѣ, знали и рабочіе. Грустное выраженіе почти никогда не сходило съ моего лица. Лишь забудусь и сдѣлаюсь веселымъ и все ни-почемъ, ну—думаю—это разъ, а другой не будетъ,—а оно опять, вотъ оно горе: ругня и стенаніе обо мнѣ, что я никуда не способенъ. Знали это рабочіе. Мнѣ казалось, знали объ этомъ и лошади, и куры, такъ какъ въ сказкахъ я слышалъ, что онѣ все понимаютъ, только рассказать не могутъ. А теперь я самъ вижу, что конь меня ищетъ глазами, и туда смотритъ, и сюда; наконецъ, находилъ и смотрѣлъ долго, долго. И мнѣ казалось, онъ жалѣлъ меня и хотѣлъ сказать: „я расстаюсь съ тобой, и ты остаешься жить, а напрасно: тѣ, которые должны любить тебя, не любятъ; напротивъ, зря обижаютъ, напрасно обижаютъ. Я это знаю, и мнѣ тебя жаль. Даже и теперь: ты придешь пѣшкомъ, тебя изъ-за меня обидятъ, скажутъ: загналъ. Выругаютъ тебя, и это будетъ больно, потому что напрасно будешь переносить это“. Пишу объ этомъ не какъ объ игрѣ, но какъ о дѣйствительной, сущей правдѣ. Такъ мнѣ казалось во взорѣ умирающаго коня, что именно это онъ хотѣлъ сказать. Потомъ онъ опять опустилъ глаза, такъ какъ смотрѣть на меня черезъ лобъ ему было неловко. Я сталъ молиться, читать: „Отче нашъ“. А онъ на меня въ это время часто посматривалъ. Не выдержалъ я и заплакалъ; слезы рѣкой полились; жаль мнѣ было его и еще болѣе потому, что ему меня жаль, и мы двое въ глухой пустынь, одинъ—мальчуганъ, а другой—конь, спутникъ его умирающій, и больше никого (я сейчасъ пишу и плачу). Потомъ онъ перевернулся на другой бокъ, и, когда переворачивался, на минуту задержался, опять посмотрѣлъ на меня, и легъ и голову положилъ на траву. Думаю: не будетъ живъ, надо снять уздечку. Подошелъ, развязалъ подбородникъ и сталъ тянуть съ него

уздечку, а она придавлена головой—не сниму. Вдругъ онъ приподнялъ голову, чтобы мнѣ можно было вытащить. Я вытащилъ уздечку, снялъ ее и думаю: ему, должно быть, пришло время умереть, и этого нельзя отсрочить, и потому Богъ мою молитву не слышитъ. И стою надъ головою его, заливаюсь слезами. (Вы знаете, какъ я сейчасъ плачу? Просто рыдаю, и комнату заперъ, чтобы кто не вошелъ). Конь умиралъ. Онъ все глянетъ на меня и закроетъ глаза, опять глянетъ и опять закроетъ. И въ это время, мнѣ казалось, жаворонки перестали пѣть, даже ни одинъ не чирикалъ. Глухо въ полѣ. Я думалъ: они это знаютъ и потому не поютъ: увидѣли они съ высоты и перестали пѣть, потому что всѣхъ одинъ Богъ сотворилъ, а вотъ одно твореніе, одно существо умираетъ, а другое надъ нимъ слезами заливается. И они это видѣли, знали и перестали пѣть. Я даже замѣтилъ, какъ одинъ жаворонокъ спустился въ траву неподалеку отъ насъ и вытягивалъ кверху шею, желая видѣть, что съ нами дѣлается. Наконецъ конь сталъ дышать все тише и тише и совсѣмъ пересталъ. Я вскинулъ уздечку на свои плечики и зашагалъ по травѣ, только боясь змѣй, а трава мнѣ по поясъ, сухая—осталась нескошен-ной. Я пошелъ прямо степью туда, куда мнѣ нужно было, такъ какъ надо же сказать, что батюшка велѣлъ. Оглянулся я назадъ, а конь чуть изъ травы бѣлѣлъ, и побѣжалъ далѣе. Иду по полю и разсуждаю: теперь конь тамъ, у Бога, онъ теперь свободный, бѣгаетъ по зеленымъ лугамъ; только ему тамъ скучно безъ меня: вѣдь ему такъ жаль было оставить меня. Я тоже когда-нибудь его увижу тамъ и очень ему буду радъ, и онъ мнѣ обрадуется, потому что онъ теперь тамъ больше знаетъ, чѣмъ зналъ тутъ. Онъ теперь тамъ говорить умѣетъ, и мнѣ такъ и хочется заглянуть въ эти луга зеленые, гдѣ онъ свободно ходитъ, и поговорить съ нимъ. Ему меня было жаль, жаль и теперь, и отъ этого ему, пожалуй, и луга зеленые скучны. Нѣтъ,—думалъ я, утирая слезы:—ему тамъ лучше, его не запрягаютъ, и онъ, куда хочетъ, туда и бѣгаетъ, тамъ ему весело, и никто его не обижаетъ, и его тамъ далеко видно, такъ какъ луга тамъ зеленые, очень зеле-

ные, а онъ бѣлый. Да тамъ онъ, пожалуй, еще больше сталъ. Такъ вотъ-вотъ, мнѣ кажется, еще немного ежели бы чуть приподняться, то я его увидѣлъ бы. Пришелъ я къ косарямъ и не слышалъ, какъ дошелъ. А они увидали и говорятъ: „съ уздечкой и пѣшкомъ!“—„Что же? пѣшкомъ“.—„А на что уздечку принесъ?“—Я говорю, что конь палъ. Они не вѣрятъ, и еще болѣе пристають. Я и вовсе пересталъ имъ отвѣчать: вижу, что не вѣрятъ, да и нужды нѣтъ увѣрять ихъ. Я сказалъ имъ, что отецъ велѣлъ. Вижу, нагруженныя мажары ѣдутъ въ экономію. Я скорѣе побѣжалъ къ нимъ. Подбѣжалъ и говорю:

— Уляшка, стой!

Остановили воловь. Я полѣзъ на мажару, на верхъ, цѣпляясь за бичевку, которой былъ увязанъ возъ. Уляшка подала мнѣ руку, втащила на верхъ и говоритъ:

— Что-же ты пѣшкомъ?

— Конь издохъ, отвѣчаю—я.

Она тоже смѣется, не вѣритъ. А когда мы проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ издохъ конь, она увидѣла, что что-то бѣлѣетъ недалеко отъ дороги, и говоритъ:

— Вонъ это твой конь бѣлѣетъ?

— Да,—отвѣтилъ я.

Ѣдемъ. Волы идутъ веселые, лишь ногами, косолапя, поднимаютъ пыль. Мажары покачиваются. Скотина, а все понимаетъ: когда идутъ домой, то погонять не нужно, сами чуть не бѣгомъ идутъ въ надеждѣ, что чѣмъ скорѣе они придутъ, тѣмъ скорѣе ихъ отпрягутъ и напоятъ и пустятъ пастись, а другихъ запрягутъ, пока мажары опорожнятся.

Кто пасъ быковъ, тотъ можетъ знать ихъ умъ. Ежели, случится, быкъ побываетъ въ потравѣ, въ просѣ или на баштанѣ, то ихъ укараулить только тогда можно, если знаешь ихъ хитрость, а то всегда уйдутъ. Вотъ, когда они напасутся, то всѣ положатся, какъ ни въ чемъ не бывало. Кажется, ничего не должно случиться. Но они всѣ наблюдаютъ за пастухомъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ посмотритъ, они всѣ положились, теперь они рады полежать, потому что лѣнны: ихъ всегда съ трудомъ поднимаешь, когда придешь за ними для работы. Ну, и теперь только положились, успокоились, ло-

жится и сторожъ вдремнуть. А они, какъ замѣтятъ, что онъ заснулъ, сейчасъ же всѣ поднимутся и какъ поднимутся! Какъ тѣни, пойдутъ, ни одинъ не стукнетъ. Отойдутъ немного и начинаютъ прибавлять шагу и потомъ уже очень быстро отправятся. И ужъ въ это время знай: тамъ ихъ нужно искать, гдѣ они хоть разъ были въ потрафѣ.

Приѣхалъ я. Подхожу къ отцу. Онъ спрашиваетъ:

— А гдѣ же конь?

— Издохъ,—отвѣчаю я.

— А далеко?

— Нѣтъ, за бугромъ, за дорогою, которая идетъ влѣво. Такъ версты двѣ отсюда или около, но не болѣе трехъ.

— А ты на немъ быстро ѣхалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаю.—Я его погонялъ, а онъ почти отъ самой конюшни не бѣжалъ. А я такъ шагомъ ѣхалъ...

Онъ болѣе ничего не сказалъ. Только Васька (теперь Вас. Павл. Мазаевъ) говоритъ тамъ другимъ, можетъ быть, и въ шутку:

— Онъ его загналъ.

Мнѣ такъ стало больно и обидно. Подошелъ я и говорю:

— Развѣ коня загонишь на двухъ верстахъ? Да еще безъ сѣдла? Скоро—говорю—надоѣстъ скакать!

Рабочіе сочувственно смотрѣли на меня: должно быть, по моему лицу видно было, что я много горя видѣлъ, а, можетъ быть, и по глазамъ; когда я плакалъ, то пыль смыло съ лица полосами, а потомъ она опять наслѣла, можетъ и это было видно.

Да, я бабушкѣ все рассказалъ: что у меня нѣтъ ни халатишка, ни сапоговъ, ни сѣдла—ничего нѣтъ, и добавилъ:

— Пускай бы все справили мнѣ, какъ у Васьки. У него вонъ и сѣдло хорошее, и одежда, и сапоги—все у него есть, а у меня ничего... Пусть бы все справили, тогда и спрашивали бы. Я даже съ радостью ѣздилъ бы, куда бы ни послали. У Васьки даже конь особый, хорошей, верховой...

Отецъ сидѣлъ въ другой комнатѣ и былъ, видимо, очень доволенъ, что дѣло дошло до этого и выяснилось, что у его сына ничего нѣтъ, а другіе тратятъ денегъ больше, чѣмъ онъ. Онъ и сына даже не жалѣлъ, лишь бы

сберечь какой рубль.

Бабушка пошла и напала на него:

— Иванъ! Что же ты жалуешься? А вѣдь посмотри: у Ванятки вѣдь ничего нѣтъ, просто ничего нѣтъ! Одинъ капотишка, и тотъ изодранъ. А развѣ не на что ужъ своихъ дѣтей нарядить? Кто же ихъ одѣнетъ?

Слышу, бабушка всю правду обо мнѣ говоритъ, а онъ, отецъ, даже доволенъ тѣмъ, что ему за это выговариваетъ мать, что онъ очень хозяйствененъ, и что онъ правъ, когда говорилъ матери нѣсколько разъ о томъ, что братья его зря тратятъ деньги. Довольство отца слышалось даже въ его кашлѣ. Когда я заглянулъ въ дверь, то увидѣлъ: сидитъ онъ, очень веселъ, чуть не улыбается, но старается это подавить, такъ какъ неловко быть веселымъ и смѣяться, когда мать выговариваетъ.

Приѣхалъ однажды дѣдъ Ворожищевъ (мы звали его „мамашинымъ отцомъ“). Мы, дѣти, его очень любили, но больше всѣхъ любилъ его я, больше, чѣмъ дѣдушку Гаврила; его я тоже любилъ, но у него было много власти надо мной, а у Ворожищева не было. Разъ я видалъ, какъ дѣдушка Гавриилъ ударилъ въ спину одного дядю. А другой разъ онъ куда-то спѣшилъ, отворилъ дверь, и я тутъ, туда-же лѣзу. Онъ осердился и крикнулъ:

— Ну, проходи скорѣе!

Я и подумалъ: стану я подростать, онъ меня, пожалуй, бить будетъ.

И хотя я любилъ его, но все-же и побаивался: помнилъ, какъ онъ дядю ударилъ.

А какъ, бывало, увидимъ мы, что дѣдъ Ворожищевъ ѣдетъ, то больше этой радости у насъ не было. Мы выбѣгали къ нему навстрѣчу. Онъ посажаетъ насъ къ себѣ на бричку, въ которую была впряжена пара лошадей—одна изъ нихъ саврасая и долго жила у него. Онъ и радъ намъ, повтягиваетъ насъ въ бричку, цѣлуетъ и говоритъ:

— О, соколики мои!

Гостинчикъ намъ дастъ. А разъ вынулъ свой кожаный кошелекъ, досталъ 15 копеекъ серебрянныя и далъ мнѣ, и Манѣ сестрѣ тоже далъ, такъ, не зная на что. Какъ это могло быть? Я былъ такъ радъ и счастливъ,—больше некуда. Нянька Кулька по-

дошла и попросила дать ей посмотреть, такъ я боялся дать ей: ну—какъ, уронить, и онъ укатится, такъ что и не найдешь.

Дѣдушка былъ хорошимъ кузнецомъ, зналъ какой-то секретъ буравцы закаливать, что такъ еще никто не могъ. Однажды отецъ попросилъ его въ окнахъ стекла вставить. Онъ приготовился къ работѣ въ сѣняхъ, гдѣ мы обѣдали и вечеряли. Положилъ на столъ рамы и стекло, листъ цѣлый, и разрѣзаетъ алмазомъ. На немъ очки, бѣлая большая хорошая борода, и самъ бѣлый, съ румянцемъ на щекахъ, глаза сѣрые, улыбающіеся. Случился тутъ и я—бѣгу, рукавами размахиваю. Лишь поровнялся съ нимъ, онъ и говоритъ:

— Постой, соколикъ! Подержи мнѣ стекло, а то горбатое, не лежитъ, ерзаетъ—не отрѣжешь одинъ!

Я ухватился рученками за стекло, а одинъ лохмотъ моего изодраннаго капотишка, длинный, мотается на тонкой, свившейся жгутомъ матеріи; и этотъ лохмотъ упалъ на стекло, дѣдушка его отодвинулъ линейкой, чтобы не мѣшалъ ему линейку положить и обрѣзать стекло.

— Зайди, соколикъ,—говоритъ онъ,—еще подержи съ другого конца.

Я зашелъ, ухватился, а лохмотъ опять упалъ на стекло. Дѣдушка опять глянулъ на него, да какъ ухватить этотъ лохмотъ, рванетъ его, оторвалъ и бросилъ на землю. Потомъ глянулъ на меня, смѣясь. А я такъ разсмѣялся, что не въ состояніи былъ держать стекла—оно въ рукахъ такъ и прыгало. И никакъ не остановлюсь, не удержусь отъ смѣха. Въ это время проходила мать. Дѣдушка и говоритъ ей:

— Посмотри-ка, Анна, надъ чѣмъ Ваня разсмѣялся! Тутъ одинъ лохмотикъ мѣшалъ намъ, я его оторвалъ и бросилъ, а ему его жаль—вотъ и смѣется.

Мать тоже разсмѣялась. Я, было, уже забылъ, успокоился. Сталъ обходить вокругъ стола и увидѣлъ—валяется этотъ лохмотъ, и опять разсмѣялся и подумалъ: вѣдь давно бы его нужно оторвать. И какъ это—думаю—дѣдушка догадался?

Я также хотѣлъ рассказать вамъ, какъ меня Бахитъ отъ страшнаго горя избавилъ.

Послѣ снѣданья рабочіе и мы выходили на токъ, который бывалъ еще до снѣданья настланъ. Бахитъ пригонялъ табунъ и загонялъ его на верохъ, около тока. Приходя на токъ, я садился верхомъ на лошадей; рабочіе—кто съ вилами, кто съ граблями—становились въ двѣ шеренги отъ ворочки до тока. Выпускали табунъ и гнали на токъ между двухъ шеренгъ людей; но лошади такъ хорошо знали, кто изъ рабочихъ растреповатый стоялъ, сейчасъ бросались на него, чтобы убѣжать въ степь. Такихъ прощальгъ—лошадей было у насъ нѣсколько, и онѣ часто убѣгали. Вотъ, когда гнали ихъ, то нѣкоторые или я кричали:

— Смотри строже туда! Къ вамъ пошла ворона! Смотрите сюда, къ вамъ лѣзетъ «Ахметъ гнѣдой»! Проскочить!

Вдругъ онъ кинулся на невзрачнаго курносаго Кисямишку. Тотъ ударилъ коня граблями по головѣ, но онъ все-таки ушелъ. А для того, чтобы загнать опять, надо двухъ или трехъ верховыхъ посылать, а одинъ и не берись. У насъ была бѣлая кобыла. Ежели она была тутъ, то я сяду на нее, и убѣжавшая лошадь не успѣетъ пробѣжать и ста саженой, какъ я ее настигну и ну пороть кнутомъ, который я бралъ всегда въ такихъ случаяхъ у Бахита. И лошади знали эту бѣлую кобылу: какъ увидятъ меня на ней, сейчасъ же поворачиваютъ назадъ и заходятъ на токъ, огороженный въ двѣ доски кругомъ. Слышится шумъ отъ копытъ по хлѣбу. Потомъ рабочіе задвинутъ кругъ доской, станетъ каждый противъ своей доски, около вороха, держа вилы или грабли, чтобы лошади бѣжали около досокъ и молотили края. Нужно было болѣе десятка разъ обѣжать табуну, чтобы обмолотить. Иногда же, послѣ дождя, сыро, и лошадямъ приходится бѣгать кругомъ очень долго. Иные рабочіе стоятъ, иные посадятся, а иные даже положатся, держа кверху грабли, на которыхъ нанизанъ пукъ колосьевъ, чтобы солнце не пекло. Лошади привычны: на человѣкѣ не наскочатъ. Вотъ, случается, гоняетъ табунъ кто-либо другой, а я стою на ворохѣ съ длиннымъ кнутомъ и люблю въ это время подшутить надъ безпечными рабочими. Вижу, Гладкій, хлопецъ, лежитъ и держитъ пукъ соломы, закрываясь имъ отъ

солнца. Я разбѣжался сзади, да какъ прыгну на него, онъ какъ вскочить.

— Тпру, тпру! Куда!

А я такъ и закатился со смѣху. Онъ отъ испуга тяжело вздохнулъ, да и самъ расхохотался.

Я видалъ, - говоритъ онъ,—вотъ эту гнѣдую. Она бѣжала особо. Я думалъ, что это она. Вотъ напугалъ, такъ напугалъ! Даже въ животъ захохотало.

И давай опять смѣяться, и всѣ тутъ надъ нимъ смѣются.

Когда гоняешь табунъ кругомъ, то непременно нужно имѣть арапникъ, большой кнутъ, такъ какъ многія лошади возвращаются и ѣдятъ колосья съ зерномъ и отдыхаютъ, пока табунъ обѣжитъ кругомъ. То-идѣло: то одна, то другая увернется и сейчасъ же остановится. Ужъ этихъ лошадей знаешь, и какъ замѣтишь и ежели есть хорошей кнутъ, сейчасъ же опояшешь, и она боится. А иначе ничуть не боятся. Такъ обмолотится одинъ посадъ, и табунъ сгоняютъ на базъ. Бывало, вижу я—кругомъ кончено, обмолочено, и всякъ свою доску съ трескомъ начинаетъ сдвигать, и крикну:

— Табунъ долой!

Табунъ такъ и встрепенется и кинется къ воротамъ—привыкли.

— Люди, бросай! Заходите всѣ и становитесь!

Всѣ выбѣгаютъ и строятся въ двѣ шеренги, и опять табунъ пробѣгалъ сквозь наворочекъ. Я слѣзалъ съ коня, привязывалъ его тутъ же и запрягалъ воловъ, ежели съ поля еще не пришли новыя мажары. Запрягши воловъ, я заводилъ мажары на токъ, когда уже все сдвинуто и скидано въ ворохъ, а это дѣлалось быстро, такъ какъ всякъ спѣшилъ свою долю сдвинуть и скидать. Начиная другой посадъ. По-прежнему я гонялъ лошадей, а дядя Тимсеей стоялъ на ворохѣ и, повидимому, скучалъ оттого, что долго не идетъ Бахитъ позубоскалить съ нимъ и рассказать ему чего-либо новаго. Вдругъ изъ-за мажаръ показалась вѣчно смѣющаяся черная физиономія Бахита. Дядя, увидѣвъ его, обрадовался:

— Эй, эй! «Цыганьца—обмани меня!»—закричалъ онъ.—

Дядя дразнилъ его такъ. А тотъ шелъ, показывая два ряда крѣпкихъ, бѣлыхъ зубовъ, подходилъ къ вороху; дядя подавалъ ему кнутъ, и онъ взлѣзалъ на ворсхъ по кнуту.

— Ну, что скажешь, «Цыганьца—обмани меня?»—говорилъ дядя.

Тотъ началъ что-то рассказывать, слышно только: «Варька» и «Косями». Потомъ оба разсмѣялись. А я кругомъ гоняю лошадей, недалеко отъ нихъ, и прислушиваюсь.

— «Косями вчерашнюю ночь спалъ съ Варькой,—говорилъ Бахитъ,—и далъ ей 20 коп. Въ эту ночь опять легъ съ нею же и укралъ свои 20 коп., вернулъ назадъ...

И оба закатились со смѣху, особенно Бахитъ: онъ, лежа на животѣ, катался по вороху отъ смѣха.

— Ну, и «Цыганьца—обмани меня!»—одобрялъ дядя.

А тотъ еще пуще заливается: радъ, что узналъ и сообщилъ новость. Потомъ Бахитъ опять начинаетъ говорить, лежа на брюхѣ, а дядя сидитъ около него и слушаетъ.

— Разъ меня Иванъ послалъ въ городъ (Мелитополь)—говорилъ онъ—телеграмму подать. Иду я по городу и вижу: двѣ барыньки вышли на балконъ, стоятъ, тонкія, какъ сахарныя головы, хотъ перехвати четверней!—и показалъ примѣръ пальцами.—А по улицѣ идутъ два офицера, глядятъ на нихъ и грозятъ имъ пальцами, а тѣ оттуда грозятъ офицерамъ.

И опять со смѣху закатился. А дядя и говоритъ:

— Эхъ ты, „Цыганьца—обмани меня!“ Значитъ, онъ тебя этимъ обидѣли?

— Да, Да!—отвѣчаетъ тотъ, и опять засмѣялся. А я продолжалъ гонять лошадей. Вдругъ надвинулась туча, грянулъ громъ, полилъ сразу дождь. Я соскочилъ съ коня, бросилъ его на току. И табунъ и лошади побѣжали искать убѣжища отъ дождя. Я тоже бѣгомъ пустился искать мѣста, гдѣ бы укрыться отъ дождя. Нѣкоторые побѣжали подъ скирдъ, но тамъ не такъ удобно, потому что лишь усядешься, а дождь то оттуда, то отсюда бьетъ, а то сразу съ другого бока такъ и обдастъ цѣлыми потоками. Лучшаго мѣста и не было, какъ подъ возами, иначе нагруженными мажарами. Если дождь бьетъ съ

одной стороны, ты спрячешься подъ другую, а если оттуда дождь, то стоять только передвинуться; отъ мажары далеко можно укрыться отъ дождя. Передъ этимъ около мажаръ стояли быки и, теребя колосья, ѣли хлѣбъ и нагадили тутъ же около мажары.

Вотъ рабочіе бѣгали, бѣгали около скирдовъ—тамъ неудобно, и побѣжали сюда, подъ мажары. А дождь льетъ. Остальные также бѣгутъ сюда по грязи и водѣ--шлепъ, шлепъ,—измокшіе, лѣзутъ подъ мажару; ихъ не пускаютъ; подняли крикъ, пошла ругань. А громъ то и-дѣло гремитъ, и молнія просто обжигаетъ, ослѣпляетъ. Рабочіе ругаются. Одинъ ужасъ: страшно грома, но еще страшнѣй, когда при этомъ ругаются, не боятся. Это меня всегда ужасало. Вотъ подъ той же мажарой и я помѣстился, гдѣ быкъ „изверзе свое теплое“, т. е. пометъ. Одинъ рабочій легъ по эту сторону еще теплаго помета, а другой по другую, такъ что между ними образовалось небольшое пространство, промежутокъ съ мягкимъ веществомъ; они его затрусили половой, чтобы не было видно. Вотъ бѣжитъ мимо одинъ рабочій, увидѣлъ незанятое мѣсто на одного человѣка и сейчасъ же со всѣхъ ногъ скорѣе туда—шлепъ!—и вымазался пометомъ. Тутъ надъ нимъ поднялся смѣхъ, несмотря на громъ и молнію, просто всѣ закатились со смѣху. Не выдержалъ и я—засмѣялся. Видя, что обманулся, этотъ рабочій сейчасъ же засталъ опять половой, отбѣжалъ и сталъ ждать, когда кто-либо опять попадетъ на это мѣсто. Увидеть другой незанятое мѣсто, тоже туда, но видя, что попался, тоже приготовить для третьяго, застелетъ половой и отойдетъ. Тутъ поднимался опять общій смѣхъ, и въ особенности смѣялись тѣ, которые были тутъ, въ промежуткѣ. Я и говорю:

— Это такая забавная штука, что всегда и вездѣ можетъ вызвать смѣхъ, и смѣяться сколько угодно!

Дождь льетъ во-всю. А табунъ стоитъ на току и головы опустилъ, опустилъ и мой верховой конь, а вода такъ и льется съ сѣдла.

Наконецъ, пересталъ итти дождь, грома не слышно; пара воловъ, тутъ же лежавшихъ, какъ то свободно вздохнули, какъ будто были рады, что прошла гроза. «Долж-

но быть, и они боятся грозы»—подумалъ я. И табунъ поднялъ головы, весело фыркая, и ожидалъ, что теперь будетъ; вѣроятно, ожидали, что ихъ выпустятъ. Я вылѣзъ изъ-подъ мажары, начали вылѣзать и рабочіе. Прохладно, пріятно такъ послѣ невыносимой жары. Несся запахъ размокшей соломы и зеренъ, тутъ валявшихся, разбукшихъ и обмытыхъ. Далеко къ востоку виднѣлись еще тучки, доносился едва слышно громъ, и сверкала, но какъ-то слабо, молнія и все это было мило и не страшно, какъ было недавно. „Теперь—думалъ я—молнія далеко, оттуда не достанетъ; да и, кромѣ того, она едва свѣтила, а не такъ, какъ до этого: какъ освѣтитъ, даже вилюшки какія-то, зигзаги показывались и такъ долго, что я успѣвалъ «Отче нашъ» прочитать, а вслѣдъ за этимъ раздавался ударъ. Теперь я вылѣзъ и тоже свободно вздохнулъ. Появилась радуга, солнце засвѣтило и бросало свои красные лучи на солому и по всему току; не пекло, а только грѣло. Потянулъ свѣженькій, пріятный вѣтерокъ. Рабочіе повторяли пословицу: „не великъ дождишко, а рабочему человѣку отдышко“.

Я крикнулъ:

— Отворяйте ворота! Пускайте табунъ!

Табунъ весь повернулъ къ воротамъ, ожидая свободы; отворили, и онъ побѣжалъ, весело фыркая.

— А верхового коня возьми ты, Ванька—приказалъ я.—Садись и ѣзжай въ поле, чтобы всѣ ѣхали сюда ворохъ вѣять!

Теперь все промокло; пока высохнетъ, мы ворохъ перевѣемъ, а онъ большой—на него лопатой не векинешь. Немного погодя, пріѣхали полныя народа мажары: татары и русскіе, хлопцы и дѣвки, русачки и хохлушки. Всѣ они слѣзали съ мажаръ, перепокрывались, одежду оправляли.

Въ это время подошелъ Ахметъ и говорить:

— Я тебя все искалъ. Думаю, куда ты спрятался отъ дождя? Я хотѣлъ притти къ тебѣ.

Ахметъ—парень лѣтъ 25, съ едва чернѣющими усиками, съ римскимъ хорошимъ и пріятнымъ лицомъ, похожимъ на лицо Цезаря, съ небольшимъ чуть горбатымъ носомъ, съ немного выдающимися скулами. Вечеромъ

или между дѣломъ онъ всегда ищетъ меня, гдѣ я, чтобы притти ко мнѣ; сядетъ, бывало, около меня или лежитъ на животѣ и рассказываетъ про свои похождения, а ихъ у него было много. Иногда и Бахитъ искалъ меня; приходилъ, подсаживался и тоже, смѣясь, что-либо рассказывалъ. Онъ былъ уже похожъ на греческихъ воеводъ или троянскихъ героевъ, на Одиссея или Аякса; носилъ небольшую черную бородку, окаймлявшую его лицо, едва замѣтную, такъ какъ и бородка черная и самъ онъ былъ черенъ, въ особенности было трудно ее замѣтить вечеромъ. Любилъ онъ рассказывать про чужія похождения.

Немного обстряхло, вода впиталась земель, рабочіе отдохнули, повытянулись, накурились въ затылку и шли, взявъ лопаты, вѣять ворохъ. Вѣянье происходило на-перегонки: человекъ 10 или 12 становились съ одной стороны вороха и столько же съ другой, и кто больше навѣетъ. А иногда скажешь:

— Ну, ребята, если до воскресенья кончите совсѣмъ и перевезете (а иногда, бывало, скажешь дня за 3—4), то въ воскресенье чай и полведра водки получите!

— Ху-гу-гу, ху-гу-гу! Кончишь, того гляди!—отзывались они.

— Что тамъ полведра! По крайней мѣрѣ,—шумитъ Ахметъ,—ведро! И съ нимъ наши ребята постарались бы сразу «бетердекъ» (т. е. прикончить) и «квэкъ»!

Ахметъ любилъ часто произносить это «квэкъ».

— Тогда бы у насъ и въ праздникъ былъ бы просто «квекъ»,—продолжалъ онъ.

Въ этихъ случаяхъ онъ всегда горячо работалъ и, бывало, моргалъ мнѣ.

— Я къ тебѣ въ партію,—говорилъ онъ.—И Андрея тоже нужно сюда, онъ тоже горячъ. Тогда—„квекъ“! А въ партію Тимошки пускай идетъ Кисями. Посмотримъ, что онъ съ нимъ сдѣлаетъ!

И если дѣло слаживалось на могорычъ, то партія дѣлилась на-двое: одна шла ко мнѣ, а другая къ дядѣ или даже къ отцу. И тутъ задоръ входилъ въ правду и въ насъ, и въ рабочихъ—не поддаться!

— Не подгадимъ!—кричалъ Ахметъ.— Не подгадимъ и «квэкъ»!

Это слово вошло у насъ даже въ поговорку. Однажды рабочіе выгнали откуда-то изъ-подъ доски крысу; она побѣжала. Ее кто-то догналъ и бацъ—она покатила замертво.

Тутъ закричали:

— Ага! Задали ей «квэкъ»!

Всѣ разсмѣялись: вспомнили на случай ахметову поговорку.

Имъ жаль было упустить могорычъ.

— Нѣтъ, ужъ если хлопотать,—кричалъ опять Ахметъ,—такъ знать, за что!

Всѣ загалдѣли:

— Могорычъ, могорычъ!

— Ведро и кончено!—кричалъ кто-то. А одинъ, по имени, кажется, Рахимъ, но его больше ковалемъ звали, кричалъ больше всѣхъ:

— Могрычъ, могрычъ, могрычъ!

Дѣло поладили на ведрѣ водки и чаѣ, сколько попьютъ.

— Ну, теперь не ваша печаль,—говорилъ Ахметъ.—Къ празднику кончимъ, лишь «квэкъ» будетъ!

И закипѣла работа: засвистѣли лопаты, взлетало кверху зерно съ половиной, а на землю падали чистыя зерна, полова же далеко отлетала, ложилась хвостомъ и нагорала вся толще и толще, наконецъ, высотой до колѣнъ и длиною сажень 8—10, къ вороху толще, а оттуда на нѣтъ. И ворохъ чистыхъ зеренъ все росъ. Одинъ рабочій, набросивъ башлыкомъ на себя мѣшокъ, сгребалъ съ зеренъ солому, такъ какъ солома тяжелѣе половы и не отвѣвалась, а ложилась тутъ же, и ее нужно было постоянно отгребать; а мѣшкомъ окутывались для того, чтобы немолоченные колосья и устюки не попадали на шею или подъ рубаху, а у татаръ почти всегда бываютъ длинныя прорѣзанныя пазухи, и туда попадаютъ съ колоса устюки и колютъ тѣло, даже натыкаются въ рубашку. Я иногда любилъ упасть на чистый ворохъ и слушать, какъ сверху сыпется чистымъ зерномъ, какъ дождемъ или градомъ. Лежу и прислушиваюсь. Не нравилось мнѣ только, когда зерна попадали въ сапоги—послѣ надо разуваться, иначе больно ходить, такъ какъ подъ пятками чистое зерно.

Однажды, будучи очень маленькимъ, я забѣжалъ на токъ. Вѣяли просо. Я легъ на

ворохъ, а просо попало въ уши. Кто-то и говоритъ: «ну теперь вотъ и вырастетъ въ ухахъ просо». Я такъ былъ напуганъ, что даже уже представлялъ себѣ, какъ оно вырастетъ и будетъ торчать изъ ушей, потомъ появятся колосья, и когда я буду бѣгать то они будутъ трепаться по плечамъ. Я побѣжалъ къ бабушкѣ и рассказалъ ей про свое горе. Она засмѣялась, а я серьезно приготовился слушать, что скажетъ бабушка, просто озаботился. Но бабушка, посмѣявшись, успокоила, говоря:

— Они не вырастутъ Ихъ можно копошкой позыковырять.

А я такъ и думалъ, что скажетъ: «никакъ и ничѣмъ нельзя помочь».

Рабочіе начали вѣять, приговаривая:

— Хоть бы Господь послалъ вѣтерокъ!

А татары по своему зывали къ Богу:

Алла телся! Богъ дастъ вѣтеръ, все кончимъ.

Работа кипѣла. Когда зеренъ достаточно навѣяно, ихъ начинали возить. Рабочіе вѣютъ, а дѣвушки оттягиваютъ полову къ скирду и солому, которую складывали въ кучи. Во время работы рабочіе перенимали другъ у друга бранныя слова, ругательства различныя, и часто въ шутку начиналась ругань, кто изъ нихъ можетъ изящнѣй выругаться и кто для этого имѣетъ больше матеріала. Иногда одну и ту же ругань иной переиначить на разныя манеры, и получалась новая ругань. Когда, бывало, Шаряпъ лысый начиналъ ругаться, то Гришка-квсаль въ это время переставалъ курить, вынималъ „цыгарку“ изо рта и весь превращался въ слухъ и испытывалъ необыкновенную радость, щеки и глаза горѣли. Онъ особенно былъ искусенъ переиначивать ругательства и, кромѣ того, имѣлъ большой складъ различныхъ бранныхъ словъ. Дѣвки отвозили полову. Одна изъ нихъ, хохлушка, была рослая, бравая дѣвка, даже, можно сказать, красавица, со всѣми качествами: лицо бѣлое, брови черныя, ходила прямо, груди такъ и торчали впередъ, монисты въ нѣсколько рядовъ вокругъ шеи, юбочка почти до колѣнъ, ноги толстыя, и какъ то она ими не сразу наступала—это ей придавало величавость, и какъ то особенно глядѣла: ежели на кого въ сторону, то лица не поварачива-

ла, а лишь одни глаза; много не смѣялась и не любила шутокъ рабочихъ, все какъ-будто про себя что думаетъ; и туда глянетъ, и сюда. Однимъ словомъ, красавица, но рѣдкая красавица. Ежели нужно художнику рисовать или ваять какую-либо бѣгиню, то онъ долженъ срисовать эту Настю (такъ ее звали) и внизу подписать: Діана,—и достаточно, Эта Настя тягала полову движкой, которая была устроена такъ: березовый дрючекъ привязанъ бичевой за концы, а другіе концы бичевы прикрѣплены къ ярму воловъ, а отъ ярма идетъ опять веревка, чтобы держаться за нее. И вотъ одна дѣвка водить воловъ, а другая, взявъ эготъ дрючекъ, поднимаетъ его чрезъ копну половы или соломы и опускаетъ; потомъ, ставъ на дрючекъ, кричитъ: „гей!“ и та тронетъ быковъ; дрючекъ такимъ образомъ сдвигаетъ, стаскиваетъ кучу съ мѣста и тянетъ далѣе. Настя всегда дѣйствовала этимъ дрючкомъ, такъ какъ она была сильнѣе другихъ; а дрючекъ тяжелъ, такъ что инья дѣвки и не въ состояніи перекинуть его чрезъ копну. Вотъ эта Настя жила „въ самый дурной вѣкъ“, какъ говорила одна старуха.

— Какой теперь вѣкъ!—восхищалась она. —Хорошій, и люди стали благородны! А когда я была молодая, то, бывало, всякъ тебя щипнетъ или толкнетъ.

Такъ и Настя: лишь подходила сюда зацѣпить копну, тутъ ктонибудь спѣшилъ ей помочь, чтобы въ это же время ущипнуть ее. То-и-дѣло слышались ея незлобивые выкрики:

— Геть, бисова душа!

Отправится туда, на другую сторону, и оттуда неслось:

— Геть къ бисовому батьксви! Ны чипайся!

Я былъ похожъ на мальчика, который воспитывался въ монастырѣ и не видалъ женщинъ. Поѣхалъ однажды монахъ въ городъ за покупками и взялъ этого мальчика съ собой. Мальчикъ увидалъ въ городѣ хорошую наряженную женщину и спрашиваетъ:

— Отець, это что такое?

— Это—воплощенный бѣсъ,—отвѣчаетъ монахъ. Потомъ, когда пріѣхали въ монастырь, его окружили монахи и спрашиваютъ:

— Что тебѣ въ городѣ болѣе всего понравилось?

— Мнѣ болѣе всего понравился воплощенный бѣсъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

Природа беретъ свое. Такъ и я думалъ: „ежели бы я былъ Настѣ ровня, то я ее взялъ бы замужъ“. Когда она улыбалась, то на щекахъ образовывались ямочки и нижняя губка немного отвисала, что придавало ей еще большую прелесть. И ее далеко бывало видно: идетъ стройно, бѣлѣя ногами. Лучшей кр. соты, кажется, самъ нѣмецъ не выдумаетъ.

Черезъ эту Настю разъ Ахметъ попалъ въ большой скандалъ. Однажды пріѣхали стрижаки овецъ стричь, расположились за сараемъ подводъ 60, человекъ 80 мужчинъ и женщинъ и образовался цѣлый лагерь; пошла сейчасъ же пляска, раздались звуки дудочекъ, бубна, скрипокъ, послышался и крикъ дѣтей, для которыхъ тамъ же подъ возами устроили люльки; задымались котлы. Къ этому лагерю стекались всѣ наши и татары, начиналась борьба татаръ съ хохлами, которые тоже были ловки. Иногда сердце брало верхъ, и тогда начиналась общая драка татаръ съ хохлами. И вотъ во время такой драки влетѣлъ туда и Бахитъ и сталъ тоже пощелкивать, да такъ, что тѣ, которыхъ онъ билъ, становились кверху ногами. Кто-то попалъ Бахита по носу, не очень больно, но кровь полилась; онъ вышелъ изъ свалки и сѣлъ, досадуя, что кровь идетъ.

— Ты что, Бахитъ?—спросилъ кто-то.

— Да вотъ досада—кровь идетъ! Люди дерутся, а мнѣ нельзя!

Всѣ потомъ надъ нимъ смѣялись: вотъ, дескать, Бахиту несчастіе—вволю подраться не пришлось! Самъ онъ послѣ этого очень досадовалъ.

— Досадно! — говорилъ онъ. — Кровь идетъ да идетъ, а вѣдь онъ чуть меня задѣлъ по носу. Какъ же! Люди дерутся, а мнѣ нельзя. Такая была досада!

Подрядчиками стрижаковъ были Феодоръ и Никифоръ Щербаки. Они теперь купили за Кубанью земли, живутъ, какъ настоящіе помѣщики. Они и сами стригли и слыли у насъ первыми стрижаками.

Прибѣжали подрядчики и хозяева и уняли драку. Въ числѣ стрижаковъ пріѣхалъ и

братъ Насти, бывший солдатъ, кажется, еще николаевскій, сердитый съ торчащими усами; тогда ихъ звали „крупя сердитая“. Ахметъ похвалился: дескать, на что Настя, но и та его любитъ. Донесли объ этомъ Настѣ; она расплакалась не на шутку и пошла жаловаться брату. Сейчасъ дознаніе: кто говорилъ, кто слышалъ; нашлись свидѣтели. Ахметъ струсилъ и предположилъ, что пропалъ. Задаль пиръ на прощанье, чаемъ и водкой поилъ и хохловъ-стрижаковъ и кого пспало. Даже сталъ похожъ на помѣшаннаго: свернетъ „цыгарку“ и отдастъ одному, потомъ опять свернетъ и отдастъ другому, третьему, и то-и-дѣло свертывалъ и отдавалъ; потомъ даже и плакалъ при всѣхъ, потому что ему сказали:

— За дѣвокъ у насъ строго! А ты безчестилъ—она невѣста!

Приходили къ нему хохлы, тоже смотрѣли, а онъ угощалъ ихъ табакомъ и водкой.

— Якій человекъ гарный!—говорили они. —А, бачъ, напасть на ёго!

Потсмъ, уходя, говорили: «Николай Васильевичъ (такъ называли они Ахмета по-русски) человекъ хорошій», и уже начали поговаривать о томъ, чтобы это дѣло уладить. А Ахметъ уже дѣлалъ приказанья, какъ поступить, когда его въ тюрьму отправятъ. Онъ даже говорилъ мнѣ:

— Должно, мнѣ конецъ, „квѣкъ“!

Потомъ его надоумили помириться, и примиреніе состоялось.

Онъ радъ, а хохлы говорили:

— Николая Васильевича простили, и братъ Насти согласился не искать.

Да, на току навѣяли порядочно и начали возить. Тоже двѣ брички, двѣ партіи наперегонки сильно гоняли лошадей, что есть духу отъ тѣка до амбара; мѣшки накладывали и швыркомъ высыпали; по нѣсколько мѣшковъ накладывали на одного человека, и онъ тащилъ: лишь бы скорѣе! А Сяйпушка, прозванный „вертохвостомъ“ за свою торопливость, особенно отличался. бралъ по мѣшку на плечи, а третій въ зубы и несъ. Разъ—за споромъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и пошелъ въ хозяйскія комнаты; тамъ и я сидѣлъ; онъ отворилъ дверь, вошелъ съ мѣшкомъ въ зу-

бахъ, потомъ повернулся и вышелъ. Недавно я его видѣлъ въ Крѣпкой, служилъ тамъ сторожемъ,—почти дряхлый старикъ. Я ему напомнилъ о прошломъ:

— Вѣдь ты, Сяйпу, молодымъ былъ, сильнымъ былъ.

Онъ началъ рассказывать про свою ухватку и какъ-будто опять помолодѣлъ.

Да, партіи возятъ и оттуда захватываютъ арбузы—они тамъ лежатъ въ сараѣ вольно, ихъ много; привезутъ сюда на токъ и скорѣе разобьютъ объ колѣно или кулаккомъ, порасхватаютъ части и ѣдятъ. Тутъ же и дѣвки, стоя группой,—у нихъ тоже своя компанія, мѣшки насыпали, готовили возчикамъ,—рѣзали арбузы ножомъ и ѣли болѣе деликатно, нежели рабочіе, которые не ѣли, а просто хамали, кусками глотали, лишь бы скорѣе перекусить и за работу приняться. И всегда кто-нибудь найдетъ, чѣмъ подшутить, и если грубо, то все у нихъ сходило—хорошо. Напримѣръ: Садекъ, парень здоровый, плечистый, лѣтъ около 23-хъ, наблюдалъ очень чистоту—всегда, послѣ ѣды арбуза, любилъ тщательно обтереть губы и щеки и даже лобъ, и продѣлывалъ это такъ: повернется къ дѣвкамъ передомъ, подниметъ рубашку и начнетъ рубашкой обтираться, а у штановъ ширинка широкая разойдется, и все просвѣчивается на свѣтъ бѣлый; дѣвки глянутъ, отвернутся и начнутъ его ругать:

— Нехристь ты, татарская лопатка!...

А сами закатываются со смѣху. Потомъ опять глянуть въ его сторону, думаютъ, что представленіе уже кончилось и ширма закрылась, а можетъ быть, желаютъ еще посмотрѣть. Глядь—а она такъ же, какъ и была. А Садекъ старательно утирается, такая на него опрятность напала, все третъ себѣ щеки и не улыбнется. А тутъ всѣхъ смѣхъ разбираетъ. Животъ у него черный, волосами покрытый. Дѣвки опять глянуть и опять увидятъ ту же картину, послышится опять брань:

— Вотъ нехристь! Татарская лопатка!

А онъ даже будто не понимаетъ, о чемъ говорятъ и за что его ругаютъ.

Когда былъ навѣянъ ворохъ чистаго зерна, Шаряпъ лысый повелъ за налыгачъ воловъ мимо этого вороха. Быки въ такой мо-

ментъ всегда вырвутся, чтобы набрать полонъ ротъ зеренъ, и ихъ трудно бываетъ оттянуть, непременно свое сдѣлаютъ. Лишь только Шаряпъ лысый съ быками поровнялся съ ворохомъ, они какъ дернутъ, и его назадъ чуть не свалили, и засунули свои морды по самые глаза въ ворохъ. Онъ какъ повернется, разсердится и давай ихъ отгонять съ ругательствами.

— Геть, бисова душа! Геть къ бисовому батькови! Отчепись!...

Они не бросаютъ, все также полонъ ротъ, ѣдятъ, хватаютъ зерно. Онъ забѣжалъ сбоку, ударилъ сапогомъ одного быка по животу и крикнулъ:

— Нехристь, татарская лопатка! Вотъ какой! Хуже татарина!...

Я просто со смѣху не отдохну. Дѣвки и Настя ихъ, татаръ, ругаютъ, а онъ этимъ же быка ругаетъ. Даже, спустя долгое время послѣ этого, какъ вспомню, что онъ быка изругалъ „нехристью“, такъ и закачусь со смѣху. Думаю: всѣ ругательства дѣвичьи собралъ; самъ татаринъ, а ругаетъ „нехристью“ быка. Мнѣ это такъ чудно, что такъ вотъ и катался бы со смѣху.

Кончивши молотъбу, мы всѣ переѣхали въ главную экономію. Работа дѣвкамъ бывала вѣчная: ежели не на току, то въ саду. Вспомнилъ о дѣвкахъ, вспомнилъ опять и о Настѣ. Какія у нея были пріемы, манеры, какія-то особенныя, отличныя отъ манеръ другихъ дѣвокъ! Бывало, скажу ей:

— Настя, ступай, пригони быковъ и запрягай въ мажары: поѣдемъ на баштаны за арбузами.

Она выслушаетъ какъ-то мило, глянетъ, потомъ подумаетъ, и потомъ какъ-будто сама придетъ къ заключенію, что это такъ должно, такъ надо это сдѣлать; подумавъ съ минутой, глянетъ прямо въ глаза, вдругъ повернется и зашагаетъ, и толстыя бѣлыя боссыя ноги такъ и засверкаютъ все далѣе и далѣе и, наконецъ, далеко, чуть видно. И думаю: „вѣдь бываетъ вездѣ исключеніе—въ сору заблеститъ брилліантъ“. И хотя тогда я самъ дѣлалъ все по приказанію, но тутъ я самъ распоряжался, потому что, хотя я и мальчикъ, но все зналъ, что дѣлать: и вставалъ

самъ и рабочихъ будиль, сдѣлался очень заботливымъ. Отецъ въ это время былъ на должности (онъ былъ головой), а дяди не было: онъ тоже жилъ на участкѣ.

Вы знаете, милый читатель, что испытываешь, когда пишешь о прошломъ? Это прошлое съ новой силой воскресаетъ въ памяти, и его опять съ такой горечью переживаешь и пожалѣешь о немъ, что оно случилось не такъ, какъ должно было бы случиться, и вышло чрезвычайно печальнымъ. А вѣдь все могло бы произойти иначе, по иному.... Вѣдь давно это прошло, а у меня при писаніи голова разбалчивалась — нельзя было писать. Я хотѣлъ оставить.... И расплакался, какъ о прошломъ больномъ и обидномъ случаѣ. Почему это? Потому, что и тогда я чувствовалъ и теперь, тогда переживалъ и теперь снова переживаю. Жаль, что оно не такъ было, какъ слѣдуетъ. А нѣкоторые случаи такъ просты, но ихъ опять бы пережилъ: тогда они были такъ себѣ, незамѣтны, а теперь эти простые случаи жизни—хорошее прошлое, веселое. Съ удовольствіемъ, на примѣръ, я теперь прибѣжалъ бы на токъ, гдѣ вѣяли и насыпали въ мѣшки зерна, и съ удовольствіемъ бы крикнулъ, да какъ крикнулъ бы, во всю мочь, во все горло: „бисъ, бисъ, бисъ!“ и повторялъ бы, и повторялъ бы... И вотъ является Настя въ бѣленькомъ чистенькомъ нарядѣ, важно ступая хорошими ножками, несетъ въ рукахъ движку, березовый дрючекъ, въ хорошихъ полныхъ бѣлыхъ рукахъ. Къ ней бросаются помогать и въ это же время щипаютъ ее за бокъ. И опять слышится незлобный приятный голосъ Насти: „не чипайся (т. е. не привязывайся)!“ И теперь я ужъ не такъ отношусь къ этому, какъ тогда. Теперь я просто во всякую мелочь вливаюсь, жадно, влюбленно отдаюсь весь созерцанію моего прошлаго, не другого кого, а своего прошлаго. Теперь оно мнѣ мило, все мило, все, все... И вотъ вслѣдъ за Настей Шаряпъ ведетъ воловъ около вороха чистыхъ зеренъ и о чемъ-то задумался. Быки рванулись, кинулись, чуть Шаряпа навзничь не опрокинули, а сами засунули по глаза свои тупыя морды въ ворохъ. Тогда мнѣ было, можетъ быть, досадно за это, за то, что упустилъ быковъ.

И развѣ онъ не знаетъ свойство быковъ? Вѣдь это не разъ случалось. Надо дальше вести. А то вотъ быки виноваты! Они всегда таковы, хоть цѣлый вѣкъ ихъ ругай, а лучше дальше обходи и тогда минуешь это. Да, тогда... Тогда можно было обидѣться если не мнѣ, то другому, болѣе придиричвому, на моемъ мѣстѣ. А теперь я смотрю на все это, и оно мнѣ мило, очень мило, какъ это быки хватаютъ полонъ ротъ зерна, и мнѣ это приятно, очень приятно. Начинаетъ ихъ Шаряпъ лысый ругать такъ, что лысина его показываетъ всѣ цвѣта радуги: и красный, и синій, и полукрасный. И мнѣ это приятно, потому что это повторяется прошлое. Я даже боюсь: можетъ быть, онъ не всѣ свои ругательства выскажетъ, какъ тогда онъ высказывалъ. И „геть, не чипайся!“ И если бы въ это время кто-нибудь тянулъ бы, рвалъ бы меня, говоря: «что ты такъ заслушался Шаряпа? Пойдемъ въ рощу слушать соловья!»—я толкнулъ бы его съ презрѣніемъ и сказалъ бы: „не мѣшай мнѣ и Шаряпу, а то онъ какую-нибудь мелочь пропуститъ, не повторитъ!“ А теперь мнѣ всякая мелочь приятна, и ежели онъ ее пропуститъ, не повторитъ, я ее припомню. И я не прибавляю, если говорю, что въ это время ежели бы кто-нибудь меня оттащивалъ отъ этихъ видѣній для лучшаго, на примѣръ: въ зеленую рощу слушать соловья,—то я не пошелъ бы. Почему? Потому что мнѣ прошлое милѣе всякаго соловья, и это мнѣ хочется доказать, выяснить примѣрами, какъ это приятно посмотреть на прошлое. И это мнѣ хочется доказать тебѣ, любезный читатель! Вотъ показалась кучка насыпанныхъ мѣшковъ и вокругъ дѣвки, а за ними рабочіе, и кто-же?—Ахметъ, Рахимъ, Андрей, Бахитъ и даже Гладкій (хлопецъ). Они вѣютъ хлѣбъ, все кверху, все кверху кидаютъ, а ворохъ чистой пшеницы растетъ и растетъ. И вдругъ хлопецъ положилъ лопатку, сталъ тереть глаза и заплакалъ, сначала тихо, а потомъ все громче и громче; потомъ вдругъ началъ смѣяться и тоже сначала тихо, а потомъ все громче и громче. Всѣ перестаютъ вѣять и начинаютъ хохотать надъ нимъ. Знаешь-ли, милый читатель, что, описывая подобные случаи, я причинилъ себѣ безпокойство, просто заскучалъ по нихъ. Пишу объ

этомъ, и у меня такое страстное желаніе видѣть ихъ всѣхъ! Мнѣ больно, очень больно, я себѣ все это напомнилъ и мнѣ жаль этого царства старыхъ и взрослыхъ дѣтей. И какъ ихъ не назвать дѣтьми! Нашли шутку дѣтскую, и всѣмъ чудно, и никто не упрекаетъ, что это нехорошо, а, наоборотъ, удивляются, какъ это могло быть изобрѣтено ихъ небольшимъ умомъ. Это даже высоко! Да, видѣнія продолжаютъ. Стоять мѣшки съ зерномъ, около нихъ дѣвки завязываютъ ихъ. Вотъ показался между рабочими рослый смугловатый Садекъ, явился, сталъ и не повторяетъ прежняго. Я подбѣгаю къ нему: «что же ты остановился, не повторяешь?»—„Арбуза нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ съ грустью.—Я не ѣлъ арбуза“. И мнѣ не къ чему придратъся, и я остановился; потомъ бросился умолять, чтобы видѣніе не исчезало. «Мнѣ приятно смотрѣть на всѣхъ васъ, какъ на давно жданныхъ дорогихъ гостей». И бѣгу самъ, самъ бѣгу разыскивать арбузъ. Всѣ сараи обѣгалъ—не нахожу. И боюсь, чтобы видѣнія не исчезли. Наконецъ, припомнилъ, что подъ замкомъ всегда хранятся арбузы. Отбиваю замокъ, бѣгу на горище (чердакъ), нахожу тамъ два арбуза; взявъ ихъ, я бѣгу, бѣгу скорѣе и одинъ даю дѣвкамъ, а другой Садеку. Дѣвки положили на мѣшки арбузъ, разрѣзали его и ѣдятъ, а я всѣхъ ихъ угадалъ. Онѣ—дѣвки, какъ были, и я—мальчикъ, какъ былъ; онѣ—дѣвки, но не бабки и не бабушки, хотя около сорока лѣтъ прошло съ того времени. И Садекъ разбилъ свой арбузъ, смотритъ на дѣвокъ, улыбается и ѣстъ его; потомъ поворачивается къ нимъ передомъ, беретъ подолъ рубашки и начинаетъ утираться имъ. Дѣвки отворачиваются, смѣются, онѣ не обижаются за это, такъ какъ понимаютъ, что это дѣлается для нихъ, чтобы развеселить ихъ; но изъ приличія ругаютъ Садека: «нехристь, татарская лопатка!» Это его не тревожитъ, такъ какъ онъ увѣренъ, что татаринъ лучше крещенаго; и онъ даже удивляется, какъ это могло случиться; вѣдь по его мнѣнію, лучше татаръ нѣтъ народа въ цѣломъ свѣтѣ, и онъ самъ татаринъ, слѣдовательно, самый лучший изъ людей, и это считаетъ за особенное благоволеніе къ нему неба и даже благодаритъ Аллаха за то, что

онъ не русскій или не хохоль—тогда онъ чувствовалъ бы себя хуже, такъ какъ они хуже татаръ, они не магометане; да онъ и не вникаетъ даже въ слово „нехристь“ и не знаетъ, что оно не относится къ его невѣрію; а онъ считаетъ это легонькимъ дѣвичьимъ ругательствомъ и кончено. Да, Садекъ утирается, дѣвки смѣются, называютъ его «нехристомъ»; онъ на это не обижается. Наконецъ теперь я жадно вглядываюсь въ дѣвокъ, что съ ними происходитъ. Тогда я этимъ не интересовался, а теперь желаю знать, почему дѣвки оглядываются на Садека. Нѣкоторыя дѣйствительно думаютъ, что Садекъ кончилъ вытираться и ушелъ; но другія глядѣли затѣмъ, чтобы увидать мужчину, какъ онъ есть, и только для приличія отворачиваются, но какъ-то у нихъ не выходило хорошо: прежде поворачиваютъ туловище, а потомъ лицо. Еще спрашиваетъ распорядитель видѣній: „не хочешь ли ты повторить, какъ ты, обиженный, отвергнутый близкими, уѣхалъ въ поле и вѣчно не желалъ бы возвратиться и вѣчно не желалъ бы видѣть отца и дядю?“ Я отвѣчаю: „Боже, сохрани меня! Воспоминанія приносятъ боль и слезы. Не надо видѣть, не надо!“—„Ну, не желаешь-ли посмотрѣть, какъ Ахметъ, Николай Васильевичъ, въ бѣду попалъ?“—„И этого не желаю. Что любопытнаго видѣть, какъ человѣкъ переживалъ горе и выдерживалъ и даже плакалъ! Я желалъ бы видѣть то, что никому тогда не было обидно и отчего никто тогда не страдалъ. И я болѣе желалъ бы ихъ видѣть; они мнѣ будутъ рады, а я имъ“. Писалъ я, и сердце заболѣло: я ихъ какъ будто дѣйствительно видѣлъ, а теперь ихъ нѣтъ, и все затихло—и смѣхъ рабочихъ, и смѣхъ дѣвокъ замеръ навсегда. Когда я писалъ, то слышалъ даже звуки ихъ голоса; а теперь звуки все удаляются и удаляются и, наконецъ, стали чуть-чуть слышны и... совсѣмъ исчезли...., и мнѣ жаль этого и больно.

30 января.

4 часа утра. До свѣта еще далеко. Я всталъ давно; сидѣлъ, сидѣлъ, думалъ; потомъ ходилъ по комнатѣ. А душа болитъ отъ вчерашнихъ воспоминаній о прошломъ. Нужно сказать, что я и теперь рабочими любимъ;

скандалы съ ними бывають рѣдко. Развѣ часто попадаются исключительныя личности, которыя готовы непремѣнно со всѣми пошутить? Одинъ рабочій, разсчитавшись, сказалъ мнѣ:

— Ну, я такихъ хозяевъ и не видалъ! Вы не то что съ каждымъ разговариваете, но даже можете и съ маленькимъ говорить. Это меня удивило!

Да, даже мальчики и дѣвки смѣло говорятъ мнѣ это, даже шутятъ. А чуть, на досугахъ, сядешь, сейчасъ же подходятъ всѣ, начинается общій разговоръ, общій смѣхъ. Распоряжался я всегда заранѣе и сейчасъ такъ дѣлаю: вѣять такихъ-то и такихъ-то, а такой-то старичекъ пусть стряхиваетъ солому съ вороха; а такого-то — онъ полѣнивѣй другихъ, навѣтъ мало—его на другую сторону стряхивать; самовѣйку пускай крутитъ Ванька— онъ парень моторный; а Степку крутить никогда не становите— онъ не поворотливъ, самовѣйка лишь будетъ гулять, а около нея и люди, а заставить его отгребать— онъ хотя и шалунъ, но тамъ ему гулять нельзя (такъ какъ изъ самовѣйки постоянно сыпется зерно, и нужно его отгребать,— лишняго нельзя допускать); Аришка, дѣвка небольшая, не сильная, пускай держитъ мѣшки, а Настя пускай насыпаетъ— она сильнѣй и не загуляетъ; Марфутку и Маришку— онъ дѣвки, —здоровы посмѣются— ихъ заставить сыпать на самовѣйку (онѣ поневолѣ сдѣлаются тамъ проворнѣй, такъ какъ надо постоянно сыпать зерно, иначе самовѣйка опорожнится и начнетъ сильно стучать, и объ этомъ всѣ узнають, узнають, что онѣ не успѣвають, и имъ будетъ передъ всѣми неловко; онѣ поторопятся непремѣнно, чтобы самовѣйка не гуляла); а Зарина, старичка, заставить воловъ пасти— онъ работать хотя работаетъ, но— старичекъ и спать поэтому не очень любитъ, онъ не проспится (и дѣйствительно: онъ всегда во-время пригонитъ воловъ, хоть въ 2 часа ночи или въ полночь; онъ исполняетъ аккуратно; бывало, пригонитъ воловъ въ назначенный часъ; иду я; еще темно. «Это кто такъ рано?»— «Это я! Заринъ, воловикъ!»— и улыбается: радъ, что хозяинъ его увидалъ и что онъ исполнилъ приказаніе въ точности). При такой разстановкѣ всѣ дѣлаются хоро-

шими и не боятся хозяина. Имъ всѣмъ пріятно такое отношеніе. Приду я и начинаю подшучивать:

— Ну, Степка, ты отдохни, а то все отгребашь и отгребашь.

— Да,—отвѣчаетъ онъ,—попробуй, отдохни, такъ тутъ насыпится куча, и тогда хуже!

Подхожу къ Маришкѣ и Марфуткѣ, которыя полѣнивѣе и сыпятъ зерно въ самовѣйку. Ударивъ ладонью по плечу, скажу:

— Не торопись, Маришка, дѣлай не спѣша.

— Да,—расхотавшись, говоритъ она: рада бы не торопиться, да требуется торопиться.

Подхожу къ Албуту, который стряхиваетъ солому; тоже граблями работаетъ проворно, чтобы успѣть стряхнуть ее, иначе ее закидаетъ зернами; и его тогда я хотѣлъ перевести на болѣе тяжелую работу, вѣять, но онъ спѣшитъ.

Потомъ, лишь наступитъ вечеръ, работу пошабашають (окончатъ); прохладой дохнетъ всякій разъ, и слышится кое-гдѣ: „слава Богу, вечеръ“, и отъ татаръ: „Аллага шекиръ, Аллага шекиръ“. Я сяду въ солому. Всѣ подходятъ ко мнѣ, даже Степка и Егорка, прозванный лѣнтяемъ; иногда онъ даже любилъ подшутить надъ собой.

— Ну и лѣнивъ я! Просто ничего не хочется дѣлать. И на что меня мать такого лѣниваго родила!

И засмѣется. Тутъ и всѣ размѣются надъ тѣмъ, что онъ расшутился надъ собой. Усядутся всѣ, и начинается разговоръ; кто что говоритъ; и не стѣсняются моего присутствія. Потомъ говорятъ, что они работали, какъ слѣдуетъ, хозяинъ ихъ не ругалъ, никого не ругалъ, что всѣ они хорошіе работники, даже Степка, Албутъ и Егорка. Последній работалъ на скирдѣ, клалъ полову, а другіе ему подкидывали на скирдѣ; онъ ее расправлялъ, торопился; иначе его закидали бы, завалили. А кидать на скирдѣ его нельзя заставить: онъ таки, правда, лѣнивъ—кинетъ разъ и пойдетъ разводить басни, даже другимъ мѣшаетъ работать. Вотъ вечеромъ онъ подошелъ ко мнѣ, дрѣпнулся (упалъ) почти около меня, хозяина, показывая тѣмъ, что онъ ничуть не боится меня, такъ какъ

исполнял свою обязанность аккуратно, выговора не было, и онъ тоже сдѣлался хорошимъ работникомъ. Кто что начинаетъ рассказывать, одинъ другого перебиваютъ наперерывъ. И всѣ они мнѣ милы, всѣхъ люблю. Проходятъ мимо дѣвки и съ ними Маришка — лѣнивая; она тоже въ хорошихъ была; останавливается около меня. Я говорю ей:

— Ну, чего, Маришка, остановилась? Проваливай дальше!

Она расхохоталась: рада, что ей я сказалъ „проваливай!“ Подходятъ другія дѣвки и тутъ же садятся въ свой кружокъ. Тутъ Егорка будто разсердился, не выдержалъ, вскочилъ.

Ахъ вы, босая команда! — кричитъ на дѣвокъ.—Еще не слушаютъ! Я вамъ дамъ, я васъ проучу! весь бабій полкъ!

Схватилъ Маришку и тутъ же съ ней упалъ въ солому и ну мять; она вырывается, задѣваетъ локтемъ меня, какъ-будто по неосторожности и ругается:

— У-у, Ягорка, съ ума, что-ли, рухнулъ? Родимецъ тебя заколотит!

Потомъ вырвалась, споткнулась будто серьезно, упала мнѣ на колѣни и удивляется, какъ это она упала; хохочетъ и умираетъ со смѣху.

— Какъ это я, дѣвушки, упала!—кричитъ.—Посмотрите, дѣвушки, какъ упала!

Я ее сталкиваю, а она еще пуще смѣется и не торопится подыматься. Я ущипнулъ ее за бокъ, она завизжала. Тутъ не выдержали дѣвки, будто обидѣлись, и набросились на меня. Ребята видятъ, что на ихъ хозяина набросились дѣвки, и кидаются меня защищать. Потомъ всѣ успокаивались, и начинался разговоръ. Начиналъ обыкновенно Егорка Лѣнивый.

— Сегодня хорошо работали и много перевѣяли. Вѣдь весь денечекъ вѣтерокъ хорошій дулъ. А половы то сколько! Цѣлая гибель! А вѣдь, братцы, вся черезъ мои руки перешла, я всю переворочалъ. А говорятъ, я лѣнивъ! Пушай-ка, пушай ретивый столько сдѣлаетъ! Быкъ столько не переворочаетъ, левъ столько не сработаетъ.

Тутъ подходилъ Ахметъ съ „цыгаркой“ во рту. Когда онъ говорилъ, то затягивался дымомъ табачнымъ и смѣялся. Говорилъ боль-

ше о своихъ приключеніяхъ.

— Я, значитъ, прошлый годъ,—начиналъ онъ свой рассказъ,—какъ отъ васъ разсчитался,—при этомъ Ахметъ затянулся дымомъ, потомъ плюнулъ, засмѣялся и продолжалъ дальше:—и пошелъ, и куда, братцы, мои, попалъ!—и опять затянулся дымомъ, потомъ сдулъ съ «цыгарки» пепелъ и плюнулъ.—И куда попалъ, братцы мои! Въ циркъ нанялся, въ наѣзники. Насъ разъ нарядили, выгнали на представленіе....—и Ахметъ опять затянулся табакомъ, плюнулъ и засмѣялся.—Да, выгнали. Надѣли намъ рога, а сзади хвостъ прицѣпили, ну прямо настоящей хвостъ,—и опять разсмѣялся, затянулся дымомъ, плюнулъ, сдулъ съ «цыгарки» пепелъ.—Ну, мы настоящіе дьяволы, ну прямо я какъ гляну на себя....—и опять затянулся дымомъ, потомъ выдулъ его изо рта.—Да, я какъ гляну на себя, ну, просто дьяволъ!—и засмѣялся.—Тамъ былъ такой кругъ, какъ нашъ токъ, а внизу, значитъ, насыпанъ песокъ, опилки. Ну, на полу, значитъ, кой-что постлано, лишь бы мягко. А на меня надѣли такую рубашку, какъ тѣло, ну прямо, какъ голышомъ! Да, потомъ туда привели немного обученнаго коня. Конь скачетъ кругомъ, а на немъ нужно стоять ногами. Кхи-хи-хи, кхи-кхи!—закашлялся нашъ рассказчикъ.—Да, вотъ станешь ногами и стоя пошелъ кругомъ; конь бѣжитъ, а ты стоишь. А самъ хозяинъ стоитъ посерединѣ съ длиннымъ кнутомъ и все—хлопъ! хлопъ! «Алѣмъ, алѣмъ!» (allons, allons)—кричитъ, онъ нѣмецъ былъ. Я три мѣсяца прослужилъ тамъ. А за что разсчитался? Разъ конь не такъ хорошо бѣгалъ—я падалъ. Хозяинъ кое-когда кнутомъ потягивалъ по спинѣ. А разъ я упалъ...—опять затянулся онъ, потомъ выдулъ дымъ, сдулъ съ «цыгарки» пепелъ, плюнулъ сквозь зубы—цвиркъ!—разсмѣялся: кхи кхи-хи-хи! и продолжалъ.—Вотъ и кричитъ мнѣ: „садись скорѣй!“ Я вскочилъ. На мнѣ рубашка тонкая, вязаная, какъ тѣло, обтянута. Онъ какъ коня хлопнетъ кнутомъ! Я кругомъ обскакалъ и съ нимъ поравнялся, а онъ меня по голому тѣлу какъ опояшетъ! Ажъ со мною грѣхъ случился.... такъ. братцы мои, больно, прямо....

Всѣ разсмѣялись.

— Я тутъ хотѣлъ хозяина кулакомъ за-

катить, подрасться: осердился—страсть какъ! Говорю: «давай расчесть!» и ушелъ. Говорю: «пойду къ Мазаеву—тамъ лучше!» И пришелъ. Смотрю: тутъ старыхъ рабочихъ много: знакомыхъ, значитъ: Егорка, Семень Курганскій, Садекъ, Шаряпъ. Я какъ домой пришелъ, радъ. Говорю: „тутъ лучше будетъ. Будь онъ проклятъ, этотъ циркъ!“

Былъ здѣсь и Рахимъ—коваль. Его прозвали такъ вотъ почему: пришла однажды партія татаръ наниматься; всѣхъ наняли, а его не хотѣли, такъ какъ онъ былъ не мудрячій. Отказали ему. Онъ потомъ и говорить:

— Почему меня не нанимаютъ? Я вѣдь коваль, да еще какой коваль! Въ цѣлой имперіи нѣтъ такого коваля!

Его и наняли какъ коваля, и послали въ кузницу. Онъ возьметъ желѣзо щипцами, а не клещами, ударить по немъ, а оно выше его головы вылетитъ. Онъ опять возьметъ, и опять та же исторія. Пришли на грѣхъ посмотрѣть, что онъ за коваль, а съ нимъ вотъ какая штука творилась. Ему хозева и говорятъ:

— Да ты, Рахимъ, должно быть, ковать не умѣешь?

— Конечно, не умѣю,—отвѣчаетъ онъ.

— А зачѣмъ же ты нанимался въ ковали?

— А что же дѣлать, когда въ рабочіе не нанимаютъ!

Потомъ уже жилъ въ рабочихъ, и его такъ и прозвали «Ковалемъ».

Я опять увлекся писаніемъ все далѣе и далѣе отъ того предмета, о которомъ хотѣлъ рассказать, и совсѣмъ почти отвлекся, да и писать надоѣло—уморился. А любопытства много для того, кто усталъ читать романы про графовъ, князей, этикетъ, сдержанность, балы и маскарады. А это — балъ простого народа, и подноготность, и простота, какъ она есть. Развѣ я виноватъ, что пишу и не обхожу многихъ мѣстъ? Можетъ быть, тебя, читатель, морщитъ отъ этого? А ежели ты вникнешь въ исторію правды и во всей ея наготѣ пожелаешь узнать ее, то тогда признаешь, что это такъ, и такъ ее слѣдуетъ писать, не обходить; а кому не нравится, пусть не нра-

вится, и обвинять обожди, потому что я пишу, какъ оно есть. А кого отъ этого морщитъ—пусть не читаетъ.

Теперь начну рассказывать, что обѣщаль: какъ Бахитъ меня отъ горя избавилъ, и еще другой случай: какъ Бахитъ былъ началомъ или ключомъ моихъ скорбей. А о сверхъестественномъ рѣчь будетъ впереди.

И вотъ, когда я ѣздилъ кругомъ вороха, гоняя лошадей, а дядя стоялъ съ кнутомъ на ворохѣ и поджидалъ Бахита, и лошади возвращались, отставая,—я далъ себѣ слово непременно справить хорошій арапникъ, кнутъ; иначе горе—лошади то-и-дѣло возвращаются, избаловались. Окончивъ молотъбу, мы возвратились въ экономію. Какъ-то зимой я полѣзъ на грище (чердакъ), въ сѣняхъ направо, а тамъ были сложены одна подъ другой выдѣланныя кожи, штукъ пять. Я вздумалъ отрѣзать вдоль одного бока ремень для кнута. Пришелъ въ комнаты, а тамъ столяръ Осипъ, нѣмецъ, работалъ. Я лишніе клочки тутъ обрѣзалъ и отнесъ, не знаю кому, сплести кнутъ, или самъ взялся; однимъ словомъ, дѣло не въ томъ, кто его плелъ. Я тогда, думаю, не могъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ маленькимъ.

Но это дѣло раскрылось: отецъ полѣзъ на чердакъ и на грѣхъ увидалъ, что кто-то полкожи отрѣзалъ. Безъ всякаго слѣдствія виновникъ былъ обнаруженъ. Не знаю, почему,—стащилъ ее отецъ сюда къ Осипу въ мастерскую; позвали меня. Вижу, кожа тутъ лежитъ—у меня все захолонуло; щеки огнемъ запылали, и ноги какъ-будто отсидѣлъ, зудѣли—такъ перепугался. Отецъ говорилъ:

— Куда ты отрѣзалъ полкожи?

— Я не рѣзалъ полкожи, — говорю я, —а отрѣзалъ на кнутъ.

— А на что тебѣ кнутъ? Кого погонять?

— Для лѣта, табунъ гонять.

— До табуна еще очень далеко,—говорить онъ.

Я видѣлъ—бѣда неминуема. Хотя и не полкожи, а я виноватъ—самъ отрѣзалъ. А отецъ взыскателенъ. «Конечно,—думаю,—пропаль!» А онъ опять напалъ на меня.

— Куда дѣвалъ? Кому отдалъ полкожи?—и взялъ кожу и тычетъ къ самому моему носу, даже зацѣпилъ за него.—Вотъ, вотъ, развѣ не видать полъ кожи?

Я думаю: «развѣ кто послѣ по готовому слѣду отрѣзалъ! Можетъ, Чупрыкъ, кучерь, для починки хомутовъ или такъ, просто кто-нибудь укралъ».

— Говори скорѣе!—кричитъ уже отецъ —Все равно, скажешь вѣдь!

А я на него уже и не смотрю—боюсь, и жду участи своей, участи горькой. На крикъ пришло много людей, почти полна комната; всѣ не дышатъ, всѣ думаютъ: пропалъ ребенокъ, затаскаеть! А бабушка говоритъ:

— Эка поганецъ! Зачѣмъ было трогать!

Мать пришла, тожестоитъ ни жива, ни мертва. Скандаль на весь домъ. Иосифъ, столяръ, стругаетъ и тоже поблѣднѣлъ, не живой.

— Ну, гдѣ же клочки?—допытывался отецъ.

— Кто ихъ знаетъ, говорю я,—гдѣ-то бросилъ.

— Нѣтъ, у меня найдешь! Все разыщешь!

А всего-то тамъ пропажи на 2 рубля. Вдругъ подходитъ Бахитъ, схватилъ кожу изъ рукъ отца, разостлалъ и говоритъ:

— Что ты, Иванъ! Гдѣ тутъ полкожи? Вотъ уши, значитъ, тутъ перѣдъ, тутъ задъ —тоже цѣлый. Тутъ немного вотъ, чуть отрѣзано, вотъ такъ!—и показалъ, какъ отрѣзано.

Отецъ сначала искоса глянулъ, не вѣря, потомъ присмотрѣлся, какъ слѣдуетъ, и говоритъ:

Да, правда твоя, Бахитъ! Немного отрѣзано.

И охолонулъ немного и даже смирился. А у меня все тѣло освободилось, какъ изъ тисковъ. И всѣ свободно вздохнули. Отецъ вышелъ. Мать вздохнула и сказала:

— Спасибо Бахиту! Это его Богъ принесъ. Вздохнула и бабушка, промолвивъ:

— Спасибо Бахиту,—на эту пору пришелъ, а то тебя, касатикъ, вѣдь запоролъ бы, у него вѣдь не отобьешь!

Вздохнулъ и Иосифъ, столяръ; всѣ вышли; онъ и говоритъ мнѣ:

— А я, Ванюшка, твои клочки кожи покидалъ въ группку (печь) далеко назадъ. Я услышалъ, что тамъ, въ сѣнцахъ шумъ изъ-за кожи, вижу—бѣда на тебя валится, и думаю: можетъ, ты откажешься. Глядь, а куски тутъ валяются. Я подумалъ—тогда ко мнѣ

придерутся, скажутъ: „кто это кожу рѣзалъ?“ И я долженъ сказать, мнѣ отказаться нельзя. А мнѣ тебя „джуа жалька!“ Я скорѣе подобралъ и кинулъ въ группку; потомъ опять отворилъ, глянулъ — они виднѣются,—онъ оглянулся назадъ, какъ бы кто не подслушалъ.—Я сейчасъ накидаю щепокъ, стружекъ, чтобы погорѣли клочки, а то увидятъ, опять какъ бы не стали придираяться.

О, отцы! Ежели вы любите своихъ дѣтей, ежели любите своихъ чадъ, не поступайте съ ними жестоко, умѣряйте строгость. Я теперь часто бываю больнымъ, „нервно больнымъ“—гсворятъ доктора. Развѣ подобные случаи не потрясутъ молодой неокрѣпшій организмъ? Развѣ не разстроятъ или хотя не подѣйствуютъ на нервы? Вѣдь я стоялъ въ сильномъ испугѣ, ногъ и рукъ не чувствовалъ, есть ли онъ или нѣтъ ихъ. Легко сказать! А представьте себѣ: ежели-бы отецъ избилъ меня тогда или пусть все случилось, какъ оно было, и отецъ на другой день умеръ бы, то тогда что же? Я—наслѣдникъ. Онъ былъ чужой, и чужой меня изувѣчилъ за мое добро. „Нѣтъ, —кто-нибудь скажетъ—пока онъ живъ, оно ему, отцу, принадлежит.“ А я скажу: „нѣтъ, это добро, это имущество—дѣдовское, и дѣдъ недавно умеръ, года 3 или 4 назадъ, не болѣе.“ Да и немного надо, и такъ сказать: „а Богъ? Гдѣ Богъ даетъ, Онъ можетъ и отобрать.“ Конечно, кто имѣетъ большое состояніе, тотъ не хочетъ признаться, что это Богъ ему даетъ, а будетъ увѣрять, что это онъ нажилъ и что всѣ остальные—негодяи, а что у нихъ нѣтъ лежебоковъ. Можетъ быть, это и такъ, можетъ, это и правда твоя. Такъ отдай лежебоку, а самъ вновь наживи. Но ты неумѣлому гроша не дашь и, кромѣ того, смотришь на неумѣлаго, на его кожу, какъ на свою собственность, и стараешься его обобрать, поработить, да не одного, а со всѣмъ его семействомъ. Я скажу вамъ и похвалюсь, что я большой мастеръ золу въ ведра нагребать, и если кто не умѣетъ этого дѣлать и придетъ ко мнѣ, то я ему могу нагрести одно, два, три, десять ведеръ и насколько не буду бояться, что ея у меня убавится, такъ какъ я мастеръ это дѣлать. Нагребу тебѣ и себѣ, потомъ кому угодно и опять себѣ. Я въ этомъ увѣренъ, потому что

я мастеръ этого дѣла.

Вечеръ; грязь невылазная; тепло.

Мы собрались чай пить въ столовой въ сѣверо-западной комнатѣ. На столѣ кипѣлъ самоваръ. Пришелъ я; всѣ уже сидѣли за столомъ. Потомъ всѣ встали, я прочелъ молитву, и сѣли чай пить. Паня, Костя, Маша — невѣстка, Настя — вѣчномолчаливая; потомъ Петровна, бабка, Болючиха — она всѣхъ дѣтей повивала, и теперь ежели кто пріѣзжалъ, животомъ страдалъ, топили баню и ее брали съ собою. Вотъ и сейчасъ пріѣхала Петровна, ходили съ нею въ баню, и теперь сидятъ за чаемъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Машей, моей супругой, и похлопывалъ ее по спинѣ. Шелъ веселый разговоръ и путемъ не одинъ изъ нихъ не кончался. Я говорилъ имъ о матери Нерона, рассказывалъ о томъ, какъ она отравила мужа и воцарила сына, а потомъ, какъ онъ ее утопилъ — ей это халдеи предсказывали.

— Какъ же? Мать родную такъ и утопилъ? — спросила Маша.

— Да, — отвѣчаю я.

— Экій людоѣдъ! — поражалась она.

— А вотъ я давалъ на-дняхъ Настѣ читать, а потомъ Паня читалъ, какъ одинъ царь львами и собаками травилъ христіанъ, это тоже онъ самый.

— Эхъ, жалко! — подхватила Маша. Такъ бѣдненькіе пропали: всѣхъ поразорвали! Вотъ людоѣдъ царь былъ, такъ людоѣдъ!

— А вѣдь, — продолжалъ я, — матери еще ранѣе сказали волхвы, что сынъ ея будетъ царствовать и онъ же ее убьетъ.

— Зачѣмъ же она за него старалась такъ? — спросила Маша.

Я отвѣтилъ: то-то, материнское сердце! Думала, пусть убьетъ, лишь бы царемъ былъ. А можетъ быть думала, что это предсказаніе такъ пройдетъ, не сбудется.

Этотъ Неронъ былъ страстный пѣвецъ, но ему это искусство не удавалось. Какъ царь, онъ достигъ высшаго достоинства: онъ былъ царемъ полсвѣта, онъ всѣхъ переросъ высоко. Но на время онъ хотѣлъ сравняться съ прочими людьми, войти въ общество и быть, какъ всѣ остальные. Этого не могло быть: его всѣ знали и не равняли съ собой. Когда-то онъ былъ такимъ же простымъ смерт-

нымъ, какъ и всѣ, но, сдѣлавшись царемъ, онъ потерялъ это равенство, и теперь не могъ его найти. Онъ пѣлъ своимъ подданнымъ и не могъ добиться правды, хорошо онъ спѣлъ или плохо. Ежели бы даже Неронъ сказалъ: «я буду пѣть чрезъ недѣлю. Какъ пѣсня? будетъ хороша?» — то всѣ въ ладоши захопали бы: «хороша! хороша!» Неронъ это сознавалъ, и ежели бы онъ дѣйствительно былъ хорошимъ пѣвцомъ, то на это время онъ съ удовольствіемъ сдѣлался бы простымъ смертнымъ, а не такимъ высокимъ, какъ былъ, такъ какъ это лучше для любителя: онъ хорошій пѣвецъ, его хвалятъ и любятъ за пѣніе, и этого онъ заслужилъ, потому что ему Богъ далъ этотъ даръ. Я полагаю, что нѣкоторые миллионеры, имѣя состояніе, передъ нимъ тянутся. А вспомните мою исторію на току. Вечеръ; послѣ дневной солнечной жары дунулъ свѣжій вѣтерокъ, и всѣ послѣ работы собрались около меня, всѣ они равны — и парни, и дѣвки — и начались шутки; никто никого не стѣсняется; умъ у нихъ равный; у нихъ идетъ свой балъ, — балъ, близкій къ природѣ, не такой, какъ у васъ на второмъ или третьемъ этажѣ: одинъ другому дѣлаете реверансы или возьмете свою даму и боитесь коснуться, зацѣпить ее по неловкости, держите себя насторожѣ; едва держите ее, съ трудомъ держитесь и сами. Тебѣ хочется свою пару поплотнѣй прижать и ей тоже хочется, но вотъ выросли, высоко выросли! Этого нельзя, приличіе въ модѣ, хотя его и нѣтъ, въ сущности, потому что души ваши обнялись, а это все равно, что вы сами обнялись. А что-же изъ этого? А то, что у васъ было когда-то настоящее тѣло, а теперь стало тѣнью тѣла: не прикасаются, строго ведутъ себя, одинъ отъ другого далеко, а души сцѣпились крѣпко, нерасторжимо. А на току балъ просто дланью мощною, полная длань, — и все это хорошо, нѣтъ искусственности. Даже случается, души у нихъ далеко другъ отъ друга, а тѣла на балу раздольномъ близко. Егоркѣ или Садеку, имъ какое дѣло, что Марфуткѣ это не нравится! А они ее мнутъ, потому что это было вчера. Почему же сегодня не можетъ быть? И для чего сдерживаться? Егорка даже не знаетъ, для чего сдерживаться, когда

это и Марфуткѣ не очень противно. Вотъ вамъ клубъ, дѣйствительный клубъ, настоящій клубъ, клубъ первобытной свободы, самобытности. Вы переросли этотъ возрастъ, эти желанія. У васъ есть такія желанія, но этикетъ запрещаетъ приводить ихъ въ исполненіе. Вы сдѣлались Неронами, вы переросли эту дѣйствительность, потеряли ее, и хотите ее найти въ деликатности, и находите, а желанія все тѣ же. И смотрите вы сверху внизъ, потому что все, что вамъ нужно и чего хотѣли достигнуть, осталось внизу. И вы жалѣете, тоскуете по ней, оба тоскуете — и ты, и она.

* * *

Напившись чаю, я вышелъ въ залъ и началъ записывать вышеприведенное. Слышу, смѣхъ за столомъ, всѣ со смѣху прямо закатываются, а бабка Петровна, хохлушка, упала на диванъ за столомъ и катается. Чай стоитъ на столѣ. Маша тоже катается со смѣху и говоритъ:

— Ну-ка, Петровна, еще! Ну-ка, Петровна, еще хоть разъ повтори!

Я вошелъ—тоже заинтересовался, надъ чѣмъ онѣ такъ смѣются. Оказалось, дѣло вотъ въ чемъ: бабка Петровна была разъ у цыганъ, «бабувала» тамъ, и научилась цыганской пѣснѣ. Вотъ Маша и пристаётъ: «повтори, Петровна!» Та повторить и сама со смѣху катается, а Маша такъ просто на-распашку смѣется, и всѣ смѣются. Я пришелъ и говорю:

— Ну-ка, Петровна, повтори!

Она повторить и закатится, и всѣ закатятся. Взялъ я книгу, въ которой всѣ рабочіе записаны, и стихъ одинъ записалъ, а потомъ сюда переписалъ. Вотъ онъ:

Ей, Паримоне, Паримоне,
Помѣняемся на кони!
Твоя крива да высока,
А у мене слѣпа да безъ ока
Ей, ну-ну, ну-ну!
Зей зи море по улицѣ шиндерели,
Ж'еуре думарили: дасть Боже море.
Ж'еуре! Ей, ну-ну, ей ну-ну!

* * *

Теперь я расскажу про тотъ случай, драму горькую, причиной которой былъ Бахитъ.

Я былъ маленькимъ, годочковъ трехъ, че-

тырехъ не болѣе, прихварывалъ, лежалъ долго больнымъ и не больнымъ. Приѣхала какая-то барыня и привезла банку, кажется, клубничнаго варенья. Дѣдушка распечаталъ, далъ мнѣ съѣсть ложечки двѣ. Мнѣ это такъ понравилось, лучше некуда. На другой день онъ опять пришелъ ко мнѣ въ комнату, спрашиваетъ:

— Ну что, Ваня? какъ тебѣ варенье? нравится?

— Очень нравится!—отвѣчаю я.—Мнѣ даже отъ варенья легче стало.

Онъ разсмѣялся.

— Ну,—говорить,—когда легчаетъ, надо вѣдь еще?

— Надо, надо! Легчаетъ!—съ радостью произнесъ я.

Онъ мнѣ далъ еще нѣсколько ложекъ и ушелъ. Слышу, тутъ недалеко рассказываетъ онъ бабушкѣ и смѣется:

— Вѣдь ты, бабка, знаешь? Ванѣ вѣдь отъ варенья легчаетъ!

И бабушка посмѣялась. А я былъ очень доволенъ, что дѣдушка этому повѣрилъ. И вотъ онъ часто ко мнѣ входилъ и спрашивалъ:

— Ну, какъ теперь?

Я говорилъ:

— Отъ варенья легчаетъ.

Онъ смѣется: значить еще дать? Я говорю:

— Дай!

— Тебѣ отъ варенья лучше?— снова спрашиваетъ онъ:

— Я даже сталъ выздоравливать!

Онъ опять засмѣется. Я радъ, что дѣдушка мнѣ вѣритъ,—это мнѣ на пользу. А разъ пришелъ отецъ и принесъ колокольчикъ, отъ козленка отвязалъ. Я такъ былъ радъ, что даже спалъ съ нимъ и не промѣнялъ бы его на весь земной шаръ, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ весь изъ золота. Я отдалъ этотъ колокольчикъ матери спрятать въ сундукъ, такъ какъ боялся, какъ бы у соннаго кто не укралъ его. Кто-то тамъ,—а, можетъ быть, и мать, только нѣтъ: я видалъ, какъ мать клала его на наряды, лежавшіе въ сундукѣ, а, можетъ, и сестра Маша—доставала что-либо изъ сундука и его положила на ящикъ, а когда крышку закрыли,

она раздавила объ ящикъ колокольчикъ. Какъ увидалъ это я, то, кажется, все на свѣтѣ потерялъ, загоревала моя душа. Я, должно быть не безъ того, и плакалъ—теперь не помню. Отецъ узналъ о моемъ горѣ и принесъ мнѣ другой. Я былъ радъ, до того радъ, что болѣе некуда радоваться, а отецъ мнѣ казался прямо божествомъ, такъ какъ не сдѣлалъ мнѣ ни одного упрека и не грустилъ, а даже другой принесъ, лишь бы мнѣ было веселѣй, лишь бы меня это забавляло. Я игрался этимъ колокольчикомъ долго: потомъ опять повторилась та же исторія: и его также раздавили въ сундукъ. Я собралъ мѣдные осколки отъ колокольчика, составлялъ ихъ, складывалъ и тутъ-же, глядя на нихъ, сокрушался. Вошелъ отецъ, ничего не сказалъ, но бросилъ мнѣ нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Я думалъ, что мнѣ подарено цѣлое состояніе. Я ихъ то такъ складу, то перекладу и, между прочимъ, удивлялся тому, что отецъ меня такъ любитъ: ничего не сказалъ даже за два колокольчика. Входилъ дѣдушка, давалъ варенье, и по-прежнему спрашивалъ, какъ мое здоровье теперь. Я отвѣчалъ, что здоровье лучше—я таки дѣйствительно поправлялся. На стѣнѣ висѣли стѣнные часы, небольшіе, напротивъ моей кровати, маятникъ качался—тикъ-такъ, тикъ-такъ.... Дѣдушка переводилъ стрѣлку, они звонили. Я даже привставалъ на кроваткѣ и и жадно смотрѣлъ. Онъ пять обводилъ стрѣлку и опускалъ руку; они начинали звонить, а онъ считалъ: шесть, семь, восемь.... Потомъ опять.... Должно быть, часы отстали, онъ ихъ подводилъ. А мнѣ это очень нравилось. Потомъ дѣдушка давалъ мнѣ ложечку варенья и уходилъ, говоря:

— Часовъ не трогай безъ меня!

Должно быть, видѣлъ, что мнѣ это нравится, и подумалъ, какъ бы я безъ него не занялся тоже поворачиваніемъ стрѣлки. Онъ вышелъ, а часы опять: тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ.... (сейчасъ Маша взглянула и улыбаясь позвала: «баринъ, скорѣе вечерять!»)

Я сталъ выздоравливать, но ходить еще не было силъ; потомъ стало лучше, почти поправился. Дѣдушка все съ собой сажалъ меня обѣдать, даже если было много гостей. Подавали чаще всего борщъ съ мелкими ку-

сочками баранины. Дѣдушка удивлялся, что у меня ложка хороша, да я и самъ казался ему особенно ловокъ, потому что по нѣскольکو кусковъ сразу захватывалъ ложкой. Это его радовало и удивляло, а я боялся, какъ бы не сплеховать, какъ бы всегда по нѣсколько кусковъ баранины набирать въ ложку. Онъ повторялъ:

— Вотъ какъ у насъ! Вотъ такъ-такъ! Ай-да Ваня!...

Я просто росъ отъ удовольствія. Вечеромъ чай сажали съ собой пить. Гостей было очень много, всѣ мѣста за столомъ заняты; пили чай. Я сидѣлъ съ дѣдушкой посреди стола. Я и говорю ему:

— Чаю много на ночь не пей, можетъ случиться....—и шепнулъ ему на ухо, что можетъ случиться.

Дѣдушка засмѣялся, а за нимъ и всѣ гости. Кто-то сказалъ:

— Какъ его предостерегаютъ, такъ онъ теперь своего дѣда!

И опять всѣ засмѣялись. Я былъ у дѣдушки самымъ любимымъ изъ всѣхъ внуковъ; онъ почти со мной не разставался, даже клалъ спать съ собой. Въ это время принесъ Бахитъ часы, повѣсилъ за шнурокъ къ потолку въ той самой комнатѣ, гдѣ я лежалъ; часы карманные, конечно, грошевые. Я въ то время бѣгалъ тамъ. Вздумалось мнѣ ихъ посмотреть поближе. Я поставилъ стулъ, влѣзъ на него и всталъ на ноги. Смотрѣлъ, смотрѣлъ на нихъ, и почему, не знаю, мнѣ вздумалось стрѣлку повернуть; только взялся, а объ стрѣлки вдругъ и упали на землю. Дѣло выяснилось, отецъ свилъ кушакъ и больно билъ, даже разъ отдыхалъ. Я столько кричалъ отъ боли, что даже охрипъ.

Какъ мнѣ жаль этого времени золотого, а, между тѣмъ, сколько яду въ немъ. Мнѣ жаль себя, и не только себя: ежели-бы на моемъ мѣстѣ былъ какой-либо другой Ваня, мнѣ и его было бы жаль до слезъ. Почему не прятали такихъ вещей отъ такого возраста? Въ дѣтскомъ возрастѣ кто же не таковъ? И я теперь всегда виню того, кто не прибиралъ хрупкихъ непрочныхъ вещей отъ дѣтей. Вотъ, милый читатель, отчего я пишу, пишу и заплачу. Слѣдсмъ за золотомъ и огонь,—и сладости нѣтъ... Все мое состояніе

надорвалось. Дѣдушка все меня спрашивалъ, не знаю для чего: „за что тебя, Ваня, отецъ побилъ?“ Я молчалъ и сталъ избѣгать дѣдушки: боялся, что онъ будетъ опять попытаться. А отца я съ тѣхъ поръ сталъ представлять, какъ строгаго судью, и понятіе «стець» у меня уничтожалось постепенно и, наконецъ изгладилось, а въ душѣ бѣднаго Вани осталось: «не трогай, а то батюшка побьетъ». Потомъ, бывало, остановлюсь надъ чѣмъ-нибудь и вдругъ это: «не надо, а то батюшка побьетъ». Слово „побьетъ“ впиталось въ меня, и съ тѣхъ поръ присутствіе отца для меня было невыносимо: я боялся глянуть ему въ лицо, все порвалось, остались лишь судья и мальчикъ, а отца и сына уже не было—испарились изъ сердца. Однажды я игрался на дворѣ. Подошелъ ко мнѣ Бахитъ и говорить:

— Теперь я, Ваня, купилъ другія стрѣлки, новыя!

Я ничего не отвѣтилъ и не знаю, для чего онъ это сказалъ; вѣроятно, чтобы я не тужилъ о томъ, что ихъ поломалъ.

Можетъ быть, и ты, читатель, такого же мнѣнія, что нужно за это строго наказывать малютку-крошку. А я спрошу у тебя, каксе положеніе тебѣ нравится: когда ко мнѣ отецъ приходилъ и приносилъ колокольчики, и я его считалъ святымъ, потому что это, думалось мнѣ, простому смертному недоступно: онъ не можетъ дѣлать такихъ уступокъ, простой смертный; т. е. всякій обыкновенный человѣкъ, думалось мнѣ, способенъ только учить, наказывать, взыскивать; я тогда былъ крошка и тогда мнѣ ужъ казалось, что уважать и прощать могутъ только святые, потому что миръ и любовь для нихъ дороже всего. Такъ я тогда думалъ и я не ошибался. Отецъ меня любилъ, я не уберегъ колокольчика, стоившаго, по моего дѣтскому представленію, очень дорого, и отецъ даже не упрекнулъ, и за другой не упрекнулъ, потому что любовь считалъ дороже и ему жаль было огорчать малютку. Мнѣ казалось, что такъ поступить можетъ только святой: не только не сдѣлалъ мнѣ ничего за оба колокольчика, но еще далъ мнѣ цѣлую горсть денегъ. Можетъ быть, ты, читатель, думаешь, что я тутъ раскрашиваю, а подумай хоро-

шенько, и само дѣло скажетъ тебѣ, что это такъ было, истинно такъ должно быть, и подумавъ, ты скажешь: «Эго правда!» Или можетъ быть, тебѣ нравится другое положеніе, когда отецъ меня наказалъ, и я считалъ его ниже обыкновеннаго человѣка, потому что онъ можетъ всегда наказывать, даже за малѣйшій поступокъ, и наказывать больно, немилосердно, потому что онъ отецъ, онъ можетъ бить, и не пожалѣетъ, и у него не выпросишь снисхожденія. Мнѣ думалось, что чужой скорѣе пожалѣетъ, смилуется, его можно упросить, потому что онъ чужой, потому что онъ не отецъ. И иногда случалось—играемъ мы, дѣти, и вотъ изъ среды нашей кто-нибудь скажетъ, бывало: «мой батюшка пріѣхалъ, я побѣгу, встрѣчу его и пойду съ нимъ въ хату». А я думаю: какъ онъ не боится своего отца! Вѣдь онъ за что-нибудь придерется и побьетъ немилосердно и больно. Какая ему охота—думалъ я—быть тамъ, около отца! Тамъ вѣдь страшно!.. И мнѣ было очень удивительно, даже и не могъ подумать, какъ это итти къ отцу и еще радоваться.

31 Января.

Какъ поясненіе къ этому разскажу еще два случая тоже изъ своей жизни. Въ одномъ случаѣ я былъ свидѣтелемъ только, но его стоитъ помнить, къ тому же подобный случай былъ и со мною. Одному я далъ названіе «Любовь», а другому—«Ненависть». Любовь и Ненависть. Вотъ почему мнѣ очень нравилась та долина покоя, которая, какъ скатерть, развернулась предо мной, когда я лежалъ у тестя на диванѣ, противъ окна, и прохладный ночной воздухъ дышалъ на меня, и свѣтлая звѣзда горѣла предъ глазами въ необъятномъ пространствѣ. Мнѣ казалось, что на этой долинѣ есть люди, но не такіе, какъ мы: они кротки, какъ агнцы, одинъ другого берегутъ, чтобы не оскорбить; а за религію не то что наказывать одинъ другого, а даже не осмѣливаются напомнить другъ другу о разницѣ ихъ религій, такъ какъ это можетъ оскорбить другого, и ему тогда будетъ очень больно за свой неосторожный поступокъ; миръ для нихъ дороже всего, дороже всѣхъ сокровищъ; если бы коснулось чуть какой-либо вещи, то они оба бросили бы

Подписная цѣна на все выпуски дневника, записокъ и альбома „Библейскаго Сада“ покойнаго Ивана Ивановича Мазаева: 5 руб., съ пересылкою 6 руб., на лучшей бумагѣ 6 руб., съ пересылкою 7 руб.

Портретъ Ивана Ивановича и его факсимиле будутъ помѣщены въ слѣдующемъ (третьемъ) выпускѣ.

☉ желаніи имѣть все вышеупомянутые выпуски прошу обращаться по слѣдующему адресу:

Петру Абрамовичу Мазаеву,
почт. отд. ст. Кутейниково, Екатерининской жел. дор., Области Войска
Донскаго.